

Мартин Сэй

Зеркальный вор

Martin Seay

THE MIRROR THIEF

© В. Дорогокупля, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА® * * *

Лучшая книга 2016 года по версии журнала

Publishers Weekly

Замечательный роман – магический, масштабный и пугающий. «Зеркальный вор» – это чудо писательского мастерства, выходящее за рамки всех жанров и определений: три переплетенных истории, которые погружают вас в мир тайн, преступлений, насилия и одержимости... Ошеломляющий дебют невероятной литературной глубины.

Дуглас Престон

Это завораживает... Вызывающий ассоциации с Германом Гессе, Умберто Эко и Дэвидом Митчеллом, увлекательный магически-зеркальный роман Мартина Сэя поражает своей отточенной завершенностью.

Booklist

Удивительный дебют – утонченно-интригующее повествование, в котором смешались азартные игры и мистика, а три сюжетных линии разделены столетиями... Мистер Сэй создал свой особый колдовской стиль: его изощренный, дразнящий сознание триллер буквально принуждает читателя переворачивать страницу за страницей.

The Wall Street Journal

«Зеркальный вор» содержит три сюжетных линии, действие которых происходит в трех городах и в трех эпохах, и все это сливается в одно целое: в сложное и запутанное метафизическое странствие, которое наверняка придется по душе поклонникам Дэвида Митчелла и Умберто Эко. Это два внушающих уважение имени, по которым любители действительно талантливой, насыщенной смыслом литературы могут ориентироваться, обращаясь к творчеству Мартина Сэя.

Barnes & Noble

Имея под рукой эту книгу, в других я и не нуждался. Я начал восторженно рассказывать о ней друзьям еще до того, как дочитал ее сам... Потрясающая вещь... сочно и дерзко

написанная... и чрезвычайно познавательная.

The New York Times

Истинное наслаждение: подобие огромной и полной диковин кунсткамеры, где зловещий современный триллер соседствует с мистикой, сверхъестественными явлениями и захватывающей исторической авантурой... Это шедевр эпического размаха, который можно полюбить, как давно утерянного и вновь обретенного друга.

Publishers Weekly

Пронзительная вещь... «Зеркальный вор» переливается разными красками, как бриллиант, и периодически вспыхивает искрами гениальности.

National Public Radio

Самый неординарный и амбициозный роман 2016 года... превосходно написанный, наводящий на размышления, проникнутый мистическим духом.

The Chicago Review of Books

Это настоящий шедевр, в котором читатель то и дело натывается на колоритные описания и нескончаемую череду ярких персонажей.

Electric Literature

Эффектный и смелый дебют, при ознакомлении с которым очень скоро понимаешь, почему он произвел фурор среди критиков.

Chicago Center for Literature and Photography

Умопомрачительное 600-страничное путешествие по трем столетиям и двум континентам... Отчасти криминальный триллер, отчасти поэтическая медитация, с неожиданными сюжетными поворотами и отсылками к известным личностям самого разного рода, таким как французский драматург Антонен Арто или телеведущий Джей Лено... Поразительная игра воображения.

Book Page

Если сравнивать с книгами Дэвида Митчелла, то масштабный и жанрово разнообразный роман Мартина Сэя «Зеркальный вор» как минимум не уступает большинству сочинений этого автора.

Flavorwire

Читатель, будь осторожен, отправляясь в это странствие по трем Венециям в три знаковых момента истории. Подобно карточному шулеру, уличному аферисту или охотнику за живым товаром, затаившемуся во тьме веков, Мартин Сэй постарается тебя одурачить, загнать в тупик, увлечь неведомо куда. Приглашаю попытать счастья с «Зеркальным вором», ибо тут невозможно остаться в проигрыше.

Захари Додсон (автор «Летучих мышей Республики»)

Повествование широко петляет в пространстве и времени, сохраняя все признаки триллера и при этом позволяя просто насладиться чтением.

New City Lit

Сделано мастерски и мистически.

Las Vegas Weekly

Безусловно, Мартин Сэй – очень вдумчивый и разносторонне эрудированный автор... Его книга достойна самого искреннего восхищения.

The Guardian

Необычный литературный гибрид: саспенс современного триллера вкупе с авантюрно-исторической эпопеей, приправленный сверхъестественной мистикой на фоне тщательно выписанных пейзажей и деталей обстановки, сложных отношений между героями и постоянного предчувствия угрозы... На редкость увлекательное чтение.

Daily Mail

Это колосс, все время меняющий облик: то криминальный роман, то интеллектуальное оригами, то исторический боевик плюс мучительные поиски героями собственного «я», сочетание иллюзии и мимесиса... Книга оказывает гипнотическое воздействие на читателя.

LA Review of Books

Рассказывая эту интригующую историю, автор с легкостью перемещается во времени, перепрыгивая через пять столетий.

Chicago Tribune

Книгу сложно классифицировать ввиду ее совершенной оригинальности. Это один из самых изощренных в плане сюжетного построения романов, появившихся в последние годы, но назвать его просто изобретательным будет явным преуменьшением. Три составляющих его истории так далеки друг от друга, как только возможно, и тот факт, что Мартин Сэй сумел сплести из них цельное повествование, кажется почти чудом.

National Public Radio

Если вы из тех, кто не прочь уделить время какому-нибудь пространному повествованию, охватывающему многие века и континенты, наподобие «Облачного атласа», то «Зеркальный вор» – это именно то, что вам нужно.

Publishers Weekly

Эта книга утвердила Мартина Сэя в качестве нового незаурядного автора, за дальнейшим творчеством которого нам всем стоит внимательно наблюдать.

BuzzFeed

Для Кэтлин Руни и в память о Джо Ф. Бойдстане

– А не случилось тебе видеть такой город? – спросил Кублай у Марко Поло, выставя руку в кольцах из-под шелкового балдахина императорского буцентавра и указывая на мосты, круглившиеся над каналами, на дворцы властителя, чьи мраморные пороги были скрыты под водою, на легко сновавшие туда-сюда, лавируя, ладьи, движимые толчками длинного весла, на барки, сгружавшие на рыночные площади корзины овощей, на колокольни, купола, балконы и террасы, на сады зеленевших среди серых вод лагуны островов.

<...>

– Нет, государь, – ответил Марко, – я и не представлял, что может быть подобный город.

Итало Кальвино. Невидимые города (1972) [1]

1

Будь начеку. Вот что ты сейчас видишь.

Высокое створчатое окно. Длинные – от потолка до пола – портьеры из зеленой парчи слегка раздвинуты. Серый свет просачивается внутрь. Бахромчатый ламбрекен над оконным проемом. Тюлевые занавески. Стекла дребезжат от порывов ветра, и занавески раздуваются, как паруса.

Стулья. Письменный стол. Комод. Гардероб (в этих старинных домах не бывает стенных шкафов для одежды). Белые стены. Полированный паркет, слишком скользкий для хождения в носках. Прикроватные тумбочки; на них лампы с вычурными абажурами. Белый телефонный аппарат. Аляповатая стеклянная люстра в виде голубых лепестков с матовыми сорокаваттными лампочками. Дешевка и безвкусица, как и во всех отелях по всему миру.

Ну и кровать, разумеется. Двухспальная. С балдахином. В углу постели пирамида узорчатых подушек, похожая на свадебный торт. Лняные простыни. Все одеяла, какие смог выделить хозяин гостиницы.

Coperte, per favore! Pi? coperte! [2] И все равно согреться под ними не удастся.

Coperta [3]. Суммируем числовые значения букв. Двести девяносто девять: «низвергать». В другом варианте выходит двадцать: «дышать», «прятаться» или «сметать грязь». Кроме того: «болезнь». «Сердечная боль». На иврите – ???? – получится сто двадцать четыре, что может означать факел или лампу. А также «отречься». «Обходить стороной». Возможно, «получать отсрочку». Надолго ли?

На комод разложена твоя одежда: серые брюки, черные носки, синяя оксфордская рубашка. Шляпа. Бумажник. Россыпь иностранных монет. На полу – недавно купленные белые спортивные туфли и твой чемодан. В углу пристроена твоя трость с железным набалдашником.

Через минуту ты спустишь ноги с кровати. Потом встанешь, подойдешь к окну и будешь долго смотреть вверх крыш: там с одной стороны виден кусочек улицы Ботери, а с другой – улица Морти, которая вливается в почти безлюдную площадь. Ты будешь стоять у окна и ждать. Как обычно.

В этом городе тебя никто не знает. Пускай ты мысленно миллион раз бродил по его улицам, в реальности ты здесь чужак, обыкновенный турист. И это одна из главных причин, по которым ты приехал именно сюда. Однако где-то там, снаружи, есть некто, тебя знающий, и он подбирается все ближе – словно жук, упрямо ползущий вверх по штанине, – и осознание этого выводит тебя из равновесия. Ты надеешься заметить его на пустынных по причине Великого поста улицах еще до того, как он возникнет в дверях твоей комнаты. Короткая стрижка. Пружинистая походка. Крепко сбита фигура. Распознать его будет несложно. Надо только добраться до окна, а там уже наблюдать и ждать.

Но не прямо сейчас. Пожалуй, чуть попозже. Сейчас ты неважно себя чувствуешь. Не то чтобы боль, но какое-то странное ощущение тяжести во всем теле. Несколько слоев одеял поднимаются и опускаются в такт дыханию.

На стене над изголовьем – перевернутая и сложная для восприятия под этим углом – висит репродукция в раме. Грязновато-серая акварель. Утлые суденышки. Тусклое небо. Сан-Джорджо-Маджоре вдали. Должно быть, вид с Рива-дельи-Скьявони. Внизу подпись черным по белому: «Дж. М. У. Тёрнер». Этот парень явно не знал, когда следует остановиться. Такое впечатление, что он пытался стереть свою мазню мокрой зубной щеткой.

Тёрнер . Складываем числовые значения, выходит пятьсот пять: «сосуды для питья», «неверно истолковывать».

Новый порыв ветра; дребезг оконных стекол. Третий день стоит холод, зима что-то подзадержалась. При отливе каналы совершенно мелеют, и гондолы застревают в илистом дне. Весь город приобрел уныло-постный вид. Вчера около полудня можно было бы дойти пешком от набережной Нове до Мурано. Представь себя бредущим по грязи под белокаменными стенами церкви Сан-Микеле. Боже, какая вонь! Скользкие черви и раковины улиток. И ботинки чавкают в черной жиже.

За стеклом маячит коренастая кирпичная колокольня церкви Сан-Кассиано – темный силуэт на фоне влажно-серых туч. Под ней – ряды ветхих жилых домов; облупившаяся цветная штукатурка обнажает красные кирпичи. Под свесами крыш воркуют голуби; их помет бледными шлепками орошает наружные подоконники. Чайки парят, как воздушные змеи, поводя головами из стороны в сторону. Их белизна сейчас кажется неестественной, как будто их переместили сюда с какого-то другого, нездешнего неба.

Чем было прежде это место? Всякое место когда-то было чем-то иным.

В комнате напротив окна расположено зеркало. Большое, в массивной раме. Зеркало как зеркало, тебе его более чем достаточно. Это может показаться безумием, но именно с зеркала все и началось.

Как выглядит зеркало? Какого оно цвета? Кто вообще когда-нибудь смотрел на зеркало, а не смотрелся

в него? Разумеется, ты знаешь, что оно тут, на стене. Но видишь ли ты его в действительности? Примерно тот же случай, что и с Богом. Хотя, пожалуй, это перебор. Но зеркало вот оно, перед тобой. Невидимый предмет обихода. Устройство для невидения .

Тебе всегда хотелось увидеть

само зеркало. Только и всего. Вроде бы такой пустяк, не правда ли?

Снова колокольный звон. Другая церковь неподалеку начинает звонить с небольшим опозданием и тем самым мешает сосчитать удары. В любом случае тебе уже давно пора вставать. Девушки в библиотеке, должно быть, начинают нервничать. Гадают, куда ты мог запропасться. Беспокоятся, как бы чего не случилось. Что ж, синьорины, возможно, сегодня оно и случится.

Постояв у окна, ты переместишься к комоду. Оденешься. Перекусишь на скорую руку. Сделаешь телефонный звонок. Или пару звонков. Сейчас в Лас-Вегасе поздний вечер. А на Восточном побережье еще не рассвело. Подожди немного. Нет причин для спешки. У тебя

есть еще время со всем разобраться. Есть неплохой расклад на руках. Не важно, что думает тот тип снаружи, тот бравый солдафончик, вынюхивающий твои следы на узких улицах, приложивший столько стараний и забравшийся в такую даль с единственной целью: тебя прикончить.

Времени предостаточно для того, чтобы разобраться и с ним, и со всеми прочими проблемами. Подойти к окну. Понаблюдать. А то и

поразмислить, почему бы нет? Сложить из множества кусочков нечто цельное. Закрыть глаза.

Прислушаться. Голоса из прошлого. На каждую загвоздку есть своя уловка. Учиться никогда не поздно. Вспомни все, что сможешь. Остальное домысливай.

Жаль, что сейчас у тебя уже нет этой чертовой книги! SOLVTIO 13 марта 2003 г.

Все города геологичны; и пары шагов не сделаешь, чтобы не наткнуться на привидения, горделиво несущие за собой шлейф старинных легенд. Мы передвигаемся по лимитированной территории, по местности, обнесенной границей, и каждый объект местности, все, что мы видим, неизменно относит нас к прошлому. Тени ангелов, удаляющаяся перспектива позволяют уловить изначальную концепцию места, но это лишь мимолетные видения. Как в сказках или сюрреалистических рассказах: крепости, стены, которые не перелезешь, не обойдешь, маленькие, забытые богом харчевни «Трех пескарей», пещеры мамонтов, зеркала казино.

Иван Щеглов. Формуляр нового урбанизма (1953)

2

Впереди на Стрипе вновь затевают пальбу пираты. Под гром финального залпа он вылезает из такси, и отдаленный звук аплодисментов настигает его уже на мосту Риальто. Запах серы, рассеиваясь в воздухе, придает вечернему бризу inferнальный привкус. Он морщит нос, преодолевая желание сплюнуть.

Теперь представим облик этого человека на движущемся тротуаре: невысокий, широкоплечий, с изжелта-коричневой кожей и россыпью черных оспинок, лет сорока на вид. Солнцезащитные очки в изогнутой оправе, новенькие синие джинсы, кожаная куртка и серая майка. На свежесбритой голове – кепи «Редскинз», низко надвинутое на глаза. Он шагает по рифленой поверхности дорожки, оглядывая туристов, которые то и дело останавливаются ради фото или цепляются за ползущие перила. Внизу, под мостом, невидимый гондольер поет высоким чистым голосом: «O mia patria sì bella e perduta», разворачивая свою лодку. С запада налетает порыв ветра, и песня угасает, как звук радио при ослабевшем сигнале.

Мужчина – его зовут Кёртис – входит в здание отеля под стрельчатыми арками галереи, минует ряды игровых автоматов и направляется к лифтам. Струя ароматизированного воздуха от кондиционера скользит по его потной шее, и та покрывается гусиной кожей. Проходя мимо столов блэкджека, он вглядывается в каждого из игроков. Он взвинчен и напряжен; ему кажется, что он упускает из виду нечто существенное.

Он нажимает кнопку двадцать девятого этажа, и лифт начинает подъем. Наконец-то никого нет рядом. Его отражение подрагивает в окрашенных под медь дверных створках. Он заменяет солнцезащитные очки обычными, в черной оправе, и достает ключ-карту из

внутреннего кармана куртки.

В его номере два телевизора, три телефонных аппарата и широченная кровать с балдахином; большие занавешенные окна смотрят на юг, вдоль Стрипа. Над раскладной кушеткой в нише висит картина – какой-то расплывчатый пейзаж – с подписью на медной табличке: «Дж. М. У. Тёрнер». При площади в шестьсот пятьдесят квадратных футов это наименьший из номеров, предоставляемых данным отелем. Кёртис не хочет думать о том, в какую сумму это обходится Деймону, однако тот платит без возражений, поскольку они оба знают, что это самое подходящее место.

Он проверяет автоответчик и факс: никаких сообщений. Достает из кармана куртки новую коробку патронов с экспансивными пулями и помещает ее в маленький сейф в глубине стенного шкафа, а на коробку кладет короткоствольный револьвер. Снаружи темнеет: городской пейзаж за окнами пропадает, сменяясь отражением самой комнаты в оконных стеклах. Кёртис выключает верхний свет, подходит к окну и смотрит на отели и казино вдоль Стрипа, на колокольню и бирюзовый канал внизу. Мелькают воспоминания трехлетней давности: Стэнли перегибается через балюстраду над причаленными гондолами. Твидовая шоферская кепка сдвинута на голую макушку. Маленькие крючковатые руки месят воздух. Молодая луна висит низко над западным горизонтом: бледный серп на черном фоне. Стэнли читает стихи: «Сгинь, похититель образов, в забвения пучине!..» Что-то вроде этого. Но прежде чем Кёртис успевает сконцентрироваться на этом воспоминании, оно исчезает.

По всему городу загораются огни, подрагивая в восходящих потоках нагретого воздуха. Вдали виден голубой луч «Луксора», вонзающийся в сине-фиолетовое небо. Кёртис думает о своем доме, прикидывает, не позвонить ли, однако с Филли трехчасовая разница; Даниэлла, должно быть, уже спит. Он раздевается до трусов, складывает одежду, пытается найти что-нибудь сексуальное на широком телеэкране, но там повсюду, куда ни ткнись, компьютерная графика крылатых ракет и трехмерные карты Персидского залива под разными углами. В конце концов он бросает пульт и выполняет серию отжиманий и приседаний на ковровом покрытии пола, тогда как над ним говорящие головы продолжают с энтузиазмом рассуждать о неминуемой войне; время от времени изображение глючит, и тогда их лица застывают, затем превращаясь в бессмысленную цифровую мозаику.

Покончив с разминкой, Кёртис выключает звук в телевизоре и снова открывает сейф. Там, рядом с коробкой патронов, лежит его обручальное кольцо. Кёртис берет его, кладет себе в рот и обсасывает, как конфету; металл постукивает по внутренней поверхности зубов. Он вынимает из кобуры маленький револьвер, разряжает его, проверяет барабан и вхолостую нажимает на курок, целясь в мигающий телеэкран, сто раз правой и восемьдесят раз левой рукой, пока не начинают ныть запястья и саднить указательные пальцы. Это новая пушка, он к ней еще не привык.

В желудке урчит – следствие долгого перелета и многих бессонных часов до того. Он убирает кольцо и револьвер в сейф, перемещается в роскошно отделанную мрамором туалетную комнату и, присев на унитаз, перерывает свой бритвенный набор в поисках ножниц для ногтей. Его руки пахнут оружейным маслом, кожа потрескалась на сухом воздухе, и впервые за этот день Кёртис вспоминает – по-настоящему вспоминает, – каково это: очутиться в Аравийской пустыне.

Позднее тем же вечером, возвращаясь в номер после ужина, Кёртис замечает подружку Стэнли за одним из столов для блэкджека на первом этаже.

Он на секунду останавливается, удивленно моргает, а затем начинает медленно обходить игорный зал по часовой стрелке, все время следя за ней боковым зрением. По пути прихватывает пластиковый стаканчик с имбирным элем, просто чтобы держать что-нибудь в руках. Она то и дело оглядывается по сторонам, но Кёртис, похоже, не привлекает ее внимания.

Описав по кругу двести восемьдесят градусов, он задерживается у покерного автомата, вскрывает ролл четвертаков, смачивает губы в имбирном эле. Он никак не ожидал, что сможет ее узнать – фотографий у него не было, а их единственная встреча произошла два года назад, на свадьбе его отца, – и сейчас удивлен быстротой и легкостью узнавания. Все еще выглядит как студентка, хотя ей должно быть уже под тридцать. Она напоминает Кёртису кого-то из компании белых юнцов и девиц, которые приезжали из Колледж-Парка на выступления джазовой группы его отца в Адамс-Моргане или Ю-стрите. Такая же сосредоточенная, сметливая, немного замкнутая. Получила хорошую закалку, выбираясь из передраг, причиной которых были, скорее всего, ее собственные ошибки, а не какие-то внешние обстоятельства или простое невезение. Худая. Волнистые каштановые волосы. Большие, широко расставленные глаза. Однако красивой ее не назовешь. Это было бы неверно истолкованным понятием красоты. Как на эскизе художника, никогда настоящую красоту не видевшего и рисовавшего только по словесному описанию.

Без малого час Кёртис наблюдает за ней, за ее быстрыми взглядами по сторонам, за группой людей поблизости. Он ждет, когда она выйдет из-за стола или когда из толпы материализуется Стэнли. Но Стэнли не видать, и его подружка не двигается с места. Она, похоже, считает карты, однако не пытается играть по-крупному – ее ставки почти не меняются после успехов или неудач. В целом она выглядит рассеянной, словно всего лишь убивает время.

Автомат выдает Кёртису трех дам, но он сбрасывает одну из них, опасаясь, как бы солидный выигрыш не привлек к нему внимание окружающих. Девчонка играет в той же манере, что и он. Интересно, она в курсе, что за ней наблюдают?

Справа появляется и торопливо идет вдоль узорчатого темно-красного ограждения немолодой, но крепкий и подтянутый мужчина в спортивном пиджаке. Это не Стэнли – судя по его косолапой, дерганой походке, – но девушка на него отвлекается, причем во время сдачи карт. Широко раскрыв глаза, она следит за перемещением мужчины, а затем хмурит брови и откидывается на спинку стула. Дилер что-то говорит ей, приглашая вернуться к игре; она бросает на него сердитый взгляд. Все это происходит в считанные мгновения.

Зато теперь Кёртис уверен, что сможет ее найти, если в этом возникнет потребность. Как и он, эта девчонка находится здесь из-за Стэнли.

Он скармливает автомату последний четвертак, покидает казино и возвращается в свой номер. Там прибыло послание по факсу: карикатура на фирменном бланке отеля «Спектакляр!», изображающая мускулистого темнокожего мужчину, который анально насилует старикашку с гипертрофированными семитскими чертами. Кёртис на картинке выглядит свирепым и неумолимым; его лицо и руки покрыты густой штриховкой. Из окруженных морщинками глаз паникующего Стэнли чередой запятых каплют слезы. Вверху страницы Деймон написал крупными буквами: «АТЫМЕЙ ЕВО ВЗАД!!!», а внизу, под рисунком: «МАЛАДЧИНА!!!!»

Кёртис комкает листок и бросает его в мусор, но затем выуживает из урны, рвет на мелкие кусочки и спускает в унитаз.

Ночью идет дождь. Кёртис просыпается в тот момент, когда вспышка молнии освещает дверь ванной; он поворачивается на другой бок, чтобы посмотреть в окно, и тут же засыпает вновь. Он хорошо помнит дробь капель по стеклу, однако утром не обнаруживает никаких следов прошедшего дождя.

Едва набрав последние цифры номера, он смотрит на часы и понимает, что сейчас пятница, почти полдень в округе Колумбия. Однако Мавия дома и берет трубку.

– Кёртис! – говорит она и широко улыбается, судя по голосу. – Салям алейкум, братишка! Мой определитель тебя не опознал. Ты сменил номер?

– Да, – говорит Кёртис. – Твой определитель не ошибся. Я только сейчас вспомнил, какой сегодня день, и удивлен, что кого-то застал. Вам уже пора двигаться в мечеть.

– Мы слегка затянули с выходом. И это к счастью, иначе пропустили бы твой звонок. Как поживаешь?

– Все в порядке. Но не буду тебя задерживать. Я хотел поговорить с отцом. Есть он там поблизости?

Кёртис слышит легкий стук, с которым Мавия кладет трубку на столик. Ее пронзительный голос удаляется вглубь дома, слова становятся неразборчивыми. Пока Кёртис ждет, его посещает пара воспоминаний, быстро следуя одно за другим. Во-первых, ее фотография на стене библиотеки в Данбаре: она окончила школу на шесть лет раньше него, но продолжала присутствовать там уже в легендарном статусе. Четыре раза в неделю он проходил мимо этого фото, отправляясь на футбольное поле за очередной порцией тумачов от линии защиты. Во-вторых, несколько лет спустя: ее исполнение «Let's Get Lost»[4] в маленьком клубе на 18-й улице, с закрытыми глазами, в круге голубого света. А позади нее, в тени, его отец склоняется над контрабасом. Уже вышедший из тюрьмы, но еще находящийся под надзором. В ту пору ее звали Нора Броули, а отец звался своим прежним именем Дональд Стоун. Кёртис тогда прилетел на побывку из Субика и сразу направился в клуб, даже не сняв повседневную форму цвета хаки, измотанный и выбитый из колеи сменой часовых поясов. Он помнит запотевшую пивную бутылку в своей руке и ощущение, будто все вокруг него переворачивается с ног на голову. Стэнли тоже был где-то там. Невидимый. Лишь его голос из темноты.

Кёртис слышит тяжелые отцовские шаги, через пол и столик передающие сотрясение телефонной трубке.

– Малыш!

– Привет, па.

– Не мог найти другое время для звонка? Знаешь же, что сейчас мне некогда точить ляды. Давай-ка я звякну тебе попозже с мобильного.

– Я ненадолго, па. Только одна маленькая просьба. Я тут пытаюсь связаться со Стэнли.

Кёртис чувствует тишину, которая повисает между ними и раздувается как мыльный пузырь.

– Стэнли? – уточняет отец. – Стэнли Гласс?

– Он самый, па. Стэнли Гласс. Мне нужно с ним поговорить. Может, у тебя есть его телефон или...

– А на кой тебе сдался Стэнли Гласс, малыш?

– Да так... просто хочу кое-кому помочь. Его разыскивает один мой друг. Я тебе о нем рассказывал – тот самый, который собирается дать мне работу в «Точке».

– Где? Ты же вроде говорил, что будешь работать в...

– В «Спектакляре», да. Так оно и есть. Просто все, кто там работает, называют этот отель «Точкой», потому что...

– Хорошо, но что понадобилось этому твоему

другу от Стэнли Гласса? Или он никогда не слышал о справочной службе? Достаточно набрать «четыре-один-один», и ты получишь номер Стэнли из базы данных Филадельфии. Всего-то проблем...

– Похоже, Стэнли сейчас не в Филли, папа. И не в Атлантик-Сити. Я думаю, он сейчас здесь.

– Секундочку, а где находится это самое «здесь»?

– В Вегасе, – говорит Кёртис. – Я звоню тебе из Лас-Вегаса.

Его отец делает глубокий вдох и с шумом выпускает воздух. Кёртису не следовало втягивать его в эти дела.

– Послушай, па, – говорит он, – я знаю, тебе сейчас некогда...

– В последнее время я мало общался со Стэнли, Кёртис, – говорит отец. – Он хороший человек и прекрасный друг, один из моих старейших друзей в этом мире, но мы с ним почти прекратили контакты после моей женитьбы на Мавии. Я его не осуждаю и не держу на него зла, но факты таковы, Кёртис...

– Я знаю, папа.

– Факты таковы – если позволишь мне закончить мысль, – факты таковы, что Стэнли – профессиональный игрок. А мы с Мавией теперь правоверные мусульмане. Во всяком случае, я стараюсь им быть. Учение пророка, мир ему и благословение, категорически запрещает...

– Да я все знаю, папа.

– Я знаю, что ты знаешь. Но ты должен крепко усвоить одну вещь. Стэнли – игрок до мозга костей. Он ходячий игровой автомат. Быть вместе со Стэнли – это значит играть вместе со Стэнли. А я так не могу. Я люблю его, он мне как родной брат, но...

– Ладно, папа, я тебя задерживаю. Мое дело не настолько важное. Я понял все, что ты сказал, и...

– Я только хочу, чтобы ты меня выслушал, Кёртис.

– И я тебя слышу, папа, будь уверен. Извини, что побеспокоил. А сейчас мне пора идти. Попрощайся за меня с Мавией.

Кёртис отключается и еще какое-то время смотрит на свой новый телефон, размышляя о собственной безграничной тупости и неспособности понять самые вроде бы простые вещи. Он все еще не позвонил жене.

Чтобы немного развеяться, он застилает широкую гостиничную кровать, тщательно

расправляя простыни и покрывало. Это занятие успокаивает и приносит хоть какое-то удовлетворение. А снаружи омытый дождем и уже обсохший город шумит под утренним солнцем, открывая себя новому дню.

5

Кёртис садится в автобус на остановке у казино «Харрас», ярдах в четырехстах южнее своего отеля. Он платит два бакса, занимает место поближе к передней двери и глазаёт по сторонам, проезжая вдоль Стрипа: на казино «Слотс-э-фан», на рекламу шоу «Крейзи герлз», на толстые синие щупальца водных горок в аквапарке. Горбатые желтые краны поводят стальными стрелами над холмами светлого грунта – могилой «Дезерт инн». Рабочие поливают землю из пожарных шлангов в попытке прибить пыль, но это не помогает: земля миглом всасывает воду, а пыльное облако с привкусом кремния остается висеть над площадкой.

В этот час автобус почти пуст – никаких голосов в салоне, слышно только урчание дизеля, – и Кёртис, повернувшись на сиденье, вытягивает шею, чтобы разглядеть вдали гору Чарльстон, благо воздух достаточно прозрачен после ночного дождя. На вершине еще полно снега, который яростно сверкает под слепящим солнцем, – этаким пробел на самом горизонте, словно кусок пустоты на месте чего-то вырванного из пейзажа.

Гора исчезает за трехногой башней отеля «Стратосфера», и Кёртис снова поворачивается лицом к ветровому стеклу. Теперь уже большие казино остались позади, а вдоль улицы тянутся мотели, свадебные часовни, магазины женского белья и всякой бижутерии. Эта часть бульвара всегда напоминала Кёртису Филиппины: Субик-Бей и мост в Олонгапо, за вычетом вонючей речки, лавчонок менял да босоногих детей, выпрашивающих мелкие монеты. Несколько помятых цепкоглазых раздатчиков рекламы уже заняли позиции на улицах, пристроив у ног свои пухлые сумки и прихлебывая кофе из бумажных стаканчиков. Вчерашние листовки и буклеты валяются на тротуарах: большей частью реклама секс-клубов, служб сопровождения и борделей. Ряды пальм редуют, уступая место рекламным билбордам: город навязчиво продается самому себе. С удивлением Кёртис вдруг ощущает радостную дрожь и, задержав дыхание, подавляет неуместную улыбку. «Что происходит в Вегасе, то здесь и остается». Он совсем один, и не с кем делить риск; он в кои-то веки в своей рубашке, которая, как ни крути, ближе к телу, чем казенная униформа.

Он высаживается близ Фремонт-стрит, главной улицы в старом центре города, с недавних пор превращенной в пешеходную зону и накрытой стальным куполом со множеством звуковых колонок и цветных светодиодных дисплеев. Сейчас видеошоу выключено, динамики молчат. С боковых улиц выныривают ранние пташки утренней смены – официанты, танцоры, торговцы; многие несут свою рабочую форму в рюкзаках или спортивных сумках. Кёртис, по инерции настроенный на время Филадельфии, понимает, как глупо начинать поиски в такую рань. Где бы Стэнли сейчас ни находился, он наверняка еще спит.

По 4-й улице он добирается до бара «Голд-спайк», где с досадным удивлением узнает, что стоимость завтрака из двух яиц там более чем удвоилась со времени его последнего визита: теперь они просят доллар девяносто девять центов. Он делает заказ у стойки, устраивается в кабинке у окна, смотрит на грузовики, такси и бронированные инкассаторские машины, мелькающие за пыльным стеклом.

Прошло почти три года. Летом 2000-го, после своей первой командировки на Балканы, Кёртис был направлен в Туэнтайин-Палмс инструктором по общевойсковой подготовке: шесть месяцев скрипящего на зубах песка и раскаленных на солнце скал. С точки зрения Корпуса

морской пехоты Кёртис являлся боевым ветераном, побывавшим в Персидском заливе в девяносто первом, выполнявшим миссии в Косово и Сомали; а посему они там решили, что ему следует передать свой опыт зеленым новичкам. Да только учитель из Кёртиса был никудышный: он не любил вспоминать об операциях, которые сам же считал проведенными бестолково, и не мог поделиться с учениками хоть чем-то действительно стоящим. Он пытался говорить с ними о том, что знал на практике, – об организации движения в боевой обстановке, о патрулировании тыловых районов или обращении с военнопленными, – однако все это звучало как текст из учебника, под стать стандартному поствьетнамскому трепу, над которым сам он насмехался на своих первых учениях в 1984-м. И он знал, что нынешние новобранцы точно так же пропускают все это мимо ушей. Никого на самом деле не интересовали рассказы о том, как держать под контролем полусотню иракских солдат, сдавшихся всего четырем разведчикам или водителям автоцистерн. Люди хотят готовиться к самым опасным ситуациям, но не к нелепым и анекдотическим. «Интересно, сколько сейчас этих свежее испеченных морпехов месят песок в Кувейте или Саудии, дожидаясь свистка к началу второго тайма той же игры?» – думает Кёртис.

В Туэнтинайн-Палмс Кёртис встретил своих одногруппников, с которыми некогда проходил подготовку в Форт-Леонард-Вуде, и все они дружной компанией по выходным ездили поразвлечься в Сан-Диего, Тихуану или Вегас. Поездки в Вегас всегда организовывал Деймон: караваны тачек с морпехами мчались через пустыню, а по прибытии на место они снимали целые этажи в отелях, с воплями «Всегда верны!» бросали кости на столы казино и пачками совали деньги налогоплательщиков за подвязки девиц в стриптиз-клубах. В каждой такой экскурсии участвовал кто-нибудь из молодых морпехов, и Деймон был у них главной темой для разговоров. «Офигеть! – говорили они. – Это самый чокнутый тип во всем Корпусе морской пехоты!» Но Деймон вовсе не был чокнутым. Он держал ситуацию под контролем, умел вовремя притормозить, подстраховать, а если что, и дернуть за нужные ниточки. Он оттягивался в охотку, но не слетал с катушек, когда все прочие тупо швырялись баблом или плевали на собственные ботинки.

Во время последней поездки они толпой бродили по одному из больших казино – «Сизарсу» или «Тропикане», – пугая гражданских и задирая летунов с базы Неллис, когда Кёртис ощутил хлопок по плечу и, обернувшись, увидел Стэнли. Тот похудел, даже отощал, но выказал прежние силу и ловкость, выбираясь из неуклюжих объятий Кёртиса. На вопрос, что привело его в город, Стэнли только ухмыльнулся, что могло означать: «Разве это не ясно?» или «Попробуй сам догадаться». Они поболтали с минуту об отце Кёртиса, о морской пехоте и общих знакомых с Восточного побережья, а затем разговор перешел на другие темы, и Кёртис, уже на три четверти выбравший свою предельную норму спиртного, оказался не в состоянии его поддерживать. Стэнли рассказывал что-то о блэкджеке в «Барбери-Коуст», о чем-то случившемся либо вспомнившемся ему во время той игры, потом упомянул английского фокусника по имени Флад с его знаменитым трюком, когда он заставлял разные предметы двигаться синхронно, как будто они были связаны невидимыми нитями. Кёртис думал, что Стэнли раскроет секрет фокуса или объяснит, какое отношение это имеет к той самой игре в блэкджек, но ничего такого не произошло, а Стэнли вдруг замолчал, внимательно глядя на Кёртиса и явно ожидая его реакции.

И вот сейчас, сидя в кабинке «Голд-спайка» и подбирая с тарелки остатки желтка кусочком тоста, Кёртис вздрагивает при этом воспоминании: оно холодит его кровь и лишает аппетита. И он не может понять почему. Отчасти его беспокоит факт собственной неспособности понять человека, которого он знал всю свою жизнь. Однако дело не в этом или не только в этом. Что-то еще отравляет это воспоминание: какое-то кошмарное, иррационально пугающее чувство. Ощущение угрозы, таящейся за чем-то с виду самым обыкновенным и привычным. Как встреча с человеком, выдающим себя за другого. Словно тем вечером в казино ему попался ненастоящий, поддельный Стэнли. Или, что еще хуже, сам Кёртис был тогда не настоящим собой.

В ту пору он, конечно, не испытывал подобных чувств: это был просто неловкий момент для обоих. Они стояли там со Стэнли, и Кёртис смотрел вниз, на свои шаркающие по полу ноги. Потом к ним приблизился Деймон, и Кёртис их познакомил.

Так она и случилась – встреча этих двух людей. Тогда это казалось пустяком. Ничего не значащей формальностью. А сейчас Кёртис уже не в силах проследить все ее последствия.

Остаток той ночи он провел в пьяном тумане, но один достаточно четкий образ все же сохранился в его памяти: Деймон сидит за игорным столом, на вид вполне трезвый, и с довольной ухмылкой смотрит в свои карты, а над ним нависает Стэнли, держа руку на его плече и что-то шепча ему в бритый затылок.

Так что в некотором роде все дальнейшее произошло по его вине, решает Кёртис.

6

В полдень приступает к работе дневная смена в казино, и Кёртис начинает свой поход по Фремонт-стрит, не пропуская ни одного игорного заведения. Он беседует с дилерами, официантками, барменами, охранниками и уборщиками, а также с распорядителями казино, если тех удастся разговорить. В зависимости от ситуации он варьирует свою историю, каковая в большинстве случаев сводится к следующему: «Я разыскиваю друга, который сейчас должен быть где-то в Вегасе, хотелось бы с ним повидаться, потряхнуть стариной». Каждому собеседнику он оставляет свой телефонный номер и порой – когда считает это вложение полезным – дополняет его двадцаткой. Двое из опрашиваемых вроде бы видели Стэнли где-то с неделю назад. И все служители, которым перевалило за сорок, как будто припоминают это имя.

Сначала Кёртис нервничал по поводу того, что оставляет за собой столь заметный след, но постепенно эта нервозность проходит. Держась в тени, только наблюдая и вынюхивая, невозможно добиться успеха за то короткое время, что имеется в его распоряжении. Да он и не подражался на всякую чушь в духе «плаща и кинжала», и Деймон должен это понимать. По мнению Кёртиса, действия украдкой обернутся лишь пустой тратой времени; гораздо лучше сразу начать поиски в открытую и посмотреть, что из этого выйдет. А если Деймону такой подход не по нраву, пусть ищет себе другого помощника. Здесь, в Вегасе, Кёртис не совершил ничего противоправного, и у него нет причин скрываться от кого бы то ни было. Пока что, во всяком случае.

В каждом казино он совершает уже традиционный обход зала по часовой стрелке в надежде заметить среди посетителей лысый череп, узкие плечи и крючковатый нос Стэнли. И всякий раз после безрезультатного осмотра у него возникает ощущение, будто он упустил нечто существенное. Он сейчас явно не в лучшей форме и не очень доверяет собственным глазам.

Покинув казино «Мейн-Стрит-Стейшн» с двумя нераспечатанными роллами четвертаков в кармане, он садится в автобус до «Стратосферы». Так начинается его долгое странствие через город в южном направлении. На сей раз он действует более расчетливо, фокусируя внимание на лицах, с наибольшей вероятностью способных предоставить нужную информацию: на распорядителях с самыми простецкими прическами, на барменах средних лет или на слугах, глядящих прямо в глаза собеседнику. Деньги Деймона быстро утекают, но теперь Кёртис верит, что хотя бы часть из них потрачена не зря.

Никто не задает ему неудобных вопросов, но он на всякий случай к ним готовится, репетируя возможные ответы в процессе перемещения по бульвару до очередного казино. Попутно ему

вспоминается разговор, состоявшийся десять дней назад в кафе на юге Филли; вспоминается Деймон, беспрестанно вертящий в руках чашку с остатками третьей порции кофе, и темная парабола кофейной гущи, которая с каждым оборотом все ближе подбирается к белому фарфоровому краю.

«Я не призываю тебя кому-либо врать, – сказал тогда Деймон. – Держись просто и естественно. А если тебя начнут прессовать, скажи, что всего лишь наводишь справки. Это ведь чистая правда, не так ли?»

Его равномерно подстриженные золотистые волосы отросли на полдюйма – длиннее, чем Кёртис когда-либо у него видел. Светло-коричневый твидовый костюм измят так, словно Деймон в нем спал, хотя он явно провел без сна уже несколько дней.

«Главное – правильно дозировать информацию, ты меня понимаешь? Дай им частичку, но так, чтобы они подумали, будто видят всю картину целиком».

Его темные глаза слезились от усталости, но по-прежнему быстро перемещались с предмета на предмет, поблескивая, как шарики в промасленном подшипнике. На одном рукаве черной поплиновой рубашки сохранилась обсидиановая запонка, но место ее напарницы на другом обозначалось лишь обрывками ниток.

«Можешь упомянуть мое имя, если тебе покажется, что от этого будет толк. Никто там не знает о случившемся в Атлантик-Сити. А если даже и слышали что-то, мое имя не вызовет у них ассоциации с тем случаем».

Новый мобильник лежит поверх длинного белого конверта без пометок. Внутри конверта – электронный авиабилет с маркировкой «UA 2123 dep PHL 07:00 arr LAS 09:36 03/13/2003» и три пачки стодолларовых дорожных чеков.

«Своей жене можешь сказать, что хочешь. Тут ведь нет никакой опасности. И никто не нарушает закон. Отыщи его и сразу же дай мне знать. Это надо сделать не позднее полуночи следующего вторника. Все проще простого».

Кёртис смотрел, как «ауди» Деймона выруливает со стоянки, и провожал его взглядом, пока машина не исчезла на подъеме к Уитманскому мосту. Он доел свой кусок яблочного пирога, а заодно и едва тронутый шоколадный торт Деймона, заказал новую чашку кофе и еще долго сидел за столиком, уткнувшись невидящим взглядом в развернутую газету. Только когда приблизился час пик, он покинул кафе и зашагал к станции метро.

На следующее утро он проснулся в четыре под звонок будильника Даниэллы. Он слышал, как жена оделась и ушла на работу, и продолжил лежать без сна, глядя сквозь приоткрытые жалюзи на то, как небо меняет цвет с черного на розовый, затем на желтый и, наконец, на слепяще-белый. Только тогда он поднялся, проделал обычные утренние процедуры, а потом на автобусе поехал в Коллингдейл и там приобрел револьвер.

Южнее торгово-выставочного комплекса расположены самые крупные и с приближением вечера все более многолюдные казино, так что наведение справок затягивается. К восьми часам он минует аэропорт и, проигнорировав местечки, в которых появление Стэнли маловероятно, проезжает несколько кварталов на автобусе. Ужинает в буфете «Тропикианы» стейком из спинной части бычка и очищенными креветками среди подсвеченных аквариумов с кораллами, а затем около часа сидит перед бассейном, созерцая отражения пальм в ряблящей поверхности воды. Дождавшись, когда ужин достаточно переварится, он поочередно обследует казино «Сан-Ремо» на западе, «Орлеан» на востоке, «Луксор» и «Мандалай-Бэй» на юге.

На обратном пути в свой отель он на несколько секунд засыпает в автобусе и пробуждается рывком, с участвующим сердцебиением. Город за автобусными окнами не похож на тот, какой он видел днем; и уличная жизнь сейчас выглядит иначе. По тротуарам фланирует множество кричащих, смеющихся и кривляющихся людей, а проезжая часть заполнена взятыми напрокат дорогими тачками, из открытых окон которых грохочет музыка. Лимузины-длинномеры выжидательно застыли у бордюров, и отражения праздной толпы, подсвеченные огнями фасадов, скользят по их наглухо тонированным стеклам. Время движется как будто в лихорадочной спешке. Кёртис вспоминает о самых неприятных местах, в которых ему случалось бывать; о ночных патрулях за «колючкой» периметра, среди дымящихся воронок, под вспышки пулеметного огня вдали. Вроде бы никакого сравнения с этим. Однако есть и кое-что общее: такое же нервное напряжение, такое же предощущение чего-то, таящегося по ту сторону огней и ждущего сигнала к действию. Впервые за долгое время Кёртис чувствует себя вернувшимся в реальность, неподвластную контролю и регламентации, где он может быть кем угодно либо вообще никем и где возможно абсолютно все.

Он добирается до двери своего номера и проводит карточкой по прорези, когда внезапно оживает его новый мобильник. Непривычная мелодия звонка застаёт его врасплох; он вздрагивает, дверь распахивается, а выпавшая карточка соскальзывает вдоль косяка на порог. Наклоняясь, чтобы ее подобрать, Кёртис одновременно нашаривает в кармане телефон.

Из динамика звучит громкий голос, который ему не удается опознать:

– Кёртис! Как делишки, старик?

– В порядке. А что?

– Догадался, кто это? Или не узнал по голосу? Это Альбедро, старик! Помнишь меня? Только что мне сказали, что ты здесь, в городе!

Кёртис не помнит никого по имени Альбедро – или, может быть, Аль Беддоу. Судя по голосу, это, скорее всего, белый мужчина примерно его возраста. Характерный акцент горца с Блу-Риджа: из Северной Каролины или Виргинии. Шум большой гулянки на заднем плане.

– Да, я здесь, – говорит Кёртис. – Приехал на несколько дней.

– Это же классно, старик! Надо бы как-нибудь пересечься. Чем ты занят прямо сейчас?

– Сейчас... я только что вернулся в свой номер.

– Вернулся в номер? Старик, еще нет и одиннадцати. Кто же сидит в номере в такую рань? Послушай, я тут зависаю с компанией в «Хард-роке». Давай тащи сюда свою задницу. Знаешь, где это?

Кёртис знает, где это. Он по-прежнему стоит на пороге, сжимая в руке уже отключившийся телефон, и пытается идентифицировать голос незнакомца. Может, это один из людей, с которыми он общался в течение дня? Или этот человек прикинулся его старым знакомым, чтобы сбить с толку кого-то находящегося рядом с ним? Кёртис закрывает глаза и пытается мысленно нарисовать образ этого Альбедро – в полумраке зала с гремющей музыкой и пытающимися перекрыть ее голосами (включая, возможно, и голос Стэнли). Однако в центре воображаемой картины ничего нет, лишь пустота в дымном воздухе, и он быстро сдаётся.

Пройдя вглубь темной комнаты, он проверяет факс и индикатор сообщений автоответчика: ничего нового. Дальше по коридору хлопает дверь, и ему вдруг становится не по себе, словно он вторгся в чужое замкнутое пространство, ощущая вокруг себя чье-то незримое

присутствие. Кто-то и впрямь здесь побывал в его отсутствие: разумеется, обычная уборка номера. Пару секунд он принюхивается к наслоениям запахов в комнате – комбинации из моющих средств, дезодорантов и его собственного пота, – а затем обоняние привыкает, и запахи сходят на нет. Южнее по Стрипу, в квартале отсюда, происходит какое-то торжественное действо: презентация нового шоу или что-нибудь в этом роде. Четыре раза в минуту луч вращающегося в той стороне прожектора врывается в окно; обстановка комнаты возникает из тьмы, исчезает и возникает вновь. И при каждом обороте прожектора воздух над городом становится густо-синим, плотным и непрозрачным, а комната как будто теряет объемность, сплющивается, превращаясь в подобие диорамы.

Переждав несколько световых кругов, Кёртис достает револьвер и проверяет барабан в полосе света из коридора. Затем быстро выходит из номера и направляется к лифту, не дожидаясь, когда щелкнет замок плавно закрывающейся позади него двери.

7

Отель-казино «Хард-рок» находится на Парадайз-роуд, между Стрипом и университетским кампусом. Это совсем недалеко, можно было бы дойти пешком, но Кёртис не хочет рисковать и разминуться с Альбедро, а потому за считанные минуты добирается до места на такси.

Он бывал здесь в прежние времена, но тот краткий и пьяный визит почти не отложился в памяти. Это сравнительно небольшое здание, с закругленными формами и зыбкими пятнами пурпурной подсветки, направленной на белые стены от их подножия. Когда такси сворачивает на подъездную дорожку вдоль шеренги пальм, диодная рекламная панель вспыхивает надписью: «ОЗЗИ ОСБОРН!» Под ней, при свете гигантской неоновой гитары, происходит непрерывное движение: поддатые кутилы с Западного побережья мелькают среди отработавших свою смену танцоров и барменов.

Едва войдя в двери с ручками гитарной формы, Кёртис понимает, что Стэнли здесь искать нет смысла. Подавляющее большинство посетителей – недавние выпускники престижных колледжей или студенты, у которых еще не закончились весенние каникулы. За исключением рекламного Оззи, Кёртис чуть ли не самый старый из всех присутствующих. Проходя через толпу в вестибюле, он минует манекен Бритни Спирс в вязаной кофте, чью-то ударную установку под стеклянным колпаком, канделябр из сверкающих саксофонов. Колонки над головами гремят «Аэросмитом». В круглом игорном зале Кёртис обращает внимание на малиновую надпись над ближайшим столом для блэкджека. Помимо стишка с пожеланием удачи, который он пропускает, надпись содержит немаловажную информацию: по здешним правилам дилеры продолжают набор при наличии у них семнадцати «мягких» очков. Да Стэнли не заставишь и на сотню ярдов приблизиться к такому заведению!

На подходе к дискообразному бару шум вокруг усиливается. Крики посетителей, бреление игровых автоматов и музыка из динамиков сливаются в непрерывный, оглушающий рев. Лишь через какое-то время до Кёртиса доходит, что кто-то рядом выкрикивает его имя. Повернув голову, он видит длинноволосого белого типа в стильно рваных джинсах, майке «Ганз энд Роузес» и байкерской куртке. Контрастно выделяясь на фоне большого плазменного экрана, этот тип ухмыляется и машет высоко поднятой рукой, как плетью водорослей. Кёртис уверен, что никогда прежде его не встречал.

При ближайшем рассмотрении Альбедро выглядит как неудачная помесь Чета Бейкера и Джимми Баффетта. Его пальцы запятнаны чем-то коричневым, рукопожатие крепкое, но неприятно влажное и холодное, так что Кёртис спешит высвободить свою ладонь. Ростом Альбедро под метр девяносто, но рыхловат, с пивным брюшком. Тонкие темно-русые волосы

собраны в хвост и на висках тронуты сединой. Все это дополняют красноватые слезящиеся глаза и запах виски с пивом изо рта.

У стойки бара пристроились две молодые женщины, спутницы Альбеда, одна светлокожая блондинка, другая смуглая и темноволосая – вероятно, латиноамериканка. Обе в расшитых блестками откровенных топах. Их лица не выражают ничего, кроме усталости и апатии. Женщины рассаживаются в стороны, освобождая два стула между ними; Альбеда хлопает Кёртиса по спине и подталкивает его к правому стулу. А когда сам он садится рядом, его ладонь с пьяной фамильярностью скользит вниз по куртке Кёртиса и нащупывает под ней заткнутый за пояс револьвер. У Кёртиса тотчас возникает мысль: «Не к добру это все, надо смываться при первом удобном случае».

Альбеда заказывает для Кёртиса бутылку «Короны» и представляет его женщинам как своего старинного друга.

– Мы вместе воевали в пустыне, – говорит он. – На первой иракской.

Имена у женщин необычные, явно иноземные. Но Кёртису нет до этого дела, и он тотчас их забывает, торопливо соображая, как ему следует держаться в этой странной ситуации.

– Ты следишь за новостями

оттуда ? – спрашивает Альбеда. – Что скажешь о куче дерьма, которую они наворотили?

– А что? Там уже началось?

– Вот-вот начнется, старик.

Альбеда качает головой с таким умудренным видом, словно у него есть доступ к самой последней сверхсекретной информации.

– Вот что я тебе скажу, – продолжает он, салютуя пивом. – Пусть лучше это достанется разгребать им, чем нам с тобой. Верно, братишка?

Кёртис кивает и молча прихлебывает из бутылки.

– Я только что просвещал моих юных подруг, которым не посчастливилось быть гражданками нашей великой страны, – говорит Альбеда. – Я пытался показать им всю охеренную бредовость того, что сейчас творится на Ближнем Востоке. Потому что первая война –

наша война – была полным дерьмом. Тут никаких сомнений. Но вот

эта куча дерьма на порядок больше

той . Верно я говорю, Кёртис?

Кёртис приподнимает свое пиво и поворачивает подстаканник так, чтобы текст на нем располагался параллельно краю столешницы. Затем ставит бутылку обратно. Он не хочет ни говорить, ни даже думать на эту тему.

– Да тут сам черт ногу сломит, – говорит он наконец.

– В самую точку, старик! Ты подобрал-таки культурное выражение для всей этой грёбаной хрени!

На барной стойке появляются пачка сигарет и серебряная зажигалка, и Альбеда этак эффектно, со смаком закуривает. Он откидывается назад, балансируя на двух ножках стула, и Кёртису трудно держать его в поле зрения. Блондинка слева от Альбеда постоянно

переводит взгляд с него на Кёртиса и обратно, морща лоб, как будто изо всех сил старается уяснить суть происходящего. Что-то в ней напоминает Кёртису о Балканах, но не в полной мере, – скорее, она украинка или словачка. Он понемногу успокаивается, оценивая обстановку. Его бутылка пока опустела только на четверть.

– Ну и как тебе жизнь на гражданке, Альбеде?

– Отлично, старик, отлично. Я не устаю наслаждаться свободой. И это место в самый раз по мне. Тут чего только не случается! Масса возможностей для парней вроде нас. Пока ты будешь в городе, я могу сделать несколько звонков, сведу тебя с нужными людьми. Надеюсь, ты не против?

– Было бы занятно. А ты давно здесь обосновался?

Альбеде демонстрирует акулю улыбку:

– Достаточно давно, чтобы врубиться в правила игры. Чтобы узнать все входы и выходы. Этот город живет обманом и чистоганом.

– Как и повсюду, куда ни сунься.

– Да, ты прав, старик. С этим не поспоришь. Но здесь обман и чистоган правят бал в открытую, без обиняков. И никаких тебе сраных условностей, как в большинстве других мест. Никаких намеков и тайных знаков, как в престижных клубах. Никаких искусственных препятствий для бизнеса. Здесь все имеет конкретную и справедливую цену.

– И чем ты сейчас занимаешься?

– Занимаюсь? В смысле, зашибаю баксы? – Альбеде ухмыляется и покачивает головой, давая понять, что вопрос сам по себе дурацкий. – Да я чем только не занимаюсь, старик! Берусь за любое дело, какое подвернется. А в последнее время они стали подворачиваться так часто, что я уже со всеми не управляюсь. Кое от чего приходится отказываться.

– А на постоянку?

– Есть и такая работа. Вот пару ночей в неделю я вожу этих двух дамочек по вызову. Не только их, но и других профессионалок. И одного этого уже хватает, чтобы заработать себе на жизнь: две ночи в неделю, восемь часов за ночь, водителем и охранником. Прикинь, здесь даже сраная отельная прислуга может иметь в год шестизначный доход! Это же город бесконечного бума, приятель. Раздолье для парней, знающих, что почем. Бум, бум, бум!

Кёртис вымучивает слабую улыбку. Пока Альбеде гонит банальный треп, это хорошо – пусть продолжает в том же духе вплоть до перебора очков. Рыбак не жалеет подкормки, но, похоже, не знает, как насадить приманку на крючок; и Кёртис начинает думать, что все обстоит не так уж плохо, как ему показалось вначале. Если только Альбеде не усыпляет его бдительность перед внезапным выпадом. Кёртис оглядывает орущую, возбужденную толпу. Где-то позади него автомат с резким металлическим звоном исполняет «Текилу»; знакомая мелодия выделяется на общем шумовом фоне, как лучик света, проникающий в темную комнату через замочную скважину. Его пиво выпито уже наполовину.

Смуглая девушка смотрит на него с улыбкой, и он отвечает ей вежливым кивком, гадая, почему она и ее подруга торчат здесь с Альбеде, вместо того чтобы заниматься своей работой. Или они это делают прямо сейчас, обрабатывая Кёртиса? Девушка наклоняется ближе к нему.

– Клевые у тебя очки, – говорит она.

Каждый ее слог легким дуновением касается шеи Кёртиса. Произношение сносное; должно быть, давно живет в Штатах.

– А у меня контактные линзы, – добавляет она.

Об этом можно догадаться по химическому, как жидкость для омывателей стекол, цвету ее зрачков. Она тянет руку к лицу Кёртиса.

– Можно примерить?

Кёртис разрешает.

– Слабые очки, – говорит она, возвращая их после примерки.

– Я брал их навскидку, без консультации окулиста.

– Как и я свои линзы. Тоже без консультации.

Она сонно хлопает покрашенными ресницами.

–

?De d?nde eres? [5] – спрашивает Кёртис.

– Я с Кубы.

Об этом он мог бы догадаться по ее акценту с растянутыми гласными, выпадающим звукам «с» и по этой «консультасьон». Как вышло, что кубинка очутилась здесь вместо обычных для их диаспоры Майами, Тампы или Нью-Йорка? Но для дальнейших расспросов Кёртис недостаточно владеет испанским, да и нет особого желания развивать эту тему.

–

?De qu? regi?n? [6] – спрашивает он.

– Из Сантьяго-де-лас-Вегаса. Знаешь, где находится Сантьяго-де-лас-Вегас?

–

?Est? cerca de la Habana, verdad? [7]

– Да. А ты бывал на Кубе?

–

S? , – говорит Кёртис, – я там бывал.

Однако он не уточняет, в каком месте и при каких обстоятельствах. «Если бы не уволился, мог бы и сейчас быть там», – думает Кёртис. Ему вспоминается ясное утро в апреле прошлого года на холме над бухтой Гранадильо. И вид на лагерь с оранжевыми тюремными робами, издали похожими на цветки кактуса, застрявшие в провололочной сетке.

– Ты хорошо говоришь по-испански, – заявляет девица, но звучит это не очень убедительно, и ее улыбка начинает увядать.

Теперь ее пальцы лежат на бедре Кёртиса, а нога поглаживает его лодыжку. Все происходит как-то автоматически, словно она заученно повторяет действия видеоинструктажа (не исключено, что так оно и есть).

Кёртис легонько шлепает ладонью по ее блуждающей руке и поворачивается к Альбедо, который тем временем пытается объяснить блондинке, кто такая Кондолиза Райс. Тычком в плечо Кёртис привлекает его внимание.

– В чем дело, старик? – спрашивает Альбедо. – Еще по пиву?

– Как ты узнал, что я в городе?

Вопрос приводит Альбедо в замешательство, за которым следует показное удивление – просто чтобы выиграть пару секунд.

– Так ведь это никакой не секрет, – говорит он.

– Не секрет, конечно. Но откуда ты об этом узнал?

Они смотрят друг на друга. Лицо Альбедо вытягивается и застывает в момент смены выражений, на его шее пульсирует жилка. Кёртис полусознательно считает ее удары: один-два, три-четыре, пять-шесть...

– Деймон, – произносит наконец Альбедо. – Это он мне сказал. Позвонил мне вчера вечером и дал твой номер.

Кёртис смотрит на него с прищуром:

– А откуда ты знаешь Деймона?

– То есть как это – откуда? Я знаю его еще по пустыне, старик. Там же, где с ним познакомился и ты. К чему ты вообще клонишь?

– Я знаю Деймона с Леонард-Вуда, – говорит Кёртис. – Во время войны я был в Саудии, а он тогда плавал на «Окинаве». Я не встречался с Деймоном в Заливе.

Альбедо гасит в пепельнице сигарету, пытается сделать глоток из своей уже пустой бутылки и откидывается еще дальше назад, исчезая из поля зрения Кёртиса.

– Да какого черта, старик! – говорит он. – Не знаю, как ты, а лично я познакомился с ним там.

Кёртис ждет, когда Альбедо снова качнется вперед. Теперь он уже не выглядит растерянным; вместо этого в его глазах читается вызов. Похоже, он не настолько пьян, как сначала показалось Кёртису.

– Ладно, – говорит Кёртис. – А откуда я знаю

тебя ?

Альбедо смотрит на него в упор, затем пожимает плечами и отворачивается. Его указательный палец вытягивается из кулака, как рожок улитки из раковины.

– Еще «Корону», – говорит он бармену.

– Мы с тобой вообще

знакомы ?

Альбедо вновь поворачивается к нему, и по его физиономии расплывается масляная улыбочка.

– Во всяком случае, – говорит он, –

сейчас мы с тобой знакомы наверняка, не так ли? Шеф, дай-ка этому джентльмену еще одну...

– Нет, спасибо. С меня хватит.

– Да ладно тебе. Остынь, Кёртис. Любой друг Деймона – это ведь и твой друг, верно?

Опустошив свою бутылку, Кёртис подвигает ее к бармену и втирает влагу от запотевшего стекла в обветренную кожу на пальцах.

– Деймон сказал тебе, зачем я сюда приехал?

– Он говорил только, что ты выполняешь для него кое-какую работу. Разыскиваешь одного типа, который смылся из «Точки», не заплатив долг по расписке. Это все, что я знаю.

– А имя этого типа он тебе называл?

Черные глазки Альбедо уходят глубже в глазницы.

– Не припоминаю, – говорит он после паузы. – Кажется, не называл. А что, я могу его знать?

– Нет. Ты не можешь его знать.

– Я тут знаю кучу людей, Кёртис.

– Не сомневаюсь.

Альбедо получает от бармена очередное пиво, снова выуживает из кармана зажигалку и берет сигарету. Закуривая, он прикрывает огонек ладонью, и они с Кёртисом смотрят друг на друга сквозь клубы дыма. У Кёртиса начинают подергиваться веки и слезиться глаза. Он отодвигается вместе со стулом от барной стойки и снимает со своего бедра руку девушки. Та вздрагивает, как будто ее внезапно разбудили.

– Доброй ночи, – говорит он ей. – Приятно было пообщаться.

Альбедо также поднимается, взмахивает сигаретой и прочищает горло.

– погоди, Кёртис! – говорит он. – Что ты так быстро загас, приятель?

– Мне пора идти.

– О чем ты говоришь? Ночь только начинается!

– У меня был трудный день.

– Я хочу тебе кое-что показать. Кое-что очень интересное.

– Как-нибудь в другой раз.

Альбедо смеется и кивает.

– Хорошо, хорошо, – говорит он и в то же время загораживает дорогу Кёртису.

Тот переносит вес тела на отставленную назад ногу и начинает прикидывать, в какое место нанести первый удар.

– Хотя бы запиши мой телефонный номер, старина.

– У меня он есть. Сохранился после твоего звонка.

На них уже смотрят некоторые посетители бара. Альбедро это замечает и с ухмылкой расслабляется – этаким безвредный увалень.

– О'кей, – говорит он. – О'кей, дружище. Имей в виду, ты меня обижаешь, уходя так скоро. Но подумай вот о чем. Я скажу тебе то же самое, что говорил Деймону. Я знаю этот город. И этот город знает меня. Я могу открыть для тебя множество дверей. Это не бахвальство. Спроси Деймона, если ты мне не веришь.

– Так я и сделаю.

Альбедро делает шаг в сторону. Его крупная рука поднимается ко рту, вставляет в него сигарету и на обратном пути зависает в воздухе. Кёртис глядит на эту руку, оценивая дистанцию; лицо Альбедро маячит выше, он с виду невозмутим, но внимательно следит за движениями Кёртиса. И только теперь этот человек наконец-то кажется ему знакомым. Нет, Кёртис не встречал его раньше, однако он неоднократно встречал людей этого типа – в пустыне, в Могадишо, в Гуантанаме, – и всякий раз был повод пожалеть о такой встрече.

Он хочет посмотреть в глаза Альбедро при прощании, но не получается: он слишком измучен и напряжен. И потому не отрывает взгляда от руки, которую пожимает.

– Пока, – говорит он. – Спасибо за пиво.

Он поворачивается и идет прочь. Параллельно движется компания парней баскетбольного роста. Затесавшись среди них, он дрейфует в направлении саксофонного канделябра, вестибюля и выхода на улицу. Но прежде чем вопли верзил в футе над его головой заглушат все прочие звуки, он успевает расслышать пьяный голос Альбедро:

– Ты никогда не найдешь этого типа, если будешь уходить из казино до двух ночи, морпех!

Еще через несколько ярдов он протискивается между двумя дылдами и ныряет в толпу – вновь безымянный и неприметный, просто один из многих. Никто не обращает на него внимания. Он чувствует, как случайные взгляды соскальзывают с него, как капельки воды с воска.

Толпа впереди уплотняется и замедляет шаг перед помостом, на котором мерцает хромом и черным лаком «харлей»; и в этот момент Кёртис бросает взгляд назад. Альбедро все еще стоит на прежнем месте, с двумя дамочками по бокам, и, щурясь, оглядывает круглый зал. Одной рукой он закрывает левое ухо, а к правому прижимает телефон и покачивается, как актиния в беспокойном море, при соприкосновениях с проходящими мимо людьми. А когда Кёртис вновь смотрит вперед, путь уже расчищен. Быстро и без помех достигнув дверей отеля, он выходит под неоновое сияние, на свежий ночной воздух.

8

Проехав на такси примерно милю вниз по Стрипу, Кёртис сует водителю двадцатку через отверстие в прозрачной перегородке и выскакивает из машины, не дожидаясь ее полной остановки. Скорым шагом добирается до двойных куполов «Аладдина», затем через подковообразную арку попадает внутрь пассажа, петляя между бутиками и машинально отмечая различные детали конструкций, украшений и вывесок: своды туннелей, портики, мозаики из цветных камней, узорные решетки, восьмиконечные звезды. «Хука гэлери», «Пашмина-бай-Тина», «Наполеон файн фэшнз», «Лаки ай дизайн». Псевдодождь льется с фальшивого неба. Всевозможные орнаменты – геометрические, растительные,

изошренно-абстрактные – спешат заполнить каждый кусочек пространства, словно из страха перед пустотой. Любая поверхность здесь кажется невесомо-воздушной, пронизанной бесчисленными отверстиями.

Кёртис сворачивает направо перед двадцатифутовым светящимся стеклом, ошибочно приняв его за стену неонового минарета, и вдруг оказывается на парковке Одри-стрит, в квартале от Стрипа. Вокруг ни души, только над головой с воем проносятся монорельсовые поезда. Дойдя до задних дверей «Парижа», он оттуда по крытому переходу попадает в «Бэллис», а через это казино выходит на Фламинго-роуд, где берет еще одно такси. Вряд ли за ним следят, но он предпочитает перестраховаться. Он уже не экономит деньги Деймона – плевать на них, как и на самого Деймона, который без предупреждения подsunул ему какого-то нахрапистого ублюдка. Кёртис достает из кармана телефон, находит список контактов с единственным внесенным в него именем и нажимает вызов.

Он не знает, какой номер дал ему Деймон – домашний, рабочий или мобильный, – и он не слышит приветствия на том конце линии, только короткий сигнал, предлагающий оставить сообщение.

– Деймон, это Кёртис, – говорит он. – Я только что встречался с неким Альбедро, который уверяет, что ты его знаешь и поручил ему выйти со мной на связь. Прежде никогда его не видел и ничего о нем не слышал. Надеюсь, ты перезвонишь мне и объяснишь, что к чему, поскольку этот урод мне активно не нравится. О'кей? Знаю, у тебя сейчас пять утра. Извини, если разбудил. Пока.

Из осторожности, а также чтобы дать себе время подумать, Кёртис гонит таксиста на юг, до самого аэропорта, а потом обратно на север. Такси виляет из стороны в сторону, упрямо выискивая лазейки в медленном потоке ночного движения; Кёртис надвигает кепи на глаза и усаживается поудобнее, прислонившись головой к боковой панели. Смотрит на дисплей телефона, пока голубое свечение не угасает. В желудке появляется неприятное чувство, как при спуске на скоростном лифте.

Это еще ничего не значит. Совсем не обязательно за этим скрывается что-то дурное. Если Деймон предпринимает какие-то шаги, не ставя об этом в известность Кёртиса, – что ж, это вполне в стиле Деймона, от которого не дождешься даже списка покупок перед походом в продуктовый магазин: у него все строится на «принципе минимальной осведомленности». Кёртиса это бесит, но отчасти по той же причине он любит Деймона – с ним уж точно не соскучишься, – и отчасти поэтому Кёртис согласился на эту поездку. Когда имеешь дело с Деймоном, даже самое рутинное задание может обернуться увлекательным приключением, о котором ты потом будешь рассказывать своим внукам; а твоя изначальная неосведомленность является платой за участие. Подключаясь к его игре, необходимо какие-то вещи принять на веру, а какие-то сбросить со счетов. Кёртис знает его достаточно хорошо, чтобы сейчас не удивляться.

Конечно, далеко не все от этого в восторге. Слим Шейди – такое прозвище Даниэлла дала Деймону, и не потому, что он внешне смахивает на Маршалла Мэтерса. «Этот твой приятель, бледножопый прохиндей» – так она обозначает в разговоре Деймона, когда находится в дурном расположении духа (с недавних пор это случается частенько).

Кёртис давит пальцем на клавишу, и дисплей загорается снова: 2:06 утра. В трех часовых поясах к востоку отсюда Даниэлла, наверно, собирается на работу. Удобный момент для звонка, но Кёртис не может себя заставить. И даже не пытается придумать, что ей сказать. Хотя он уже не злится, разве что самую малость. Спрятав телефон, он прижимает ладони к глазам. Такси тормозит перед светофором и после смены сигнала трогается вновь; инерция сначала наклоняет Кёртиса вперед, а затем откидывает на спинку сиденья. Он поворачивается к окну и открывает глаза.

Это была первая крупная ссора за время их семейной жизни. Прежде случались размолвки с его уходом из дома – первая уже вскоре после новоселья, – но каждый раз он возвращался прежде, чем жена надевала пижаму перед сном. Ему тогда и уходить-то было некуда, – точнее, он не представлял себе место, куда мог бы уйти. А теперь такое место нашлось. И вот он здесь.

Он не хочет вспоминать подробности ссоры и вместо этого думает о бессонных часах в аэропорту, когда он скрючился на мягких сиденьях в зале ожидания, одинокий среди толпы пассажиров с задержанных рейсов. Старался уследить за монотонной чередой последних новостей на подвешенных под потолком телеэкранах, так что едва заметил восход солнца в окнах позади него, удвоенный отражением в Делавэре. Следил за тем, как обретает очертания война.

Перед его отъездом она дала выход давно копившемуся раздражению:

«Почему ты не можешь честно признать, что это снова тебя затягивает?»

Что ж, все верно. Она не ошибалась. Нервозность и вспыльчивость, дурные сны и бессонные ночи, от которых он с таким трудом избавлялся всякий раз – после пустыни, после Могадишо, после Косово, – теперь начали возвращаться.

«Я часто вижу подобное в ветеранском госпитале, – сказала она. – Это в порядке вещей. На подходе новая война, в которой ты уже не поучаствуешь, и это выбивает тебя из равновесия».

Но на самом деле Кёртиса выбивает из равновесия не война, а нечто другое. Его много что может выбить из равновесия, но только не война. На войне он как раз в своей тарелке. Война хотя бы имеет свою логику.

«И еще эта странная просьба Деймона – люди не получают работу таким путем, Кёртис. Ты хоть к себе самому-то прислушался? Лететь в Лас-Вегас и рыскать по казино – это занятие совсем не для тебя. Если ты не хочешь подумать о своем будущем, подумай хотя бы о моем. Попытайся. Потому что я, черт возьми, не намерена следующие тридцать-сорок лет отсиживать задницу, глядя на то, как ты получаешь пособие по инвалидности. Ты меня слышишь? Взрослые разумные люди так не поступают. По крайней мере, в реальном мире».

«Реальный мир»: это ее коронный удар при переходе от обороны к атаке. Она всегда произносит это выражение так, словно его смысл и значимость не подлежат обсуждению. Однако Кёртису все этим подразумеваемое – сопроводительные письма и резюме, учеба в муниципальном колледже, рефинансирование ипотеки и т. п. – кажется удаленным на миллион миль от того, что он считает реальностью. Шесть тысяч миль как минимум в данный момент. При мысли о том, что это и есть обычные заботы всякого трудоспособного взрослого американца, Кёртису становится дурно. Он никак не может избавиться от ощущения, что вся эта бытовая суэта просто бессмысленна и нелепа в то время, когда назревает война. Ему это кажется по-детски наивным и нелогичным, как школьные спектакли, в которых Кёртис никогда не участвовал и которые тем более не может принимать всерьез сейчас.

Разумеется, война – это тоже своего рода игра, и он прекрасно это знает. Но на войне, по крайней мере, ставки очень высоки, горизонт возможностей расширен, а непосредственные цели ясны и однозначны, как белые линии разметки на траве футбольного поля. Ты готовишься к войне, и ты идешь на войну, либо война приходит к тебе; и там ты выживаешь либо умираешь. Кёртис не был уверен, что в этом «реальном мире» когда-нибудь сможет вновь почувствовать то биение жизни, какое чувствовал на войне.

Глаза слипаются, и он с трудом заставляет их вновь открыться. Когда такси останавливается на красный сигнал у казино «Фламинго», дорогу перед ними переходит группа юнцов, которую возглавляет парнишка в виниловых штанах, с голой грудью, синими волосами и светящейся палочкой, обвязанной шнурком и висящей на его тонкой шее. Парнишка пританцовывает и кружится на ходу, палочка то исчезает, то появляется, как прожектор маяка, а Кёртис вспоминает колонну иракских пленных в пластиковых наручниках, которых он вел по проходу в минном поле южнее Эль-Бургана в девяносто первом, ориентируясь по пятнам холодного зеленого света в вечерних сумерках и клубах черного нефтяного дыма. От этой искры вспыхивает еще одно воспоминание: как он позапрошлой ночью подлетал к Маккаррану и увидел огромное пятно света, возникающее посреди пустыни как бы из ничего, словно город состоял из одного только света, эпицентром и источником которого был Стрип.

Затем его будит таксист, дверца открывается, и Кёртис вылезает из машины перед входом в свой отель, ощупывая бумажник онемевшими спросонок пальцами и наблюдая за тем, как габаритные огни такси исчезают под элегантным белым пролетом моста Риальто. Еще какое-то время он стоит на том же месте, создавая помеху для пешеходов. Наконец он встряхивает головой, перемещается на движущийся тротуар и оглядывает ближайшие строения. Ряды трехлопастных арок и крестообразных декоративных отверстий, зубцы на крыше. Золотой знак зодиака на голубом диске часов. Бегущая строка новостей над часами обращена в сторону Стрипа. Тонированные окна отеля, в свою очередь, ловят и зеркально отражают информацию со световых панелей соседних зданий.

Когда Деймон обратился к нему с просьбой насчет Стэнли, Кёртис в тот же момент вспомнил об этом отеле – еще до того, как Деймон закончил свою фразу. Но сейчас он затрудняется объяснить, почему так случилось. Похоже, пребывание здесь вносит путаницу в его мысли – как будто реальное место блокирует саму

идею этого места.

Уже на исходе его последней поездки в Вегас они, Кёртис и Стэнли, пешком добрались до этой самой точки. Они стояли перед мостом и глядели на гондолы, чьи силуэты скользили над зелеными кругами подводных огней. Молодой месяц, почти поглощенный земной тенью, слабо сиял на востоке. Стэнли говорил без умолку. Кёртис был очень пьян. Помнится, он уперся вытянутыми руками в одну из двух белых колонн на краю тротуара и глубоко дышал в попытке сдержать рвоту.

«Дож привез эти колонны из Греции, – рассказывал Стэнли. – Я, само собой, говорю о подлинных колоннах, а не об этих убогих подделках. Это было в двенадцатом веке. Так вот, дож – он был у них вроде короля, ты в курсе? – захватил их во время военной кампании против византийцев. Гибельной кампании. Вместе с этими колоннами они привезли в город чуму. Люди, понятно, были от этого не в восторге; они взбунтовались и убили дожа. А две колонны еще много лет валялись на пристани. Время от времени кто-нибудь говорил: „А не поставить ли нам эти штуковины вертикально?“ Но колонны были такими большими и тяжелыми, что никто не мог сообразить, как это сделать. Однако нашелся один головастый парень, инженер, который сказал: „Я могу поднять их для вас, но взамен отдайте мне на откуп для азартных игр пространство между колоннами“. Горожане согласились, и скоро обе колонны были воздвигнуты на Пьяцетте. Там-то все и началось, малыш. Первое в мире казино открылось далеко на востоке отсюда, четыре с лишним века назад, в тысяча шестьсот тридцать восьмом году, на набережной Гранд-канала. Я говорю о первом казино в современном понимании, какими их привыкли видеть мы с тобой. Казино как бизнес. Казино как особый тип деловых предприятий. Тех самых предприятий, что кормят и содержат меня

вот уже сорок лет, всю мою сознательную жизнь. Когда я гляжу на эти пародийные города, которых с каждым годом становится все больше вдоль Стрипа – псевдо-Париж, псевдо-Нью-Йорк и так далее, – я спрашиваю себя: какого хрена они тут делают? Но уж если на то пошло, появление здесь вот этого псевдогорода хотя бы имеет смысл. Это священный город, малыш. Это Иерусалим азартных игроков».

Вот только говорил ли так Стэнли на самом деле? Или его речь вообразилась Кёртису уже задним числом, скомпоновалась из нескольких прослушанных вполуха и полузабытых разговоров, состоявшихся в разное время, с добавлением деталей из его собственной итальянской поездки – когда это было, в девяносто восьмом? Да и почему все сказанное тогда Стэнли должно иметь значение сейчас? Разве оно хоть как-то связано с его нынешним заданием? Какую тут можно найти зацепку?

«Проклятье, малыш, я чуть не забыл самое главное! То, из-за чего я, собственно, и начал рассказывать эту историю. Суть вот в чем: на самом деле дож привез из Греции

три колонны. Не две, а три. Портовые рабочие сплеховали при разгрузке судна, и одна из колонн упала за борт. Она до сих пор лежит там, под слоем ила на дне лагуны. Отсюда урок, который ты должен усвоить, малыш:

полных подобию всегда должно быть три. Всякий раз, как ты встретишь пару одинаковых вещей – не важно каких, – сразу начинай искать третью. И вполне возможно, ты ее найдешь. Это великая тайна, и сейчас я доверяю ее тебе».

Кёртис зевает, поводит плечами и направляется ко входу в отель. Устало бредет через вестибюль в сторону лифтов, мимо золотого фонтана в виде армиллярной сферы. Но потом замедляет шаг и останавливается.

На стене позади регистрационной стойки висит репродукция старинной карты: остров в форме индюшиной голени, наблюдаемый с высоты птичьего полета. Плод воображения средневекового картографа (который не мог в реальности увидеть остров под таким ракурсом), заключенный ушлыми дизайнерами в огромную позолоченную раму и превращенный в элемент гостиничного интерьера. Остров в окружении высоких парусников, тесно заполненный дворцами и куполами церквей, утыканный шпилями и колокольнями. Голубой зигзаг большого канала рассекает его западную часть. По краям картины разместились облака с головами херувимов, выдувающих благоприятные ветры. Сверху на остров взирает парочка бородатых богов. «MERCVRIVS PRECETERIS HVIC FAVSTE EMPORIIS ILLVSTRO»[8]. Кёртис долго смотрит на карту, пока до него не доходит, что он пытается разглядеть на ней Стэнли, с самодовольной ухмылочкой прогуливающегося по какой-нибудь миниатюрной площади. Клерки за стойкой начинают нервно переглядываться, наблюдая за Кёртисом. Он встряхивает головой и, развернувшись, удаляется.

Но теперь он идет не к лифтам, а в Большую галерею. Бродит между мраморными колоннами, под копиями старинных фресок, на которых пухлые ангелочки парят среди белых кучевых облаков. Кажется, он нащупал нить, но пока не уверен, куда она его приведет. Бесшумно ступая каучуковыми подошвами по каменным плитам пола, он минует вход в музей («ИСКУССТВО С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ, выставка продлена до 4 мая!») и попадает в зал казино.

Здесь он без труда находит подружку Стэнли, которая играет одна против дилера за 25-долларовым столом для блэкджека, по соседству с зоной баккара. Она в джинсах и свободной розовой блузке на бретелях; волосы собраны и заколоты на затылке. Судя по всему, они с дилером – низеньким плотным азиатом – вошли в удобный для обоих ритм: короткие взгляды, односложные реплики, быстрое перемещение карт и фишек. Она

выигрывает два раза подряд; столбики зеленых и черных фишек перед ней впечатляют. В этот раз она не отвлекается на периодические осмотры зала, – похоже, сейчас ей не до поисков Стэнли.

Кёртис берет стаканчик с апельсиновым соком, занимает позицию у игровых автоматов и наблюдает за ней оттуда. Потом достает из кармана одну из визиток Деймона с логотипом «Спектакляра» и делает запись на ее обратной стороне фирменной ручкой отеля. Подходит ближе и останавливается у нее за спиной. Она в хорошей форме, судя по прямой посадке: мышцы спины и плеч должным образом натренированы. Стэнли часто говорил, что профессиональные игроки должны быть атлетами, ведь им приходится часами держать себя в постоянном напряжении за карточным столом, чтобы не прозевать удачный расклад. Кёртис пытается вспомнить, сколько лет эти двое проработали в связке.

Дилер – на его бейджике написано «Масуд» – бросает выразительный взгляд на Кёртиса. Через минуту он смотрит снова, и Кёртис делает шаг к столу, доставая бумажник из кармана джинсов. Он берет фишек на две сотни Деймоновых долларов и садится через пару мест от девушки – достаточно далеко, чтобы изгиб стола позволял держать ее в поле зрения. При этом он не забывает следить за картами, однако уже через дюжину сдач остается лишь с двумя зелеными фишками. Между тем девушка до сих пор не узнала Кёртиса; она даже ни разу не посмотрела ему в лицо.

При следующей сдаче она останавливается на шестнадцати. У Масуда восьмерка, он открывает еще шестерку, а затем перебирает с валетом. «Будь я здесь хозяином, – думает Кёртис, – давно бы уже выставил за дверь эту счетчицу карт». Забрав свой скромный выигрыш в виде одной фишки, он смотрит через стол: у нее на кону было четыреста баксов.

– Спасибо, – говорит он ей. – Вы сыграли рискованно.

– Однако это сработало, – говорит она, пожимая плечами.

– Похоже, вы сегодня в ударе?

Она отвечает не сразу и не поднимает взгляд.

– Сегодня мне везет, – произносит она. – А вы как?

– Пока что неважно, – говорит Кёртис. – Повсюду в пролете.

– Что ж, надеюсь, удача к вам вернется, – говорит она и наконец-то встречается глазами с Кёртисом. При этом лицо ее не выражает никаких эмоций. Еще через секунду она снова глядит на свои карты.

Три последующие сдачи окончательно выводят Кёртиса из игры. Он дает Масуду на чай последнюю купюру из своего бумажника и отходит от стола на прежнюю позицию у автоматов. Он подумывает о том, чтобы пойти к кассиру и обналичить один из дорожных чеков Деймона, но не хочет упускать из виду девушку. Впрочем, к этому моменту Кёртис и сам не верит, что сможет переждать ее бесконечную партию. Уже почти четыре утра, но людей в казино немало – хотя это же уик-энд, опять он забыл.

Он задерживается у бара, чтобы наполнить водой со льдом свой опустевший стакан, и возвращается на ковровое покрытие зала в ту минуту, когда Масуд заканчивает игру и, получив чаевые, уходит. Его место занимает филиппинка средних лет: это последняя смена. Подружка Стэнли делает еще несколько ставок – только для проформы и заодно проверяя, что из себя представляет эта сменщица, – после чего встает, неторопливо потягивается и идет со своими фишками к кассе.

Дождавшись, когда она получит деньги, Кёртис следует за девушкой мимо столов и нагоняет ее перед игровыми автоматами. Приближается к ней с левой стороны.

– Привет еще раз, – говорит он.

Она поворачивает голову и слабо улыбается. Но не замедляет шаг.

– Я вижу, вы сорвали недурной куш этой ночью, – говорит Кёртис.

– Да.

– И все это только на блэкджеке?

– Да. Послушайте, я сейчас не нуждаюсь в компании. Без обид.

– Я не обижаюсь. Вы ведь Вероника, верно?

Она резко останавливается. Кёртис по инерции делает шаг-другой, а потом разворачивается и становится прямо перед ней. Она машинально вскидывает руки, но тут же их опускает.

– В чем дело? – спрашивает она.

– Можно с вами минутку поговорить?

– А что такое? – шипит она, презрительно кривя губы. – Вы из секьюрити? Вот черт! Тогда предъявите свое удостоверение, а потом я поговорю с боссом вашей смены. Ничего вы мне не пришьете!

Кёртис слегка пятится и выставляет вперед ладони.

– Я не из секьюрити, – говорит он.

– Тогда что вам нужно?

– Вы меня не узнаете?

Она глядит ему в лицо. Прищурившись, как будто смотрит в темноте или сквозь толщу воды. Потом, уже без прищура, окидывает взглядом его куртку и ремень. Зрачки ее расширяются, кровь отливает от лица.

– Эй, послушайте, – говорит он. – Я вовсе не...

– Вы с востока. Из Атлантик-Сити. Верно?

Он мотает головой:

– С востока, но не из Атлантики. Я из Филадельфии.

Она напрягается, явно готовясь к бегству, но пока что не двигается с места. Дышит часто и неглубоко.

– И что дальше? – спрашивает она. – Что ты от меня хочешь?

– Я разыскиваю Стэнли.

Она фыркает и на секунду опускает взгляд на рисунок ковра.

– Вот как? Представь, не ты один занят этимдохлым делом, парниша.

– Вы не в курсе, где он сейчас?

– Без понятия. Не видела и не слышала его уже много дней. И не знаю, где его искать. О'кей? Но если бы и знала, ни хрена бы тебе не сказала, это уж точно. Уяснил? Или повторить еще раз?

– Эй, погоди секунду, угомонись. Я никакой не...

– Кто тебя прислал?

Кёртис растерянно моргает. В первый миг вопрос кажется странным, хотя ничего странного в нем нет. Просто он до сих пор не думал о себе как о чьем-то посланнике.

– Кто тебя прислал? – повторяет она. – На кого ты работаешь?

– Я... я ни на кого не работаю. Я здесь сам по себе. Я много лет знаю Стэнли.

– Брехня!

– Ладно, послушай. Один человек, Деймон Блэкберн из «Спектакюляра», мой старый друг, попросил меня помочь с поисками Стэнли.

Она заметно расслабляется, теперь уже больше сарказма, чем испуга. И к этому добавляется гнев.

– Надо же, Деймон Блэкберн! – говорит она. – Подумать только! Этот дерьмовый мир чересчур тесен.

– Но я действительно знаком со Стэнли, – продолжает Кёртис. – Это чистая правда. Я знаю его с самого детства. Когда-то он работал вместе с моим отцом.

Она снова щурится, вглядываясь в лицо Кёртиса. Похоже, пытается его вспомнить.

– Бадрудин Хассан, – говорит Кёртис. – Раньше отец звался Дональдом Стоуном. Мы с тобой встречались на его свадьбе пару лет назад.

Она кивает:

– О'кей, теперь припоминаю. А Деймон Блэкберн, случайно, не сообщил тебе, зачем он разыскивает Стэнли? Может, хотя бы намекнул?

Кёртис расставляет ноги пошире, чувствуя себя более уверенно.

– Да, – говорит он. – Пару месяцев назад Стэнли объявился в «Точке» и занял под расписку десять штук. Деймон тогда выступил поручителем. Но Стэнли до сих пор не сделал ни одной выплаты по долгу, а через четыре дня истекает срок. Деймон не хочет проблем ни для себя, ни для Стэнли. Он просто хочет с ним связаться, чтобы вместе найти выход из ситуации.

У нее отвисает челюсть, лицо выражает смесь недоверия и презрения. Она слишком много знает, чтобы купиться на историю, которой снабдил его Деймон. Она знает Стэнли гораздо лучше, чем его знает Кёртис. И все, что известно Кёртису, уж точно известно и ей. Так что у него нет никаких козырей, никакой возможности на нее повлиять.

– Просроченный долг? – говорит она. – Так тебе сказал Деймон?

– Да, так он и сказал.

– До чего же все просто.

Кёртис смотрит на нее секунду, а потом вздыхает:

– Вообще-то, все немного сложнее, чем я сказал.

Оба не двигаются с места. Люди обходят их, побрякивая монетами в пластмассовых ведерках. Пощелкивания и бип-сигналы игровых автоматов создают звуковой фон сродни птичьему щебету. А свысока на все это взирают крошечные немигающие глазки видеокамер.

– Только в этом и дело? – спрашивает она. – Деймон хочет, чтобы Стэнли ему позвонил? Я правильно понимаю?

– Да. Буду признателен, если ты передашь ему это, когда он объявится.

– Не думаю, что Стэнли сейчас горит желанием разговаривать с Деймоном Блэкберном, – говорит она. – Скорее он настроен с ним не связываться. Это просто к твоему сведению.

– Тогда, может, он поговорит со

мною? Мы давно и хорошо знакомы. Он же благоразумный человек.

Она хохочет.

– Благоразумный! – повторяет она. – Да уж, благоразумный.

Кёртис медленно засовывает руку во внутренний карман, достает визитку Деймона и протягивает ее девушке.

– Мой телефон записан на обороте, – говорит он. – Как и мой номер в этом отеле. Я буду наверху. Передай Стэнли, что я жду его звонка. Попытаюсь его урезонить.

– Ну-ну, удачи тебе, – говорит она. – Желаю успеха в отважной попытке, парниша.

Она скрещивает руки на груди и оглядывает зал. За ближайшим столом для игры в кости тусуется пожилая пара – старик громко хохочет, а старушка машет руками, испуская задорные вопли; оба под градусом, и обоим далеко за семьдесят.

Вероника улыбается.

– Стэнли в последнее время совсем свихнулся, – говорит она. – Ты это знаешь?

– Мне так говорили.

Она продолжает смотреть на пожилую пару. Теперь она выглядит уставшей, совершенно измотанной. Кёртис вспоминает, что и сам он уже на пределе. Он не двигается и продолжает держать визитку в поднятой руке.

– Деймон прислал сюда кого-нибудь еще? – спрашивает она наконец.

Кёртис на секунду задумывается, прежде чем ответить.

– Нет, – говорит он, – только меня одного.

Вероника размыкает руки и берет визитку из его пальцев. Смотрит ему в лицо, затем на одежду, затем снова в лицо.

– Тебя зовут Кёртис, – говорит она. – Я не ошиблась?

Перед своей дверью он дважды проводит ключ-картой мимо сканера, злится, делает паузу, закрыв глаза, а потом прикладывает ребро карты к указательному пальцу левой руки и таким манером – двумя руками – направляет ее в прорезь. С легким щелчком замок срабатывает.

Никаких сообщений на факсе и автоответчике. Кёртис убирает револьвер в сейф, раздевается до трусов и майки, падает на широкую кровать. Но он слишком устал, чтобы заснуть. Слишком взвинчен. Слишком много думает. При всем том его мозг работает на холостых оборотах и никак не может зацепить шестерню передачи. Цифры часов на прикроватной тумбочке светятся, как горячие угольки. Остается девяносто один час. И обратный отсчет продолжается.

Он встает, идет в ванную, моет лицо и руки. Вода имеет каменный привкус, мыло в ней плохо мылится. Совсем не то что дома, где замучаешься смывать мыльную пену. Он подставляет под струю щетинистый затылок, втирает воду в веки.

Эта девчонка – Вероника – не из тех, кого легко запугать. Однако сегодня, когда Кёртис в первый раз произнес ее имя, ее испуганная реакция показалась ему непропорциональной тем обстоятельствам дела, в которые его посвятил Деймон. Он гадает, что может быть известно ей и не известно ему. Это его тревожит, но в то же время и тонизирует. Все-таки он правильно сделал, что согласился на эту поездку.

Прожектор, который ранее скользил лучом по его окну, теперь уже выключен, и номер освещается лишь мерцанием уличной иллюминации. Кёртис надевает один из белых гостиничных халатов и садится за стол в нише, глядя оттуда на город. Световая река из множества фар течет по Стрипу и далее по западной автостраде: визитеры-однодневки отбывают восвояси. Тонкий серп месяца расплывается и набухает, опускаясь к горизонту. Где-то под ним находится гора Чарльстон, сейчас затерянная в тени. Кёртис представляет себе другой ее склон: мягкий свет на снежной шапке и ледяной ветер, обдувающий пик. Представляет себе вид из пустыни на сверкающий город. Как свечение моря в кильватерной струе корабля. Как огонь камина за решетчатым экраном или тонкой черной занавесью.

Яркие черточки движутся в небе за оконным стеклом – это ранние рейсы, покидающие Маккарран либо идущие на посадку. Кёртис зевает, следя за их навигационными огнями – красными и зелеными, – пересекающими вертикальный луч «Луксора». Опускает сухие веки, и тотчас этот город странным образом представляется ему живым существом. Аэропорт – это его рот, заглатывающий огоньки с небес и выплевывающий их обратно, как скорлупу от семечек. Улицы и автострады – это его вены и сухожилия. А Стрип – это его аорта – или толстая кишка.

Недолгое время спустя он просыпается от звука включившегося факса; ночь за окном уже приобрела синеватый оттенок. Его лоб находится в неуютном контакте с прохладным деревом столешницы. Он встает, запинаясь о ножку стола, одним рывком задерживает шторы, сбрасывает белый халат и падает на кровать, так и не удосужившись проверить факс. Не вспоминает он об этом и по пробуждении, каковое происходит перед самым полуднем.

Он также не помнит никаких снов, если они вообще были. Приподнимается на локте с одышкой и таким ощущением, будто вздремнул от силы пару минут. Смотрит на часы, чертыхается и сползает с постели. Подбирает с пола джинсы и, надев их, стоит посреди комнаты. Дыхание по-прежнему затруднено; возникает тревожное чувство – словно он опоздал на какую-то встречу, что-то проспал и пропустил. Потом, начиная вспоминать, он

понемногу успокаивается. Вспоминает вчерашний день так, словно это происходило не с ним, а с другим человеком. Садится на край постели и снова стягивает джинсы, теперь уже без спешки.

Подходит к окну и раздвигает шторы. Солнце слабо светит сквозь дымку. Внизу туристы густыми субботними толпами перемещаются по мостам и бульварам, фотографируются у колокольни, на фоне лодок и колонн-близнецов. Кёртис включает телевизор: Буш и Блэр встречаются на Азорах, спасена похищенная девочка, в Китае вспышка неизвестной болезни. Бомбы пока еще не падают.

Телефонный звонок застает его в душе; он не успевает принять вызов. С полотенцем на бедрах, капая водой на ковер, он проверяет звонки и обнаруживает сразу три пропущенных: от Даниэллы, от Альбедро и от отца.

Голосовое сообщение от Даниэллы звучит фальшиво-бодро, но с долей робости и скрытым испугом.

– Мне жуть как не хочется отрывать тебя от приятного времяпрепровождения, – говорит она, – но будет неплохо, если ты мне позвонишь, когда найдешь для этого минутку. Просто чтобы я знала, что ты жив-здоров и не в тюрьме. Я пытаюсь распланировать свою неделю, только и всего. Я тебя люблю, Сэмми Ди. Не натвори там глупостей.

Кёртис удаляет это послание, и телефон начинает говорить уже голосом Альбедро:

– Хорошо провел ночь, спящий красавец? Моя подруга Эспеха очень расстроена тем, что не смогла узнать тебя поближе. Но я рад, что мы хотя бы смогли пересечься, потряхнуть стариной. Вспомнить былые деньки. Еще не выследил своего кидалу? У меня тут, похоже, нарисовались кое-какие зацепки. Звякни, если что.

А теперь очередь отца:

– Надеюсь, ты держишься подальше от греха, малыш. Я подумал о том, что ты сказал вчера, и вспомнил кое-что – вернее, кое-кого, с кем тебе не помешает связаться. Во время наших со Стэнли давних поездок в Лас-Вегас мы там всегда имели дело с одним японцем, которого Стэнли знал еще по Калифорнии. Его зовут Уолтер Кагами. Он в ту пору был шулером – профессиональным игроком, как Стэнли, – но потом вроде как завязал. Последнее, что я о нем слышал: живет в Вегасе, работает менеджером в одном заведении. Называется «Живое серебро», если не ошибаюсь. Вряд ли ты помнишь Уолтера, ты был тогда еще мал. Я и сам уже много лет с ним не контактировал. Другое дело – Стэнли, эти двое вполне могут общаться. Это мое предположение, и только. Но мало ли что, вдруг поможет? Люблю тебя, малыш. Мавия передает привет. Будь осторожен.

Кёртис роняет полотенце на ковер, находит блокнот и ручку, записывает имя Кагами и название казино. Проверяя выдвижные ящики стола в поисках телефонной книги, только теперь замечает в аппарате присланный ночью факс с перевернутым логотипом «Спектакляра» внизу листа.

Расправив его на столе, видит корявый почерк Деймона:

Албо аль бе беддо

абедо в теме.

Он поможет.

Как успехи???????

Под надписью – очередная карикатура Деймона. Кёртис, выпучив глаза, с ужасом глядит на огромный секундомер в своей левой руке, в то же время остервенело мастурбируя правой. Зрачок его левого глаза гротескно скошен. Огромный, извергающий семя пенис нарисован с особым тщанием и густо заштрихован.

Кёртис спускает клочки послания в унитаз уже перед выходом из номера.

10

Когда он залезает в такси, там по радио звучит джаз – «Invisible» с первого альбома Орнетта, – и это помогает Кёртису расслабиться. Когда они поворачивают вправо со Стрипа, он садится вполборота и вытягивает ноги по диагонали; в кабине пахнет сигаретами и мятой.

За рулем сидит араб лет шестидесяти, с гипсово-белой шевелюрой. Ведет машину спокойно и аккуратно. От него исходит уверенность, которой Кёртис невольно завидует. В карточке на прозрачной перегородке указано его имя – Саад, – а фамилию Кёртис не может прочесть без усилия, каковое ему предпринимать не хочется.

– Как идут дела? – спрашивает таксист.

– Пока неважно. Повсюду в пролете, – уже привычно отвечает Кёртис.

Таксист обвиняюще тычет пальцем в сторону «Миража» слева по ходу движения.

– Тогда вы поступаете правильно, покидая Стрип, – говорит он. – Очень разумный ход.

– Неужели?

– Именно так. Всегда полезно прошвырнуться по округе. Люди все время говорят о себе: «Ах, какой я везучий!» или «Ох, как мне не везет!» – но у каждого казино тоже есть свое везенье. Люди об этом забывают. Если у казино везучий день – типа крупье идет карта как по заказу, – вам надо перебраться в другое место. Глупцом будет тот, кто этого не сделает.

– Очень верное наблюдение.

На Индастриал-роуд светофор горит красным. Через перекресток катят чартерные автобусы. Орнетта Коулмана в эфире сменяет Арт Пеппер. Кёртис снова задерживает взгляд на карточке водителя.

– Вас зовут Саад? – спрашивает он.

– Да, Саад. Это мое имя.

– Вы мусульманин, Саад?

Водитель бросает на него жесткий взгляд через зеркало заднего вида; от прищуренных глаз расходятся глубокие морщины.

– Почему вы меня об этом спрашиваете, друг мой? – говорит он. – Может, вы из министерства внутренней безопасности? Думаете, я хочу взорвать одно из ваших казино, въехав туда на своем такси?

– Нет-нет. Дело в том, что мой отец – мусульманин. И он решительно не желает приезжать в этот город.

– А, понимаю. Ислам запрещает азартные игры.

Саад щелкает поворотником и выруливает на автостраду, уходящую в северном направлении.

– Я мусульманин, – говорит Саад, – но иногда я играю в рулетку. И еще иногда в видеопокер. Порой люблю пропустить бокал вина. Я не так часто совершаю молитвы, как следовало бы. Так что мусульманин из меня не самый лучший, это да. Вы сказали, ваш отец тоже мусульманин?

– Верно.

– Как Малькольм Икс?

– Да, типа того.

– Или Мохаммед Али? Карим Абдул-Джабар?

– Скорее, как Ахмад Джамал.

– Ахмад Джамал! Да! Очень хорошо. Или Тупак Шакур?

– Нет, – смеется Кёртис. – Только не Тупак Шакур. Не думаю, что Тупак был мусульманином. Его мама, возможно, была.

– Вы любите джаз? – Саад тянется к радио и прибавляет громкость. – Кул-джаз? Бибоп?

– Люблю. Мой отец играет джаз. На контрабасе.

Прежде чем вновь подать голос, Саад отбивает пальцами на потертом руле несколько тактов вместе с Филли Джо Джонсом.

– Я работал в ту ночь, когда застрелили Тупака Шакура, – говорит он. – Я был всего в миле от того места.

– Надо же!

– Выстрелов я не слышал. Но видел, как промчались копы. И «скорая помощь». Позднее видел черную машину, всю в дырках от пуль. То была жуткая ночь.

Кёртис не отвечает. Он смотрит в окно, но толком ничего не видит, погружаясь в воспоминания. Тренировка на школьном стадионе в Данбаре. Запах смятой ногами свежей травы. И вдруг – звуки сирен отовсюду. Полицейские машины несутся в сторону Адамс-Моргана. В небе кружат вертолеты. На крыльцо школы выбегает помощник директора и машет рукой тренеру Бэннеру. Больше двадцати лет прошло. Если точно: двадцать два года будет в этом месяце.

– Многие приезжают в этот город, чтобы умереть, – говорит Саад.

– Возможно. Но к Тупаку это относится вряд ли. Скорее всего, он просто приехал сюда посмотреть бой Тайсона.

– Может, и так. Кто знает?

Снова щелчки поворотника: они выезжают на бульвар Лейк-Мид, потом сворачивают направо, в сторону базы Неллис и Санрайз-Мэнора. Вдали маячат белые шпили мормонского храма, над которыми нависает Французова гора.

– Ваш отец, наверно, очень умный человек, – говорит Саад. – Или даже по-настоящему мудрый, если он размышляет о таких вещах. В этом городе все создано азартными играми. Вы согласны? Игра построила здания и дороги. Игра оплачивает труд людей. В том числе мой. Ну и все такое. А где есть игра, там всегда есть и смерть. Я понятно выражаюсь?

– Вполне.

– Вот почему мы играем. Чтоб ощутить изменчивость судьбы. Чтобы столкнуться с неведомым, с великим неведомым. Вы делаете ставку. Колесо крутится. Что будет дальше? Играя, вы готовите себя к смерти. Репетируете смерть. И она начинает притягивать вас к себе.

– Вы задвигаете этот спич для всех клиентов, Саад?

Таксист кхекает – этаким хриплым смешком заядлого курильщика – и хлопает ладонью по рулю.

– Только для вас, мой друг! Только для вас. Потому что вы серьезный человек. Заняты серьезными делами. Я это вижу по вашим глазам.

Кёртис улыбается и не отвечает.

– Взять хотя бы того парня, что умер здесь в прошлом году, – возвращается к теме Саад. – Англичанин. Рок-звезда.

– Не пойму, о ком вы.

– Ну как же, Бык. Тот, который всегда стоял на сцене как вкопанный.

Сквозь музыку из радиоприемника пробивается жиденькая электронная мелодия «Марсельезы»: это рингтон телефона Саада.

– Извините, – говорит он и отвечает на звонок. Сперва по-английски, затем переходит на арабский.

Кёртис пытается уловить общий смысл, но вскоре сдается: отдельные слова и фразы кажутся знакомыми, но он не может вспомнить их значения. Такси катит по Пекос-роуд, проезжает мост над безводным, одетым в бетон руслом реки. Домов на боковых улицах становится меньше. Низко над ними ревут двигатели взлетающих боевых самолетов. Кёртис откидывается на спинку сиденья и прикрывает глаза, пытаясь сосредоточиться на мыслях о Стэнли.

Но Стэнли изворотлив, зацепиться за него не удастся даже умозрительно, и Кёртис снова возвращается к мыслям о себе. О своем отце. О Кагами. О Лос-Анджелесе конца пятидесятих. Вот Арт Пеппер плетется в студию «Контемпорари» – белый наркоша со своим многострадальным саксом, в котором треснувшая пробка на стыке деталей заменена обычным лейкопластырем. «Пепер тоже служил в военной полиции, малыш. Охранял тюрьму в Лондоне во время войны». Столбы оранжевого пламени на севере. Почерневшее небо в два часа пополудни. Ядовитый дождь с золой и сажей. «Ижлис» – так по-ихнему будет «сидеть!», «инхад» – «встать!», «са туффатташ илаан» – «сейчас вы будете обысканы»...

Саад все еще болтает по телефону, перемежая арабскую речь английскими и французскими словами: «оранжевая тревога», «Эйр-Канада», «maison de passe»[9], «Фламинго-роуд», «d?panneur»[10], «о боже!», «Аладдин», «une ville lumi?re»[11], «он просто мудака, забудь о нем». Над их головами проносится F-15; Кёртис его не видит, но узнает по звуку двигателей. Они уже заехали далеко на юг от авиабазы и приближаются к северо-восточному концу долины. На холмах впереди маячат ряды белых домиков с красными черепичными крышами,

которые вплотную подступают к границам авиабазы.

Кёртис уже начинает беспокоиться – что, если Саад, заболтавшись, пропустил нужный поворот? – когда они сворачивают в переулок за автозаправкой на углу бульвара Норт-Голливуд. Теперь вокруг только частное жилье, причем по мере продвижения вглубь квартала дома становятся все больше и новее, а расстояния между ними увеличиваются, пока собственно здания вообще не исчезают из виду – вдоль дороги тянутся только заборы с высокими решетчатыми воротами на подъездных аллеях. Водитель понижает передачу, и машина ползет в гору мимо гравийных карьеров и старого цементного завода, выписывая зигзаги среди осыпей, высохших ручьев и укрепленных габионами откосов. Наконец, после головокружительного поворота, они достигают гребня холма, откуда взору открывается вся долина, включая башни Стрипа, с «Луксором» и «Стратосферой» на флангах, и вдали снежный пик Чарльстона – гроздь белых пятен, как будто подвешенная в воздухе, ибо склоны горы растворились в слепополуденной дымке.

Впереди мигает желтым светофор перед выездом на поперечное двухполосное шоссе, по которому в эту минуту несколько джипов везут на прицепах лодки из стеклопластика. Но Саад, не доезжая шоссе, резко берет влево, и такси ныряет в узкую, совсем недавно прорубленную в скале выемку. Впереди появляется надпись на большой плите светлого известняка: «ЖИВОЕ СЕРЕБРО, казино и курорт». Средних размеров автостоянка имеет форму полумесяца, повторяя изгиб склона; вдоль ее верхнего края выстроились «кадиллаки» и «линкольны» с небольшой примесью «лексусов» и «мерседесов». Пандусы зигзагами тянутся по склону, как оголенные корни деревьев; все места для инвалидов на парковке заняты.

Такси подъезжает к главному входу, представляющему собой портик с массивным дубовым архитравом и толстыми колоннами с отделкой из крупной речной гальки. Несколько бледнокожих синеволосых дам стоят в тени портика, держа на согнутых локтях бинго-сумочки и пластиковую тару для монет. У дверей висит бело-зеленый плакат с призывом: «НАЙДИ ГОРШОК ЗОЛОТА В ЖИВОМ СЕРЕБРЕ! День святого Патрика 17 марта».

Саад заканчивает свой телефонный марафон.

– Вот мы и приехали, мой друг, – говорит он. – Я уверен, здесь вам повезет.

– Это оказалось дальше, чем я ожидал, – говорит Кёртис, выуживая Деймоновы баксы из своего бумажника.

– Дальше практически некуда. За холмом уже земля правительства, затем озеро – и все.

– Не знал, что в таких местах разрешается строить казино.

Саад пожимает плечами:

– Зависит от того, сколько ты готов заплатить. И от того, кто твои друзья. Если с этим порядок, делай что хочешь.

Кёртис передает ему в отверстие свернутые купюры, и Саад принимает их с отработанной беспечностью, глядя на клиента в зеркало заднего вида. В его глазах заговорщицкая улыбка. Как будто им обоим доступно некое тайное знание об этом мире.

Кёртис вылезает из машины, а затем наклоняется к окну водителя.

– Еще секунду, Саад, – говорит он, – у тебя есть визитка?

Такси отъезжает, Кёртис глядит на карточку. «Саад Абугрейша», – написано там. И номер телефона.

Тротуар перед входом в казино, который из окна машины казался выложенным брусчаткой, в действительности слегка пружинит под ногами, – похоже, он сделан из молотых старых покрышек. Кёртис перекачивается с пятки на носок, проверяя его упругость и попутно вспоминая пол в кабинете физиотерапии военно-морского госпиталя в Бетесде, где он познакомился с Даниэллой.

Меж тем освобожденное Саадом место занимает кургузый автобус с эмблемой казино «Живое серебро»: стилизованная индейская пиктограмма в виде летящего ворона с разинутым клювом и хитровато поблескивающим глазом. Из автобуса выбирается группа старичков, которым помогают сопровождающие – пара юнцов с широченными улыбками и лужеными глотками. Синевласые дамы у портика терпеливо пережидают процесс высадки, чтобы потом забраться внутрь. Кёртис какое-то время стоит у дверей и созерцает эту сцену, сам не зная зачем. Потом разворачивается и входит в здание.

«Живое серебро» смотрится очень даже недурно для заведения на отшибе: небольшое, выдержанное в деревенском стиле, оно скорее сродни загородным клубам, чем бинго-залам или развлекательным центрам. Само здание напоминает скальный дворец анасази, воссозданный Фрэнком Ллойдом Райтом, – с голыми балками перекрытий и грубой кладкой из плитняка. Все это построено вокруг старого карьера, дно которого теперь стало внутренним двориком с водопадом и фонтаном посреди миниатюрного пруда. Из полукруглого окна в стене игорного зала видны земляничные деревья и кусты можжевельника, цилиндрические соцветия алоэ, а также увитые глицинией и страстоцветом беседки. По резиновому настилу бродят, что-то поклеывая, с полдюжины упитанных цесарок. Не считая их, дворик пуст.

По словам obsługi, Кагами появится здесь позже, у него какая-то деловая встреча. Кёртис берет стакан грейпфрутового сока и играет по маленькой в блэкджек, просто чтобы убить время. Все крупные здесь молоды, приветливы и дают клиентам лишние секунды на раздумья при наборе карт. Большая часть публики сосредоточена у автоматов, а также в просторной комнате для бинго. Столов для блэкджека всего четыре. Помимо дилера, Кёртису составляет компанию лишь пожилой джентльмен с шелковым платком на шее и кислородной маской на лице. Для «игроков по-крупному» выделена особая зона в нише за баром; и там, в полумраке, наблюдается оживление, какое Кёртис не предполагал увидеть в таком захолустье. По всем признакам это реальные денежные мешки: восточноазиатские тяжеловесы из числа тех, что делают основной оборот казино. Временами их вопли заглушают флейтовую музыку в стиле нью-эйдж, льющуюся из динамиков. Профессионал вроде Стэнли Гласса может зайти и порвать это заведение в клочья всего за какой-нибудь час, думает Кёртис. Возможно, именно по этой причине владельцы казино наняли менеджером такого человека, как Кагами.

Предсказание Саада начинает сбываться: Кёртис имеет в плюсе почти четыреста баксов, когда чья-то рука, легонько коснувшись плеча, отвлекает его от игры.

– Мистер Стоун? Мистер Кагами просит у вас прощения за задержку. Вы можете подождать в его офисе, куда он подойдет через несколько минут.

Офис Кагами представляет собой маленькую захлавленную комнату в дальнем конце здания. Добротный письменный стол из дуба. Плетеный коврик навахо на истертом паркете. Панорамное окно с видом на юг: на дамбу и автостраду, ведущую в Хендерсон и далее в Боулдер-Сити. Умывальник и тесный клозет. Кушетка, на которой очень редко спят, судя по отсутствию вмятин и потертостей. На свободном участке стены меж двух книжных полок

разместился ряд старых фотографий, и на одной из них Кёртис опознает смеющееся лицо своего отца. Похоже, снимок сделан рядом с «Тропиканой»; одежда и стиль очков намекают на конец семидесятых, хотя игроки-профессионалы имеют свой стиль и далеко не всегда следуют моде. Помимо отца на фото присутствует Стэнли, который выглядит каким-то отрешенным, а также азиат (по-видимому, Кагами), еще один незнакомый Кёртису мужчина, и в самом центре – Сэмми Дэвис-младший собственной персоной. Кёртис приближает лицо к фотографии, дотрагивается до рамки. С легкой улыбкой вспоминает Даниэллу, которая дала ему прозвище Сэмми Ди. Но улыбка быстро исчезает, сменяясь беспокойством. Чувством неловкости. Подозрением, что его дурачат. Как будто он играет некую подспудно навязанную ему роль, согласно ожиданиям невидимых зрителей. Или он сам выбрал эту роль?

Он переносит внимание на полки. Монографии по математике и физике в тусклых двуцветных обложках. Солидные иллюстрированные труды по индейскому искусству и археологии. Книги по истории, экономике, архитектуре Лас-Вегаса. «Птицы Северной Америки» Питерсона. Справочник «Джейн» по визуальной идентификации боевых самолетов. Все, что когда-либо было написано о подсчете карт в азартных играх, включая пятнадцать изданий «Победи дилера» Эдварда Торпа, причем большинство из них в старой редакции, до 1966 года.

– С этой самой книги все и началось, – доносится голос со стороны двери.

Изучая книжные полки, Кёртис прозевал появление Кагами. Он чертыхается про себя, стараясь не выглядеть удивленным или застигнутым врасплох.

– Я читал ее очень давно, – говорит он, поворачиваясь. – Старый экземпляр моего отца. Сейчас уже плохо помню суть. Мне никогда не хватало ума на такие вещи.

– А знаешь, где сейчас обретается этот тип? Я об Эде Торпе.

Кёртис отрицательно качает головой.

– Попробуй угадать. Вот так, навскидку. Ну же, давай.

Потрепанный желтый корешок книги, на которую перед тем смотрел Кёртис, слегка выдается из общего ряда на полке. Надавив пальцем на книгу, Кёртис ставит ее вровень с соседками.

– Уолл-стрит? – предполагает он.

– С первого раза. – Кагами, ухмыляясь, идет к нему через комнату. – Ты всегда был смышленным парнем.

Кагами примерно одного с ним роста, крепко сбит, в хорошей физической форме для своего возраста, – должно быть, он на пару лет старше отца Кёртиса, хотя выглядит моложе. На нем серые брюки с рисунком в елочку, коричневый твидовый пиджак, бежевая рубашка, стильный галстук с золотой булавкой. Очки с затемненными стеклами – классический атрибут профессионального игрока. Массивные перстни на пальцах. Во время рукопожатия он дружески сдавливая предплечье Кёртиса левой рукой.

– В последний раз, когда я тебя видел, – говорит Кагами, – тебе было лет шесть. Выглядишь молодцом, действительно молодцом. Насколько мне известно, ты теперь женатый человек.

– Да, сэр. В следующем месяце справим годовщину.

– Все еще в морской пехоте?

– Недавно вышел в отставку.

– Что ж, мои поздравления! Это хорошо. Похоже, ты свинтил оттуда очень даже вовремя.

Кагами делает шаг назад и осматривает его с ног до головы.

– Слыхал, тебя неслабо зацепило пару лет назад? – говорит он. – В Боснии, кажется?

– В Косово.

– Похоже, ты вполне оправился.

– Вполне, – говорит Кёртис. – Но пришлось поваляться в госпитале. Спасибо, что сразу меня приняли, мистер Кагами, хоть я и без предупреждения.

– Уолтер! Черт, зови меня Уолтером. Рад тебя видеть. Правда, не знаю, насколько смогу быть полезен. Ты ищешь Стэнли Гласса?

– Да, сэр. По просьбе моего друга. Мне сказали, что он иногда бывает здесь. Не подскажете, как с ним связаться?

Кагами обходит письменный стол, направляясь к окну. При этом каждый шаг приближает его к собственному отражению в стекле, на которое под косым углом падает солнечный свет.

– Я не знаю, как связаться со Стэнли, – говорит он. – Но еще недавно он был здесь. Я ужинал с ним на прошлой неделе.

– Он не говорил, как долго намерен оставаться в городе?

– Нет. Только сказал, что ездил на Восточное побережье и теперь ждет какого-то сообщения оттуда. Они с Вероникой объявились после полудня в прошлую среду. Девять дней назад. Я точно запомнил, потому что в тот самый день наша официантка умудрилась выйти в зал с пятном копоты на лбу. Стэнли еще отпустил шутку по этому поводу. Я бесплатно выделил им номер и сказал, что могут жить в нем неделю, но они уехали уже на следующее утро. Не сказали куда.

Кагами склоняет голову набок, словно хочет получше разглядеть что-то внизу за окном.

– Вероника училась в местном колледже, – говорит он. – Работала крупье в «Рио», а до того, кажется, в «Сизарсе». Она может пристроить Стэнли у кого-нибудь из своих тамошних знакомых.

– Я общался с Вероникой прошлой ночью. Она не знает, где сейчас Стэнли. Сама его разыскивает.

– И ты ей веришь?

Кёртис пытается поймать взгляд Кагами в оконном отражении, но это ему не удается.

– Не знаю, – говорит он. – С другой стороны, зачем ей врать?

– Когда я видел ее в последний раз, она была на взводе. В смысле, сильно нервничала.

– Да, и при встрече со мной ее тоже потряхивало. А как вам показался Стэнли?

Кагами медлит с ответом. Потом с усмешкой оборачивается.

– А каким обычно кажется Стэнли? – говорит он. – Слушай, Кёртис, вот что я предлагаю. Раз уж я не смог навести тебя на след Стэнли, то хотя бы могу хорошо покормить. У нас наверху – лучший ресторан в штате Невада. Я угощаю. Не все ж тебе гробить здоровье в тошнيلовках на Стрипе.

Из офиса Кагамы они коридором доходят до остекленного лифта в стиле модерн, прилепившегося к скалистому склону. Стенки кабины отделаны свинцовым хрусталем, а потолок представляет собой ажурный витраж в цветах пламенеющего заката. Лифт начинает неторопливый подъем к площадке, вырубленной в скале двадцатью футами выше.

– Славное у вас местечко, Уолтер. Как долго вы здесь работаете?

– Мы открылись два года назад. Я в этом проекте с самых первых дней.

– И как он продвигается?

– Паршиво. Возможно, ты не заметил, но большинство клиентов казино старше меня. А я уже далеко не юнец. Впрочем, наш владелец – тот еще сумасброд. Богатей из Силиконовой долины. Он готов нести убытки хоть десять, хоть пятнадцать лет подряд – столько, сколько потребуется городу на то, чтобы дорасти до этих пределов. Сам он еще молод. Рассчитывает на свое долголетие и свой толстый кошелек.

– Думаете, он прав?

Кагами смеется:

– Зависит от обстоятельств. Это как во всех случаях жизни: когда открывается окно возможностей, надо вовремя подсуетиться и туда влезть, а потом успеть вылезти обратно до его закрытия. Если успел – ты в выигрыше. Город быстро растет, и с этим хрен поспоришь. Но есть одна проблема: в наших краях совсем туго с водой. Все почему-то об этом забывают. Я говорю про всю эту долину. Уровень воды в озере Мид упал до самой низкой отметки за тридцать лет. Причина в глобальном потеплении, так что вода вряд ли вернется на прежний уровень. Когда-нибудь нас тут накроет жестокая засуха. Если еще до того нас не прикончит другая проблема: при землетрясении лавина махом снесет этот склон и все дома вплоть до Норт-Голливуда.

– Разве тут бывают землетрясения?

– Пока не было ни одного. Но если случится, нам хватит даже небольшого. Отсюда всего пара сотен ярдов до разлома Санрайз. Это активный разлом. Видел булыжники в колоннах перед входом, куда подъезжают автобусы с инвалидами? Гладкие такие круглые камни. Видел? Пять этих паршивцев уже выпадали из гнезд от сотрясений, и нам приходилось снова садить их на раствор. А если пойдут серьезные подвижки грунта и доктор Рихтер нарисует порядка пяти баллов по своей шкале, мы тут будем как кегли в боулинге для малолеток.

– Черт побери!

– Такие вот дела, – говорит Кагами. – Так или иначе, я отдам концы задолго до того, как это заведение начнет приносить прибыль.

Он вытирает ладонь о свой пиджак и прикладывает ее к безупречно чистому стеклу кабины. По мере подъема в поле зрения постепенно выдвигается мормонский храм у подножия горы. Вокруг него Кёртис видит крыши возводимых домов: светлое дерево стропил, аккуратные ряды обрешетки.

– Это первая нормальная, настоящая работа, какую я получил с тех пор, как мне стукнуло девятнадцать, – говорит Кагами. – Я был профессиональным игроком, как Стэнли. Но в конечном счете меня это измотало. Зарабатывать на хлеб, урывая клочки от прибылей казино, – это уже слишком для человека моих лет. Разве что ты работаешь с хорошей командой. Однако любые команды рано или поздно распадаются.

Кёртис переступает с ноги на ногу.

– Не представляю, как это удастся Стэнли, – говорит он.

– У него все же есть Вероника. И нет выбора: Стэнли просто не умеет делать ничего другого.

Кагами задумчиво улыбается.

– Кроме того, у Стэнли всегда был особый, какой-то сверхъестественный дар, – добавляет он. – Только учти: я тебе этого не говорил.

Дверь лифта открывается перед небольшой стеклянной галереей, из которой они выходят на резиновую дорожку, окаймленную кустами розмарина и распускающимися пустынными ивами. На краю террасы примостился ресторанчик с надписью «Воронов уступ» на простой деревянной вывеске. Легкий бриз развеивает края белых скатертей.

Кагами идет медленно, сунув руки в карманы.

– Ну и как поживает старина Дональд? – спрашивает он. – Много лет уже с ним не общался.

– У него все отлично. Только теперь его зовут не Дональд.

– Ах да, я и забыл. И кто он теперь?

– Бадрудин Хассан. Пару лет назад повторно женился. И снова гастролирует. Отлично себя чувствует в роли мусульманина и семьянина.

– Жена его, небось, молоденькая крошка?

– Насчет крошки не сказал бы, а что она гораздо моложе его, это да.

Кагами хмыкает и пинком откидывает камешек с резиновой дорожки.

– А как насчет тебя, малыш? – говорит он. – Чем намерен заняться такой парень после выхода в отставку? Гонять мячик по полю для гольфа?

Кёртис улыбается:

– Один приятель предлагает мне работу. Руководить службой безопасности казино. Сам он сейчас начальник смены в новом заведении в Атлантик-Сити. Мы с ним знакомы еще по корпусу.

– Может, я его знаю?

– Деймон Блэкберн. Работает в «Спектакляре».

– Это в Приморском районе?

Кагами открывает ресторанный дверь и пропускает Кёртиса вперед.

– А не он ли тот самый друг, который попросил тебя разыскать Стэнли? – спрашивает он.

– Да, – говорит Кёртис. – Он самый.

Метрдотель почтительно приветствует Кагами и усаживает их за столик на самом краю террасы. Кёртис просматривает меню в кожаном переплете и выбирает бифштекс из короткого филея, а потом начинает разглядывать долину, держа ладонь козырьком над глазами. Где-то на гребне холма над ними перекликается пара воронов; Кёртис не может их разглядеть. Затем один из воронов слетает ниже и усаживается на крышу ресторана. Мормонский храм теперь виден полностью, внизу и чуть к северу. Отсюда он похож на

дохлого жука с шестью задранными вверх лапками-спилями и вздутой крышей-брюшком между ними. Золоченые верхушки спилей отливают оранжевым в лучах предзакатного солнца.

Кагами беседует с официантом, заказывая вино и закуски. Официант кивает и удаляется, а Кагами переводит взгляд на Кёртиса и нагибается к нему через стол.

– Кёртис, – говорит он, – я не могу не спросить одну вещь. Ты сожалеешь о том, что в этот раз останешься не у дел? Я об Ираке?

– Что, война уже началась?

– Нет, об этом я не слышал. Хотя, судя по всему, начнется скоро. Полагаю, ты знаком со многими, кто сейчас находится там.

Кёртис делает глоток воды, затем еще один. Вода ледяная, однако бокал почти не запотел. Второй ворон присоединяется к своему напарнику на коньке крыши.

– Это все очень сложно, – говорит Кёртис. – По многим причинам я бы хотел быть там. Меня к этому готовили. И я сам готовил к этому новобранцев. Я бы хотел быть там и приглядывать за своими людьми. Но по большинству причин – по большинству действительно важных причин – я рад, что пересажу эту заварушку здесь. Я уже не тот малыш, каким вы меня помните. У меня есть жена, и нужно подумать о ней. Когда я получил ранение в Косово, это изменило мой взгляд на многие вещи.

– А если бы не уволился, ты был бы сейчас в Пустыне?

– Трудно сказать. Но вполне возможно, что так.

– Ты ведь служил в военной полиции?

– Это верно.

– На Филиппинах?

– Это было давно. Когда мой отец вышел из тюрьмы в восемьдесят девятом, я добился перевода во Вторую дивизию. Чтобы быть поближе к нему.

– Значит, ты был в Кэмп-Лежене?

– Именно так.

– А в Гуантанамо тебе служить не доводилось?

Кёртису кажется, что его желудок в верхней части, сразу под ребрами, как бы сжимается в комок, и он непроизвольно делает пару быстрых вдохов. Кагами это видит, и он ожидал примерно такой реакции.

– Да, – говорит Кёртис, – какое-то время.

Возвращается официант и ставит перед ними блюдо с жареными сдобными лепешками, перцами халапеньо, фаршированными козьим сыром, и небольшой запеченной тыквой. Открывает бутылку и наливает в бокалы вино. В очках Кагами удваивается отраженное солнце; теперь Кёртис совсем не видит его глаз.

Кагами дожидается ухода официанта, прежде чем заговорить вновь.

– И как долго ты там пробыл? – спрашивает он.

- Меня откомандировали в Гитмо год назад. Провел там шесть месяцев.
- Занимался узниками?
- Арестантами, да. Помогал переместить их на другой объект.
- В Кэмп-Дельта, я полагаю.
- Так точно.

Кагами отрезает себе ломтик тыквы, берет с блюда лепешку.

- И как оно там? – спрашивает он. – На этом объекте?

Слово «объект» он произносит так, будто чувствует в нем привкус тухлятины. Кёртис берет свой бокал, отпивает немного вина, затем делает глоток воды.

- Клетки из стальной проволоки, – говорит он. – Восемь на восемь на шесть с половиной футов. Там есть унитазы, койки, умывальники. Зона для прогулок.

- Прямо курорт!

- В лагере Икс-Рэй они пользовались общими туалетами и спали на полу, так что это уже прогресс. Они же плохие парни, Уолтер! Настоящие злобные ублюдки.

- Я слышал, там и дети сидят. Двенадцати-тринадцати лет.

- Малолеток держат отдельно, на другом объекте, – говорит Кёртис.

Один из воронов описывает дугу по залу и шумно приземляется на середину стола в нескольких ярдах от них. Официант невозмутимо взмахивает полотенцем, прогоняя птицу, и та перелетает на каменное ограждение террасы. Вблизи ворон оказывается гораздо крупнее, чем Кёртис полагал ранее. Он и Кагами несколько секунд молча его разглядывают.

- Послушайте, – говорит Кёртис, – я не думаю, что кто-то может быть в восторге от таких вещей. Мне самому они совсем не по душе. И это, кстати, стало одной из причин моей отставки.

Он никому не говорил этого прежде и сейчас сам удивлен, услышав собственные слова. Он кладет в рот фаршированный перец и чувствует, как жжение распространяется от нёба в полость носа.

- Я вовсе не подвергаю тебя допросу, малыш, – говорит Кагами.

- По правде сказать, я не так уж много обо всем этом знаю, – говорит Кёртис. – Хотя Гитмо – это флотская база, но охраной в лагере ведает армия. Я занимался подготовкой к перемещению на новый объект. При этом с арестантами практически не контактировал.

- Ладно-ладно. Теперь это уже не твои проблемы, так ведь? Теперь ты вливаешься в нашу игорную индустрию.

- Да. Наконец-то у меня будет нормальная работа.

Кагами смеется.

- В секьюрити я часто вижу бывших вояк, – говорит он. – В том числе из военной полиции. Этот твой приятель в «Спектакуляре» – Деймон, кажется, – тоже служил там?

– Да, сначала там, а позднее в охране посольств. Был посольским морпехом в Боливии и Пакистане.

– Звучит серьезно.

– Деймон четко знает свое дело. Я буду рад работать с ним вместе.

– Вот и славно. Кстати, я что-то не припоминаю: ты говорил,

зачем твоему другу понадобился Стэнли Гласс?

Кагами с улыбкой медленно крошит лепешку над своей тарелкой, отламывая кусочки размером с десятипенсовик. Глаза его по-прежнему скрыты за солнечными бликами очков, но по интонации вопроса Кёртис догадывается, что он слышал какие-то новости из Атлантик-Сити и уже смекнул, что к чему. Возможно, Кагами понял это еще до того, как они вошли в ресторан. А вся эта болтовня насчет Гуантанамо нужна была лишь для того, чтобы смутить Кёртиса, вывести его из равновесия. Кагами откуда-то известно его слабое место. Интересно, откуда?

Снова появляется официант с подносом; на сей раз это основные блюда. Кагами заказал тушеную утку с ежевичной подливкой, а бифштекс Кёртиса сопровождается чашкой дымящегося посоле. На пробу все очень вкусно.

Некоторое время они едят в молчании. Кёртис не торопится, периодически кладет вилку на край тарелки и оглядывает долину внизу. Он решает пока не отклоняться от изначальной версии, а там будет видно.

– Деймон хочет прояснить одно недоразумение, – говорит он. – Два месяца назад он поручился за Стэнли, когда тот взял в долг десять тысяч. Но Стэнли не делал никаких промежуточных выплат, а ночью во вторник – точнее, в полночь по восточному времени – срок истекает. Это грозит неприятностями им обоим. Деймон просто хочет без скандала уладить этот вопрос.

– И потому он попросил тебя съездить в Вегас?

– Так точно.

Кагами снимает очки и протирает стекла краем скатерти.

– Кёртис, – говорит он, – мы с тобой оба знаем, что это полная чушь. Десять кусков не бог весть какая сумма для казино вроде «Спектакуляра». И есть огромная разница между невыплаченным долгом и безвозвратной ссудой. У твоего приятеля не может быть серьезных проблем из-за этого поручительства. Очень мило, конечно, что он беспокоится о Стэнли, да только Стэнли сейчас знаменитость, чуть ли не живая легенда. Владелец казино и кредитные агенты по всей стране готовы ублажать его подобными ссудами и другими способами, лишь бы он у них засветился хоть ненадолго, – и плевать им, в каких он там числится черных списках. На самом деле все казино любят профессиональных игроков, Кёртис. Они очень полезны для бизнеса. Они подобны святым: живые доказательства того, что спасение действительно возможно.

Кёртис смотрит на него и ничего не говорит. Он знает, что продолжение последует, надо только подождать. Ворон появляется из-под соседнего стола, чинно вышагивает по проходу и исчезает снова. Ветер сменяет направление. Откуда-то со стороны гор доносится гул двигателей низколетящего «Тандерболта» – Кёртис вспоминает о Заливе, но лишь на мгновение.

Кагами водружает очки обратно на нос.

– Недавно я услышал одну интересную историю, – говорит он. – Пару недель назад команда счетчиков неслабо прошла по нескольким казино в Атлантик-Сити. Понятное дело, боссы не оглашают, сколько содрали с них эти ребята, но слухи ходят о каких-то сумасшедших суммах. Во всяком случае, менеджеры с первого взгляда на итоговые балансы в конце ночи поняли, что они пролетели по-крупному. Ты знаешь, Кёртис, когда еще счетчикам карт случалось сорвать такой куш, при этом не спалившись?

– Не знаю.

– Такого не случалось никогда. За все годы я слышал о трех-четырех похожих делах, но всякий раз это касалось какого-то

одного казино. А эта команда порвала в клочья четыре или пять мест всего за двенадцать часов. Случай небывалый.

Кагами осушает бокал вина и вновь наполняет его из бутылки.

– Я заговорил об этой истории именно сейчас, потому что – странное дело – от рейда счетчиков сильнее всех пострадал именно «Спектакляр». И что меня настораживает еще больше: это было

последнее из всех заведений, которые они обобрали. Через несколько часов после других. Тебе это не кажется странным?

– Не отвлекайтесь на меня, продолжайте, – говорит Кёртис. – Я весь внимание.

– Как я узнал из надежных источников, служба безопасности «Точки» получила предупреждение насчет этих гастролеров и заранее приняла меры. Полная готовность, свистать всех наверх! Правда, в Атлантик-Сити охрана не может законно прижучить счетчиков карт, как это разрешается у нас в Вегасе, но есть другие способы, и ты наверняка о них знаешь. Насколько мне известно, «Спектакляр» использовал полный набор допустимых трюков: снижение максимальных ставок, дополнительные перетасовки колоды и все такое. Многие обычные клиенты были в бешенстве. И тем не менее эта компашка ухитрилась-таки выпотрошить «Спектакляр». С моей нынешней позиции – уже в качестве менеджера казино – это выглядит не так чтобы очень здорово.

– Да уж, ваша позиция к таким зрелищам не располагает.

Кагами ухмыляется и покачивает головой.

– Скажу тебе по секрету: на самом деле я им адски завидую, – говорит он. – Знаешь, я ведь и сам когда-то собирал команды такого рода, и некоторые из них работали отлично. Но эти ребята – да о них в пору снимать голливудские боевики! В уик-энд перед Марди-Гра, когда в казино полно народу, они появляются неведь откуда, отслеживают перетасовки, считают карты, перемещаются от стола к столу и гасят дилеров одного за другим. И никто не заметил, как они поддерживают связь между собой. Даже в свою лучшую пору мы и близко не достигали такого уровня.

Кагами щелкает пальцами, как будто осененный догадкой.

– Однако! – говорит он. – Знаешь, кто мог бы собрать такую суперкоманду?

– Скажите это сами, Уолтер.

– Стэнли чертов Гласс, вот кто! А ты здесь рассказываешь, как твой дружок, некий Деймон Блэкберн из корпуса морской пехоты, одолжил Стэнли – великому игроку и создателю команд вроде той, о которой я только что говорил, – десять кусков из кассы казино как раз за шесть

недель до того, как гастролеры разнесли в пух и прах добрую половину Атлантик-Сити. Не удивлюсь, если Деймон сейчас озабочен тем, как бы усидеть в своем кресле.

– Возможно, поэтому он так засуетился, – говорит Кёртис.

– По моим сведениям, в «Точке» уже полетели головы с плеч. Полиция Нью-Джерси разыскивает одного из дилеров, работавших той ночью. Руководство казино с ходу уволило распорядителя, а на следующий день – главу службы безопасности. Уж не эту ли вакансию ты думаешь занять, Кёртис?

Он отвечает кислой улыбкой.

– Понятно, что ты можешь получить это место только с подачи Деймона – при условии, что до того времени он не потеряет свое. Пока что он держится на плаву. Но если в среду утром имя Стэнли появится в списке неплательщиков «Спектакляра», они там ударят в набат, и Деймон может собирать манатки на выход. Ну а поскольку ты давно знаком со Стэнли – они же старые друзья с твоим отцом, верно? – Деймон именно тебя попросил отыскать его и напомнить об оплате счета, пока еще не слишком поздно. А ты с этой сделки получишь хорошую должность в казино. Я все правильно излагаю, Кёртис?

– Да, сэр. Примерно так все и обрисовал мне Деймон.

Кёртис вертит в пальцах бокал с темным вином на донышке. Теперь он уже не так нервничает, хотя и чувствует себя неуютно, ожидая, чем закончит свою речь Кагами. И в процессе ожидания он вспоминает лицо Даниэллы, когда он сообщил ей о своем намерении работать с Деймоном. Также вспоминается лицо отца за плексигласовой перегородкой в тюрьме округа Колумбия, когда Кёртис сообщил ему, что бросает колледж и поступает на военную службу.

Кагами смеется и вытирает губы салфеткой.

– Это дело может принять интересный оборот, – говорит он. – Позволь мне высказаться начистоту, о'кей? Что, если это не является простым недоразумением? Что, если Стэнли не отвечал на звонки Деймона потому, что цинично его использовал и потом попросту кинул? Что, если это Стэнли обчистил «Точку» и другие казино? Что, если это он собрал команду и потратил взятые у «Спектакляра» деньги на ее стартовое финансирование? Ему и прежде случалось проделывать подобные фокусы. Много раз.

– Я в курсе, – говорит Кёртис, – но то было тридцать лет назад. Стэнли уже не работает с большими командами. Вы сами только что сказали: ему это не нужно, у него есть Вероника. Кроме того, Стэнли и Деймон – друзья. Вам ли не знать, Уолтер, как бережно Стэнли относится к своим друзьям. И вы думаете, что он мог вот так поступить с Деймоном? Это уже был бы не Стэнли.

– Согласен. Но я также знаю, что Стэнли не терпит оскорблений или унижений от кого бы то ни было. Мог ли Деймон чем-то его разозлить?

– Ни о чем таком я не слышал.

– А ты и

не должен был это услышать. Тебе эта история известна только со слов Деймона, ведь так? А когда ты в последний раз встречался со Стэнли, малыш?

Кёртис прикрывает глаза. Ему видится Стэнли на скамье в парке у вашингтонского Приливного пруда, развернувший веером колоду карт перед юными кузенами Мавии. Сама Мавия и отец Кёртиса шутивно-грозно кричат ему с водного велосипеда. На поверхности

воды, как хлопья пены, колышутся вишневые лепестки. Слева, но вне поля его зрения, смеется Даниэлла. Он ощущает ее пальцы в своей ладони.

– Это было пару лет назад, – говорит Кёртис.

Кагами смотрит на заходящее солнце.

– Он сильно изменился, знаешь ли.

– Что вы имеете в виду?

– Во-первых, он болен. Не знаю, чем именно, но при нашей встрече в прошлую среду он опирался на трость. И в целом выглядел неважно.

– Насколько я знаю, Стэнли не проболел ни единого дня в своей жизни.

– Во-вторых, – продолжает Кагами, – он свихнулся. В последние два года Стэнли терял огромные суммы. Просто спускал их за игорным столом. Увлёкся этими новомодными системами, в которых нет никакого смысла и никаких шансов на успех. У него натурально поехала крыша, Кёртис. Той же ночью он оставил шесть кусков в нашем казино, не моргнув и глазом. Хотя мне и не следует так поступать, я оттащил его в сторону и спросил, что за хрень он тут вытворяет. Напрямую, без экивоков, посоветовал ему не страдать ерундой и выбросить из головы всякие дурацкие системы.

– Прямо так и сказали?

– Практически слово в слово.

– И что он ответил?

– Он рассказал мне одну дзен-историю.

– Что-что?

– Историю про знаменитого японского лучника, который считается одним из величайших мастеров своего дела. Люди со всего света приезжают к нему учиться. Но хотя он уже стар и много-много лет стреляет из лука, ему еще только предстоит сделать свой самый лучший выстрел.

– И это все?

– Да. Стэнли всегда рассказывает мне дзен-истории. Типа такой шутливой игры между нами.

– Про лучника – это правда?

Кагами смотрит на него с раздражением, открывает рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого поворачивается лицом к долине внизу.

– Уолтер, – говорит Кёртис, – сколько я помню Стэнли, он всегда носился со всякой мистикой. Но все это чисто показное. На самом деле он не верит ни в какие волшебные системы.

Кагами пожимает плечами.

– Возможно, поначалу это и было показным, – говорит он. – А может, в этом всегда присутствовала крупица веры. Искреннего желания. Фантазии. Или то была попытка выдать желаемое за действительное. Может, он слишком долго играл эту роль и наконец реально стал тем, кем прежде только притворялся. Или, черт возьми, все действия

любого из нас являются таким же притворством. Кто знает?

Кагами макает кусочек утки в иссиня-черный соус и подносит его ко рту.

– Ты когда-нибудь подсчитывал карты, Кёртис? – спрашивает он. – По-настоящему, в игре?

– Нет, сэр. Я знаю, как это делается, но сам никогда не пробовал.

Кагами медленно пережевывает мясо, затем споласкивает рот водой и запивает вином.

– Представь такую ситуацию за столом блэкджека: у тебя все на мази, – здесь я говорю не об удаче, а о надежном подсчете, когда ты отследил перетасовку, имеешь перед собой слабого крупье, а большая часть колоды уже сдана, – и вот тут наступает момент твоего полного контроля над игрой. Ты знаешь свои карты, знаешь карты крупье и даже, исходя из базовой стратегии, можешь предугадать действия другого игрока, вплоть до выхода подрезной карты. Мне очень трудно описать это чувство. Оно сродни...

Тут Кагами поднимает глаза к потолку, как будто высматривает нужное слово, витающее в воздухе над ними. Лицо его оживляется и в то же время выглядит очень старым; солнечные искры вспыхивают на его золотых перстнях, в стеклах очков и в тонких черных волосах, а в густо-синем небе позади него уже проглядывают первые звезды.

– ...

всемогуществу, – продолжает он. – И знаешь, малыш, это чувство может сотворить с твоими мозгами презабавные вещи. Очень легко обмануться и поверить, что весь мир – просто большая игра в блэкджек, и тебе достаточно лишь это осознать, уловить соответствия и научиться считать карты. Даже лучшие игроки – надеюсь, ты не сочтешь меня бахвалом за причисление к таковым и себя, – даже лучшие крайне редко достигают этого самого момента всемогущества. А Стэнли в нем

живет. Он живет в этом моменте безвылазно. И я думаю, что как раз это постепенно свело его с ума.

Кёртис не знает, что сказать. Он только кивает и смотрит вдаль.

– Я не очень-то убедителен, – говорит Кагами. – Ну и пусть, не суть важно. Главная моя мысль, Кёртис, заключается вот в чем: нельзя недооценивать способность человека верить в невероятное. Для примера взгляни хотя бы туда.

Кагами тычет большим пальцем в сторону мормонского храма.

– Люди в этом здании верят, что Америка была впервые заселена потомками пропавших колен Израиля. А твой отец считает, что белая раса была создана каким-то зловещим ученым-экспериментатором. Никогда не предугадаешь, за какую соломинку ухватится тонущий разум. Так что, малыш, не особо рассчитывай на встречу с прежним Стэнли, каким ты его помнишь.

Кёртис несколько секунд раздумывает над его словами.

– Я считаю так, – говорит он. – Возможно, Стэнли свихнулся. А может быть, и нет. Возможно, это он собрал команду, обчистившую «Точку», а может быть, и нет. Все это не имеет для меня большого значения. А имеет значение другое: скрывается он от

меня или нет. Если скрывается, у меня нет никаких шансов его найти. А если нет, он будет не прочь со мной встретиться.

Внезапный порыв ветра, слетев с вершины горы, треплет скатерти и сбрасывает с края стола пустой поднос; где-то неподалеку удивленно каркает ворон. Впервые со времени приезда сюда Кёртис радуется тому, что надел теплую куртку.

Кагами улыбается. Это дружелюбная улыбка, без тени ехидства, но она может быть лишь прикрытием.

– Что ж, удачи тебе, малыш, – говорит он. – Если Стэнли объявится, я передам, чтобы он тебе позвонил.

– Буду очень признателен.

Ворон взлетает на каменный парапет непосредственно за спиной Кагами и с самодовольным видом чистит клювом перья. Затем каркает, и его хриплый голос эхом разносится по темнеющей долине. После этого он взмывает в воздух, делает пару кругов и поднимается к вершине, откуда ранее прилетел.

Кёртис кивком указывает на ворона.

– Удачное экзотическое дополнение, – говорит он. – Как вы приучили этих птиц залетать в ресторан?

– Приучили? – Кагами смеется. – Боже, да мы никак не можем от них отделаться! Они жили здесь до того, как мы начали закладывать фундамент. Отсюда и взялась эмблема казино. Наш босс называет их Биллом и Мелиндой. Но лично я не могу разобраться, кто из них кто.

Кагами вновь принимается за еду; его нож и вилка тихонько постукивают по тарелке.

– Был еще и третий, – говорит он, готовясь отправить в рот очередной кусок. – Но он был слишком наглым и агрессивным. Любил всякие блестящие вещицы и запросто мог сесть на стол перед самым твоим носом. А некоторые из наших почтенных клиенток питают страсть к ярким ювелирным украшениям... Словом, та еще была птичка. Босс назвал его Ларри Эллисоном.

– И что с ним случилось?

– Однажды рано утром я пришел сюда с зеркалом заднего вида от моей машины и «ремингтоном» двенадцатого калибра, который позаимствовал у своего приятеля. Хлоп-хлоп-хлоп крыльев, а потом: бабах! Шеф-повар приготовил для меня из старины Ларри энчиладас под соусом моле.

Кагами вытирает губы салфеткой и грустно улыбается, качая головой.

– Чертова куча мяса оказалась в этой птице. Вкус говенный. Но я всегда съедаю дичь, которую убил.

12

Один из челночных маршрутов «Живого серебра» ежечасно отправляется до Стрипа. В ожидании очередного автобуса Кёртис со стаканом содовой устраивается в тихом закутке напротив комнаты для бинго.

Жирная острая еда неважно улеглась в желудке: надо бы посетить туалет до прибытия

автобуса. А пока что он пытается осмыслить информацию, полученную от Кагами, – сопоставить ее с тем, что узнал от Вероники и Дэймона, выявить совпадения и нестыковки, – однако беспрестанные трели игровых автоматов мешают сосредоточиться. В конце концов он незаметно для себя переключается на наблюдение через приоткрытую дверь за тем, что происходит в комнате для бинго, привлеченный царящим там невозмутимым спокойствием.

В комнате расположились десятка два пожилых дам. Многие заполняют сразу по пять-шесть карточек, а иные умудряются по пятнадцать и даже больше, скрепляя их клеем-карандашом или липучкой. Розыгрыш ведет белая девчонка с брекетами на зубах; она объявляет выпавшие номера четким бесстрастным голосом, который упругими волнами разносится по комнате. Сам воздух кажется здесь уплотненным, лучше передающим звуки. Дамы похожи на жриц в процессе священнодействия. Голубые и розовые кудряшки подрагивают от внимательного напряжения; узловатые пальцы ловко орудуют маркерами, сжимая их на тот или иной атавистический манер. Ведущая прячет номера сразу же после того, как они были названы и продемонстрированы. Кёртис наблюдает за этим действием как зачарованный и в результате чуть не опаздывает на автобус.

Во время долгой поездки под уклон в направлении Стрипа он размышляет о Стэнли. Еще он думает о словах Кагами насчет блэкджека – об иллюзии полного контроля над игрой, – а также о бинго-старушках в тихой комнате, их поразительной сноровке в обращении с карточками и маркерами.

Все эти мысли начинают действовать на него угнетающе, а когда автобус уже подкатывает к его отелю, он отчего-то вспоминает футбольный матч в конце своего первого школьного сезона, когда он умудрился распознать готовящийся блиц еще задолго до снэпа – просто увидел его в глазах и лицах ребят из Баннекера, в манере их движения. Вспоминает внезапно снизошедшие на него спокойствие и ясность. Он вдруг ощутил себя пустым и невесомым. Дальнейший розыгрыш происходил как будто по его сценарию. Первым делом он резко отскакивает от защитного энда, стоящего против него на линии схватки, и тот падает, теряя равновесие. Теперь он свободен. Сдает еще назад, отступая в слепую зону. Активно размахивает руками. Выглядит нелепо. Но это срабатывает. И вот уже корнербек шпарит что есть сил, нагнув голову, – как ракета, нацеленная прямо в Кёртиса. Он падает на колено, упираясь рукой в газон. Слышен глухой треск, и это правильный, почти идеальный звук. Он по-своему прекрасен. Напоминает удар молотком по коробке с мелками. Боль скрючивает его, жжет изнутри. Но, даже не глядя на поле, он знает, что пас был отдан и удачно принят кем-то из своих. Рука оставалась в гипсе до февраля.

А через месяц после снятия гипса Рейгана подстрелили на выходе из вашингтонского «Хилтона», и Кёртис тогда же определился с тем, какой он хотел бы видеть свою будущую жизнь.

Ему кажется, что этот лифт никогда не остановится, с неторопливостью монгольфьера всплывая на высоту двадцати восьми этажей. Наконец лифт выпускает из своих недр Кёртиса, который уже на ходу расстегивает ремень, отпирает карточкой дверь номера, спускает штаны и срывает бумагу с рулона в хорошо продезинфицированном туалете – и все это как бы единым движением. Он еще долго сидит в ароматной темноте (мурашки по коже, едкий привкус во рту, холодный пот на затылке), прежде чем снять куртку и переложить кобур с револьвером на мраморную раковину. Шторы на окнах в другом конце номера раздвинуты, и уличный свет, пульсирующий разными оттенками, просачивается в туалет через щель под дверью. Это напоминает Кёртису рождественские огни на елке, и он уже в который раз за день собирается позвонить жене. Пытается придумать, что ей скажет, потом воображает ее ответы и свои объяснения. Она видится ему на кухне с телефоном в руке. Возможно, греет молоко для горячего шоколада. Короткий белый халатик распахнут, на ногах

пушистые красные тапочки. Форменная одежда для завтрашнего рабочего дня выглажена и теперь лежит на столике. Свободной рукой она упирается в дверцу холодильника, как будто из опасения, что та сама собой распахнется. Браслет из ракушек каури побрякивает о телефонную трубку. Брови нахмурены. Озабоченная морщинка на лбу. Эта морщинка, да еще пара колечек – вот и все, что она получила от Кёртиса за все время их брака.

«Мне очень жаль, Дани. Черт, я ужасно по тебе соскучился. Извини, сейчас не могу говорить». Ничего больше он придумать не может. Не может сообщить о своих планах, поскольку планов у него нет. Их, собственно, нет уже давно – с тех самых пор, как он после ранения вернулся из Косово, еще до их с Даниэллой знакомства. Последние пару лет он просто плывет по течению, лишь реагируя на внешние раздражители. Так что для начала надо бы разобраться с самим собой. Он спускает воду, раздевается, принимает душ, а потом ложится на кровать и начинает размышлять об этом.

Он по-прежнему думает об этом, когда оживает мобильник и на дисплее высвечивается его домашний номер в Филли. Он продолжает думать, пока телефон звонит, и после того, как он умолкает; а когда спустя минуту брякает сигнал о полученном сообщении, он все еще думает об этом.

Он включает телевизор, глушит звук и, пытаясь уследить за бегущей строкой внизу экрана, прыгает туда-сюда между Си-эн-эн, Си-эн-би-си и «Фокс-ньюс». Время от времени он погружается в дремоту. Так проходит несколько часов, и Кёртис вновь начинает испытывать голод. Он встает, одевается, запирает револьвер в сейфе и отправляется вниз, чтобы перехватить где-нибудь сэндвич.

Лифт доставляет его на второй этаж, в зону шопинга, и он шагает по темной брусчатке в ту сторону, где маячит холодный свет нарисованного неба. В пруду, завершающем крытый канал, гондольер подгоняет лодку к причалу, распевая свои песни над головами пассажиров, которые снимают его вихляющими цифровыми камерами. Голубизна воды бескомпромиссна и бесстрашна, как пустой киноэкран.

Справа по ходу возникает сводчатая галерея, ведущая к закусочным и ресторанам. Он направляется туда, но потом делает неверный поворот, вскоре осознает свою ошибку и тем не менее позволяет толпе делегатов какого-то съезда вынести его под высокую крышу площади Сан-Марко. Туристы мусолят безделушки в сувенирных ларьках под зонтиками; струнный квартет состязается с невидимым оперным певцом на балконе; за столиками на тротуаре гурманы вкушают ньокки и нисуаз с тунцом. А впереди, в самом центре площади, зеваки столпились вокруг живой статуи.

Кёртис подходит ближе. Статуя одета во все белое – белая хламида, белый шарф, круглая белая шапочка. Лицо и руки покрыты белилами. Кёртис затрудняется определить пол позирующего человека. Несколько минут он разглядывает статую в просвете между головами стоящих впереди и за это время не замечает ни единого моргания. Ничего не выражающий взгляд направлен в пустоту. Внезапно Кёртис осознает, что многие из созерцателей, включая его самого, почти так же неподвижны, как статуя. Эпидемия паралича. Встряхнувшись, он отделяется от этой группы.

Надо бы купить что-нибудь для Даниэллы – подарок в качестве извинения, – но все изделия здесь ручной работы, привезены из-за границы и слишком дорого стоят, да и Дани вряд ли понравятся вещицы такого рода. Маски со стразами, фолианты в кожаных переплетах, стеклянные пеликаны. Серебристое зеркало в хрустальной оправе. Деревянная марионетка с длиннющим носом-клювом.

Просматривая меню в «Таурс деликатессен», он начинает нервничать – ему кажется, что он находится не там, где следует. Стэнли сейчас может быть где-то неподалеку, но в это место

он не забредет уж точно. Еще одна ресторанный зона расположена этажом ниже, по соседству с игорным залом. И Кёртис идет назад тем же маршрутом.

В процессе спуска лифта классическая музыка из динамиков сменяется балладой Фила Коллинза, а при открытии дверей белый шум казино обволакивает его, как пар в турецкой бане. Все предметы кажутся расплывчатыми и равноудаленными. Поскольку все военные сейчас находятся либо в Кувейте, либо на своих базах в состоянии готовности, Кёртис имеет основания полагать, что эта ночь в казино будет относительно спокойной; однако она таковой не кажется. Хоть в толпе и не мелькают армейские стрижки, но очереди у банкоматов не стали короче, шум и суета в зале на прежнем уровне, как и встречные потоки прибывающих и убывающих клиентов. Впрочем, это заведение никогда не было особо популярным среди служивых, так что они здесь погоды не делают. Перед дверьми туалетов группа мужчин в ожидании жен и подруг лениво бренчит монетами или штудировать пособия по базовой стратегии блэкджека. Большинство из них в возрасте Кёртиса или моложе.

Практически на автопилоте он совершает уже традиционный обход зала по часовой стрелке, подмечая отдельные, ранее упущенные детали: массивные канделябры, цветные узоры ковра, расположение видеокамер под потолком. Осматривает столы блэкджека, игровые автоматы, видеопокер, букмекерскую контору и отдельную зону для слот-машин с повышенным процентом выплат. Стэнли нигде нет, как и Вероники, – по крайней мере, в настоящий момент.

Он покупает филадельфийский сырный стейк в гриль-баре «Сан-Дженнаро» и усаживается за столик поближе к выходу. Только прикончив половину стейка и запив ее ледяным чаем, он наконец-то решает прослушать голосовое сообщение в своем мобильнике.

– Сэмми Ди, – говорит Даниэлла, меж тем как он, слегка клацая зубами, приступает к оставшейся части стейка, – это снова звонит твоя жена. Ты ведь помнишь, что у тебя есть жена? Помнишь, мы были в церкви с музыкой и цветами? Тебе тогда пришлось надеть смокинг – ты это помнишь? Не получая никаких известий, я начинаю подозревать, что тебе крепко досталось по башке или еще что похуже. Сегодня суббота, девять вечера по филадельфийскому времени, и мне жуть как хочется услышать от тебя хотя бы слово. Я знаю, у нас война на носу, и понимаю твое нежелание разговаривать прямо сейчас. Надеюсь, что понимаю. Но хотя бы позвони и скажи, что ты в порядке. А если не можешь...

Фраза прерывается, слышен вздох или всхлип, затем она продолжает:

– Послушай, Кёртис, я в последний раз наговорила тебе лишнего. Но я надеюсь, ты поймешь, почему я это сказала. Мне кажется, ты себя недо...

Кёртис удаляет сообщение, не дослушав. Часы на дисплее показывают 10:42. Почти два часа ночи в Филли. И все же ему кажется, что еще слишком рано. Он смотрит на телефон, пока часы не показывают 10:43, затем 10:44. И тогда он набирает текст: «Все нормально». Разглядывает буквы, мигающий курсор. Пожалуй, маловато. «Скоро позвоню, – приписывает он. – Люблю».

Он доедает последний кусочек, допивает чай и возвращается в казино. Снова обходит столы блэкджека, на сей раз медленнее, присматриваясь к лицам. Порядка полусотни партий с раздачей из восьми колод, несколько с шестью и парочка – с двумя колодами. Кёртис уделяет особое внимание последним – счетчики карт, скорее всего, будут за этими столами, – но ни одно лицо не кажется ему знакомым. Нынешняя смена в казино проработала уже три часа. Интересно, где сейчас Вероника?

Переместившись поближе к бару в центре зала, он выбирает покерный автомат в удобном для обзора месте, останавливает проходящую официантку и заказывает стакан клюквенного сока. Кажется, эта же самая девица обслуживала его прошлой ночью, хотя он в этом не

уверен. Все они здесь как под копирку: высокие, миловидные, остроглазые. В нелепых бордово-золотых корсетах с оборочками на бедрах – типа воздушных гимнасток в цирке. Эта, небось, зашибает штук восемьдесят в год на одних только чаевых. Широкая улыбка застыла на ее лице, как скрывающий сцену занавес.

На протяжении следующих двадцати минут Кёртис периодически оглядывает зал. Думает о Даниэлле. О ее особом природном запахе, сдобренном запахами пота, больничных антисептиков и изопропилового спирта. Вспоминает свою руку, крепко обнимающую ее ниже талии. Тугую тяжесть ее бедер. Издаваемые ею звуки.

Звонит телефон, Кёртис вздрагивает и смотрит на дисплей. Незнакомый номер, код зоны 609. Может быть, это Деймон? Он перекладывает телефон в правую руку и затыкает пальцем левое ухо.

– Алло?

На другом конце молчание. Фоном идет множество голосов, музыка, какие-то электронные звуки. Там тоже казино. В Атлантик-Сити? Он задерживает дыхание, прислушивается.

Наконец раздается голос.

– Вряд ли она сегодня появится, – говорит этот голос. – Думаю, в прошлый раз ты ее напугал.

В первый момент Кёртис принимает говорящего за Альбедро. Однако это не Альбедро. Тембр ниже, и акцент не тот: Огайо или Западная Пенсильвания, никак не Аппалачи.

– Кто это? – спрашивает он.

– Человек, который тебе нужен. Как по-твоему, кто я?

– Стэнли?

Вопрос вырывается у Кёртиса непроизвольно, хотя он уже понял, что это не Стэнли. Судя по голосу, тот значительно моложе, белый и, возможно, невелик ростом. Присвистывает на звуке «с». Кёртис пытается разобрать другие шумы в трубке, которые могут подсказать его местонахождение.

– Только избавь меня от этой хрени со Стэнли, о'кей? – говорит голос. – Я тот человек, который тебе нужен

по-настоящему .

– Откуда ты знаешь мой номер?

– Ты что, придуриваешься, Кёртис? Сам же раздал свой номер всем барменам и дилерам на Стрипе.

Стало быть, этот субъект находится в Вегасе. Кёртис начинает прокручивать в голове все казино, в которых был вчера, пытаюсь найти сходство с посторонними шумами в трубке. С ходу не получается. Ему нужно выгадать больше времени.

– Чего ты хочешь? – спрашивает Кёртис.

Голос на том конце напряжен, как сжатая пружина или готовая к броску змея; чувствуется, что ему непросто выдерживать спокойный тон.

– Чего я действительно хочу, так это встретиться с Вероникой, – говорит он. – Но похоже,

сегодня не получится. И все из-за тебя.

В нескольких футах от Кёртиса худая латиноамериканка средних лет срывает джекпот в автомате и, выпучив глаза, начинает скакать с воплями: «Есть! Есть! Ура!» Кёртис морщится и плотнее вгоняет палец в левое ухо, но тут вдруг осознает, что слышит ее крик также и в трубке. Он резко поворачивается на стуле и обводит взглядом огромный зал.

На том конце раздается легкий, едва слышный вздох.

– Что ж, хоть

кому-то этой ночью свезло, – говорит субъект ровным голосом.

Канареечный присвист на слове «свезло» звучит очень отчетливо. Кёртис поднимается со стула, стараясь двигаться спокойно и осторожно. Оставляет в автомате пять так и не разыгранных долларов. Вроде бы никто не смотрит в его сторону. Надо подтолкнуть оппонента к продолжению разговора.

– Кончай дурью маяться, – говорит Кёртис. – Где ты сейчас находишься?

Сухой смешок в трубке.

– А где твоя куртка, Кёртис? – спрашивает он. – Что, решил выйти на прогулку без ствола? Возможно, это неплохая идея. Веронике не очень-то глянулся твой прикид прошлой ночью, так ведь?

В начале разговора Кёртис сидел спиной к «зоне высоких процентов». Сейчас на входе туда никто не стоит, но этот тип может прятаться в глубине. Кёртис направляется туда, попутно вглядываясь во все лица и забирая правее круглого бара.

– Все верно, приятель, – говорит он. – Я оставил куртку в номере. Так что выходи без опаски. Давай спокойно потолкуем.

Кёртис достигает зоны, пару секунд ее осматривает – людей там немного – и возвращается в главный зал, пытаясь поймать встречный взгляд или заметить какое-то необычное движение. Слой за слоем проверяет и отсеивает детали происходящего на все большем удалении от него.

– Такие вот дела, Кёртис, – говорит голос в трубке. – Ты никак не можешь меня вычислить. Пока что не можешь. Но ведь мы сейчас общаемся, разве тебе этого недостаточно?

Сквозь присвист в слове «сейчас» слышится запись вопящей в унисон толпы: «КОЛЕСО! ФОРТУНЫ!» При этом звук слабеет ближе к концу. Субъект где-то рядом с игровыми автоматами, и он находится в движении.

Кёртис резко сворачивает влево и оказывается на пути официантки с коктейлями, как раз попавшей в его слепую зону. Она тормозит, а его выставленный локоть пролетает лишь в паре дюймов от ее лица и сбивает с подноса три бокала: два клубничных «дайкири» и одну «отвертку». Все это падает ему на ботинки. Официантка проглатывает ругательство, вновь рисует на лице улыбку и цедит извинения сквозь стиснутые зубы. Еще одна официантка и два уборщика уже спешат к ней на помощь.

– Моя вина, моя вина, – бормочет Кёртис и делает шаг в сторону.

Телефон над ним издевается:

– Ты там полегче на поворотах!

Кёртис надеялся, что его неожиданный маневр спугнет оппонента, заставит его сменить позицию, но никакого движения возле автоматов не заметно. К ним приближается сотрудник казино в строгом костюме, озабоченный и рассерженный, но, прежде чем он успевает открыть рот, Кёртис поспешно говорит:

– Все в порядке, это моя вина. Извините, но сейчас я должен ответить на звонок.

– Послушай, – говорит голос в трубке, – я вижу, что застал тебя в неудачное время. Сейчас я отключусь, но перед тем хочу попросить тебя об услуге. Ты не передашь от меня весточку Деймону? Эй, Кёртис? Алло?

Кёртис извиняющимся жестом поднимает ладонь перед лицом сотрудника и поворачивается к автоматам.

– Да, я слушаю, – говорит он.

– Будь добр, передай Деймону – ты внимательно слушаешь? – передай ему, что я знаю о случившемся в Атлантик-Сити. Я знаю, что случилось и почему это случилось, и я до сих пор держал рот на замке. Скажи своему боссу, что я профессионал, что я готов заключить сделку, но только на моих условиях и только с надежными гарантиями моей безопасности. Ты сможешь все это запомнить?

– Из какого боевика ты поднабрался этой фигни? – спрашивает Кёртис. – Сдается мне, я тоже его смотрел.

Теперь он продвигается между рядами слот-машин. Троица японок играет в «Беве́рли хиллбиллиз». Толстяк орет на свою жену – непонятно что, поскольку его рот набит буррито. Беременная молодая женщина в майке с эмблемой «Эйзенхауэр лайонз» в одиночестве терзает «24 карата». Ни у кого из присутствующих движения губ не синхронизируются с голосом в телефоне.

Между тем в этом голосе все явственнее слышится раздражение.

– Я скоро с тобой свяжусь, – говорит он, – и сообщу мои условия. А до того времени завянь и не рыпайся. Держись от меня подальше. Ты можешь втирать очки Стэнли, Веронике и Уолтеру Кагами, но я-то знаю твою игру, и со мной это не пройдет. Передай Деймону...

В самом конце ряда автоматов, шагах в тридцати, спиной к Кёртису стоит низенький пухлый блондин в бейсболке и майке «Миража». Он вроде как читает путеводитель, но короткий отблеск от люстры выдает наличие вложенного в брошюру зеркальца размером примерно четыре на шесть дюймов. Кёртис на мгновение замирает, а потом опускает руку с телефоном и делает пару быстрых шагов в том направлении – но парень уже исчез.

В зале полно народу, а Кёртис не в лучшей физической форме. Продвижение через толпу кажется бесконечным. Он успевает на миг заметить парня уже в самом углу, но из того угла есть несколько выходов. Кёртис не видел его входящим в лифт или в китайский ресторан; так что, скорее всего, он заскочил в букмекерскую контору. Быстро взглянув налево и направо, Кёртис направляется туда же.

Здесь гораздо темнее, чем в главном зале: основными источниками света являются десятки мерцающих мониторов, и Кёртису требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к полумраку. Группа австралийцев смотрит футбольный матч, а большинство остальных экранов занято студенческим баскетболом. В самом дальнем углу Кёртис замечает на одном экране карту Ирака.

Он озирается в поисках бейсболки, а затем, не увидев ее, начинает высматривать светлые

волосы и майку «Миража». Замечает козырек, торчащий из мусорной корзины. Он достает его и обнаруживает искомое кепи с прищипленным к нему блондинистым париком. В следующий миг происходит движение слева от него: кто-то направляется к выходу.

Парень оказывается шустрым. Кёртис успевает лишь мельком его увидеть до поворота – теперь он уже темноволос, а майка скрыта под толстовкой с капюшоном. Когда Кёртису кажется, что он его вот-вот настигнет, тот вновь куда-то исчезает. Запыхавшийся Кёртис огибает следующий угол почти сразу за ним и ныряет в первую же дверь слева.

Это небольшое кафе, но людей в нем полно. Оркестр играет сальсу, мигают и кружатся разноцветные огни, белая по преимуществу публика пританцовывает с бездумными ухмылками на лицах. И Кёртис понимает, что проиграл. Неизвестно, сколько еще запасной одежды есть у этого парня. Надо было хотя бы присмотреться к его обуви. Какое-то время Кёртис стоит у дверей, переводя дыхание и ощущая холодную липкую сырость в левом ботинке, на который вылились напитки из бокалов. Затем возвращается в зал казино и набирает номер, с которого ему звонил парень.

Никакого ответа, и голосовая почта не срабатывает. После пяти безуспешных попыток Кёртис сдается, но все же сохраняет номер в памяти телефона, на всякий случай. Кончик пальца давит маленькие кнопки, набирая имя контакта, и на дисплее появляется слово «Свистун».

На обратном пути к лифтам он звонит Деймону. Как и прежде, тот не отвечает, и Кёртис начинает говорить после сигнала.

– Деймон, это я. Ты должен мне кое-что объяснить. Только что у меня вышел гнилой треп по телефону с каким-то мелким паразитом, который здесь, в Vegas, набрал меня с кода шестьсот девять. Он просил передать тебе, что он знает правду о случившемся в Атлантик-Сити и хочет от тебя гарантии безопасности при встрече. А лично меня это все уже достало, потому что я ни хера не врубаюсь, кто такой этот паразит и что вообще творится с этим заданием. Ты понял, о чем я? Хватит уже пудрить мне мозги, мудила чертов! Ты должен со мной связаться – по телефону, а не через этот сраный факс! – и выложить все как есть. До той поры я и пальцем не шевельну по твоим делам начиная с этой самой минуты. Буду валяться в шезлонге у бассейна и транжирить твои дурные баксы. Ты меня слышишь? Ты должен быть со мной откровенным, старик. Потому что я сыт по горло. Пока.

Отперев дверь, Кёртис входит в свой номер. Под ногой бумажный шорох – что-то прилипло к влажной подошве его ботинка. Он поднимает с пола сложенный бланк отеля, попутно уловив запахи рома и апельсинового сока, и разворачивает его.

Нужно поговорить

Я наверху в номере 3113

приходи сегодня после 11:30

ВЕРОНИКА

Сейчас уже почти двенадцать. Кёртис делает шаг обратно к двери, но затем останавливается. И неожиданно чувствует себя почти счастливым. Чувствует себя в норме. Дело начало сдвигаться с мертвой точки.

Не включая свет в номере, он идет к сейфу, достает револьвер, проверяет барабан – пять латунных шляпок гильз аккуратно расположились по кругу – и закрепляет кобуру на поясе. Его кожаная куртка висит на стуле у окна. Надев ее, Кёртис оправляет нижний край и полы, чтобы надежнее скрыть оружие, и для проверки осматривает себя в настенном зеркале.

А из зеркала на него смотрит вторая пара глаз. Черных глаз на восково-бледном лице.

Рефлекторным движением он выхватывает револьвер, но в силу того же рефлекса целится в зеркальное отражение. Затем, чертыхнувшись, разворачивается. Одновременно фантом в зеркале искажается, перекашивается – как изображение на телеэкране, когда к нему подносят магнит, – и исчезает из виду. Кёртису становится нехорошо, возникает уже знакомое ощущение потери контроля над собственным телом: он стоит в полуприседе с дико выпученными глазами, попеременно направляя ствол в темные углы комнаты, хотя ясно понимает, что там никого нет. Просто его глаза – или его мозги – сыграли с ним дурную шутку.

Он распрямляется и прячет оружие в кобуру. Руки и нижняя челюсть чуть подрагивают из-за выброса адреналина; он прочищает горло и встряхивает головой, хмуро глядя на свое одинокое отражение в зеркале. Подобное случалось с ним и раньше, хотя эти приступы не были затяжными. Когда Кёртис в первый раз вернулся с Аравийского полуострова, призраки виделись ему часто: мертвые лица, мертвые тела или части тел – то, что оставалось от вражеских солдат после обработки их позиций «косилками маргариток» и бомбами объемного взрыва. В Кувейте мертвецы были просто раздражающим фактором – смотри внимательно под ноги, чтобы на них не наступить! – но по приезде домой они начали его прямо-таки преследовать: обугленные черепа, торчащие из окон машин, неестественно изогнутые руки и тому подобные видения терзали его на протяжении многих ночей, пока однажды это не прекратилось. А теперь, похоже, видения возвращаются, и по большому счету это его не удивляет. В последние дни многое стало возвращаться из прошлого.

Однако вот что странно: увиденное им в зеркале лицо не походило на воспоминание из пустыни. Да, это было несомненно мертвое лицо, и оно тоже показалось ему знакомым, но это лицо не ассоциировалось ни с одним из полей сражений, на которых ему довелось побывать. Более всего оно напоминало лицо Стэнли.

Кёртис не знает, что с этим делать; он даже думать об этом не хочет. Он снова прочищает горло, трет ладонями лицо. Он сам себе противен. А наверху его ждет Вероника.

Перед выходом он задерживается, чтобы включить свет и убедиться, что комната действительно пуста. Так оно и есть, разумеется. Бессмысленная попытка. Взгляд Кёртиса скользит по мозаичному полу, гардеробу из красного дерева, ажурной перегородке, столам и диванам, затем добирается до окон, отражение в которых позволяет ему разглядеть те части комнаты, которые не видны с его нынешней позиции: кровать, дверь в туалет, его собственную короткую тень в прихожей. Все в лучшем виде. Этот показной лоск напоминает ему об официантке, принимавшей его заказ в казино, а также о некоторых медсестрах в госпитале, которые настолько поднаторели в своем деле, что их обходительность становится ширмой, успешно скрывающей безразличие. Комната прекрасно обставлена, но не уютна. Она не может быть чьим-то домом.

На мгновение – только на одно мгновение – Кёртис со страхом представляет свою смерть в таком месте.

Комната как будто ждет, чтобы он поскорее ушел, что он и делает. Напоследок щелкает выключателем, и тьма смыкается за его спиной.

По расположению номеров на своем этаже Кёртис прикидывает, как будет удобнее добраться

до Вероники, и сразу направляется к лестничной клетке в противоположном конце здания.

Четыре пролета. Он преодолевает их без спешки. Дверь открывается в коридор, идентичный только что им покинутому. Он медленно проходит мимо лифтов, ведя обратный отсчет номерам и внимательно прислушиваясь. Никаких звуков, кроме слабого гудения вентиляции. Не успевает он подумать, что все обитатели этажа сейчас проводят время в казино внизу, как впереди распахивается дверь, и в коридор выходят две женщины в меховых шубах до пят. Они прощаются с кем-то в комнате, им отвечает мужской голос, и дверь закрывается. На руках женщин ярко-красные перчатки из латекса; одна из них несет черный портфель-дипломат. Они лучезарно улыбаются Кёртису и, поздоровавшись, проходят мимо.

Добравшись до номера 3113, Кёртис задерживается перед дверью. За изгибом коридора негромко звякает лифт, прибывший по вызову тех самых женщин. Кёртис отходит от двери и старается расслышать какие-нибудь звуки в номерах слева, справа и напротив через коридор. В потолке над его головой стихает шум вентиляции. Чуть погодя она включается снова.

Кёртис стучит в дверь. Крошечная точка света в выпуклом дверном глазке гаснет. Потом дверь со щелчком открывается.

Лицо Вероники скрыто разукрашенной золотистой маской в виде кошачьей морды. Кёртис вздрагивает от неожиданности. Она смеется над ним – короткий нервный смешок – и отступает вглубь комнаты. Вычурная маска плохо гармонирует с ее босыми ногами, потертыми джинсами и мешковатым свитером.

– Привет, Кёртис, – говорит она. – Что-то ты нынче задерганный, а?

– Не ожидал увидеть маску.

– Извини, что напугала. Входи. И дверь запереть не забудь, о'кей?

Кёртис поворачивается и нажимает на дверную ручку, начиная предчувствовать подвох, но уже поздно: сзади слышится шорох, затем быстрый лязг передергиваемого затвора, и ему в шею чуть ниже уха упирается ствол пистолета. Надо признать, сработано быстро и четко.

– Подними руки, – говорит она. – Ноги шире плеч. Носки в стороны. Ну же! Теперь наклонись вперед и упрись руками в дверь. Выше руки! И не вздумай рыпаться.

Чувствуя, как сжимается мочевого пузыря и несколько горячих капель уже скользят по бедру, Кёртис всеми силами старается удержать внутри остальное. Такое случалось всякий раз, когда в него стреляли или готовились выстрелить; потом его мучил стыд при воспоминании о своих мокрых ляжках и темном пятне на штанах. Но сейчас, как ни странно, этот казус его почти успокаивает, напоминая, что он уже не раз через такое проходил.

– Кёртис, ты еще здесь? – спрашивает Вероника. – Или уходишь в аут?

Кёртис делает глубокий вдох.

– Мне уже лучше, – говорит он.

– Я не хочу тебя убивать. Сейчас я тебя обыщу. Замри и не двигайся.

Он опасается, что Вероника начнет обыск, не убирая взведенного оружия от его шеи, но она действует грамотно: ствол исчезает и, судя по звуку, перемещается за пояс ее джинсов. Потом она проводит руками вниз от его подмышек, достает револьвер из кобуры, кладет его на пол и толчком ноги отправляет куда-то к центру комнаты. Далее следует проверка всех карманов, каждый из которых она теребит и мнет снаружи, прежде чем засунуть в него руку.

Вытащив снаряженный спидлоадер из куртки и бумажник из кармана джинсов, отправляет эти находки вслед за револьвером. Потом ощупывает паховую область, бедра и лодыжки. Все эти манипуляции она проделывает, не снимая золотой кошачьей маски.

Потом она отходит от Кёртиса и собирает с пола его вещи, а он остается стоять у двери в прежней позе. Больше всего ему сейчас хочется распахнуть эту дверь и умчаться по коридору прочь отсюда.

– Эй, там! – зовет он. – Закончила с обыском?

– Да. – Ее голос звучит приглушеннее из глубины комнаты. – Извини за меры предосторожности. Заходи и чувствуй себя как дома.

Оттолкнувшись от двери, он принимает вертикальное положение, оправляет одежду и поворачивается. Прямо над его головой горит лампочка; настольная лампа также направлена в его сторону, а часть комнаты позади нее теряется в тени.

Кёртис осторожно шагает вперед. Номер Вероники во многом похож на его собственный – может, чуть попросторнее, с двумя кроватями вместо одной двуспальной. Зато вид из окон Кёртиса лучше. Дверца платяного шкафа распахнута, внутри пусто. И чемоданов нигде не видно.

Вероника сидит на диване в полутьме; на столике перед ней лежат его разряженный револьвер, спидлоадер и пять запасных патронов россыпью. Ее пистолет – компактный «SIG», который можно спрятать в дамской сумочке, – пристроен на подушке у нее под рукой.

Кёртис останавливается. Ее маска поблескивает в слабом свете: золотая краска, стразы, кисточки из павлиньих перьев на кончиках ушей. Она роется в его бумажнике, поочередно рассматривая ветеранское удостоверение, медицинскую карточку военнослужащего, пенсильванские водительские права и разрешение на скрытное ношение оружия.

– Я полагала, ты женат, – говорит она.

– Так и есть. Я женат.

Она закрывает бумажник и протягивает его Кёртису. Ее глаза, едва различимые в прорезях маски, смотрят ему в лицо, а затем на его левую руку.

– А кольца-то нет, – говорит она. – Что происходит в Вегасе, то здесь и остается, верно, ковбой?

Кёртис не отвечает и не двигается.

– Да ладно тебе, Кёртис, – говорит Вероника. – Не корчи из себя обиженного. Как, по-твоему, я должна была поступить?

Кёртис делает пару шагов и забирает свой бумажник.

– В другой раз, прежде чем лапать снаружи карманы, спроси у задержанных, нет ли там иголок или других острых предметов, – говорит он.

– Это очень полезный совет. Благодарю. Знаешь, я, вообще-то, собиралась потолковать о Стэнли и Деймоне, но, если вместо этого ты хочешь поделиться опытом арестов и обысков, я только за. Готова конспектировать.

Кёртис опускается в кресло и, взглянув на нее, покачивает перед глазами пальцем на манер стеклоочистителя.

– Ты не могла бы это снять? – спрашивает он.

Она тянется через голову и распускает черную ленточку у себя на затылке. Маска падает к ней на колени. Выглядит она как выжатый лимон. Кёртис вспоминает, как однажды близ сербской границы остановил грузовик с беженцами-цыганами, которые перед тем много недель не высыпались, то и дело попадали под обстрелы с разных сторон, прятались в заброшенных амбарах, при возможности воровали бензин и передвигались ночами, сами не зная, куда направляются. Вероника пока еще не в столь плохой кондиции, но все идет к тому.

– Стэнли купил это для меня в Новом Орлеане на прошлой неделе, – говорит она. – Это gatto [12], карнавальная маска. Мы были там на Марди-Гра.

– А я слышал, что вы провели Марди-Гра в Атлантик-Сити.

Она смотрит на него невозмутимо.

– Там мы были накануне, в пятницу и субботу, – говорит она, – а Лунди-Гра и Марди-Гра провели в Новом Орлеане. Стэнли очень расстроился из-за того, что мы пропустили «парад Тота». Но что поделаешь, надо ведь когда-то и на жизнь зарабатывать, ты согласен?

Вероника обматывает ленту вокруг маски, закрывая глазные отверстия, и потом левой рукой кладет ее на столик (при этом правая рука находится рядом с пистолетом). К тому времени глаза Кёртиса уже привыкли к полумраку, и он различает здесь еще два предмета: полупустой бокал и тонкую коричневую книжку. Эта книжка кажется ему знакомой, и он пытается вспомнить, где ее раньше видел.

– У меня предложение, – говорит Вероника. – Может, прекратим страдать фигней и ты просто скажешь мне, чего хочет Деймон?

Кёртис поднимает взгляд от стола.

– Насколько знаю, – говорит он, – все обстоит так, как я сказал тебе в прошлый раз. Деймон просто хочет связаться со Стэнли...

– Нет-нет. Только не начинай сначала эту убогую песню про долг и расписку. Это, в конце концов, оскорбительно. Давай ближе к делу. Что предлагает Деймон?

Кёртис качает головой:

– Я и не думал тебя оскорблять. Но я не могу решать дела за Деймона. Он прислал меня сюда не для переговоров. Я всего лишь передал его просьбу.

– Я этому не верю, – говорит она, наклоняется над столиком и, морща лоб, всматривается в его лицо так внимательно, словно собирается снять с его щеки выпавшую ресничку.

– Черт, да ты и впрямь на полном серьезе, – говорит она. – Ты находишься здесь потому, что Стэнли не заплатил по расписке. Это все, что тебе сказал Деймон.

– Не совсем. Он еще рассказал мне о счетчиках карт, которые грабанили «Точку».

– И еще он сказал тебе, что команду счетчиков собрал Стэнли, да?

– Нет, этого он мне не говорил. А их в самом деле собрал Стэнли?

Вероника игнорирует этот вопрос и откидывается на спинку дивана.

– Как по-твоему, ты единственный, кого Деймон отправил в Вегас?

– В этом я не уверен. Но о других посланцах ничего не знаю.

Кёртис рассматривает тусклый прямоугольник книги на полированном дереве столешницы.

– Тебя ищет кое-кто еще, – говорит он. – Только Деймон его сюда не посылал.

Вероника застывает в напряженной позе:

– Вот как? Расскажи подробнее.

– Я говорил с ним около часа назад. Небольшого роста. Щель между передними зубами.

– Белый?

– Не могу сказать наверняка. Не успел как следует разглядеть.

– Ты заметил щель между зубами, но не заметил цвет его кожи?

– Мы общались по телефону. Он присвистывает при разговоре.

– Недурно! – говорит она, поднимая бровь. – А ты сообразителен. Я впечатлена.

– Я был в казино, когда он позвонил. И он был там же. Он меня видел, а я его нет. То есть сначала. А когда я его засек, он дал деру.

– Охренительная история. Просто прелесть, прямо в духе Фуко.

– А это еще кто?

– Фуко? Он был французским философом. С виду вылитый Телли Савалас.

Она берет со столика бокал и допивает остатки. На сей раз правой рукой. Кёртис переводит дух. Видя, что Вероника впала в глубокую задумчивость, он ее не отвлекает. Взгляд его снова задерживается на книге. Эта книга не дает ему покоя, как знакомая песня, слова которой никак не удастся вспомнить.

– Это какая-то шантрапа, – наконец подает голос Вероника. – У меня нет повода для беспокойства.

– Ты в этом уверена? Он ведь не случайно появился в этом казино. Он знал, где тебя искать.

– Но ведь не нашел, верно? Кстати, как и ты.

Она улыбается своим мыслям, глядя в пространство. Начинает покачиваться вперед-назад – должно быть, чтобы не задремать.

– Согласен, – говорит Кёртис. – Но тут вот такая штука. Большинство знакомых мне людей почему-то не имеют привычки открывать свою дверь с пушкой на изготовку, если только у них нет серьезных причин для тревоги.

– Очередной образчик народной мудрости из твоих уст, Кёртис. Тебе стоит вышить это крестиком на своей подушке.

– Такое чувство, будто мне не сочли нужным сообщить истинную суть дела. Это должно быть нечто посущественнее счета карт и долговых расписок. Если ты понимаешь, о чем я.

– О, я-то отлично понимаю, – говорит она. – А вот ты, со своей стороны, явно без понятия, во что вляпался. Я бы скорее купилась на твой мисс-марпловский треп, если бы не обнаружила

короткоствол у тебя под курткой. А за ответами обращайся к своему другу Деймону. У меня нет желания раскладывать перед тобой по полочкам все это дерьмо.

Теперь взгляд Вероники блуждает по комнате, при этом не задерживаясь на Кёртисе, и он понимает, что настал удобный момент, чтобы вызвать ее на откровенность. Уже довольно долго она остается одна, и ее это тяготит. Похоже, она созрела для беседы по душам хоть с кем-нибудь.

– Стало быть, – говорит он, – как я понял из твоих слов, Стэнли не занимал никаких денег в «Точке»?

– Ничего такого я не говорила. Но ты сам пораскинь мозгами, Кёртис. С чего бы это Стэнли обращаться за поручительством к Деймону?

Кёртис пожимает плечами:

– А с чего люди вообще берут деньги в долг? Сегодня я обедал с Уолтером Кагами, и он сказал, что в последнее время у Стэнли шла черная полоса. Он много просадил за игорными столами.

Вероника смеется.

– Ох уж этот Уолтер! – фыркает она. – Вот что я скажу тебе, Кёртис. Уолтер Кагами – очень милый человек, но он частенько несет дикий вздор.

– То есть Стэнли не нуждался в деньгах?

Она смотрит на него так, словно не может решить, кто перед ней: редкостный хитрец или редкостный болван.

– Скажи мне, Кёртис, насколько хорошо ты знаешь Стэнли Гласса?

Вопрос ставит его в тупик. Сформулировать четкий ответ не получается.

– Стэнли мне как родной, – говорит он. – Он старейший друг моего отца. Моя мама умерла, когда я был еще маленьким. А отец увяз в своих проблемах. И тогда мне помог Стэнли. Он разыскал родственников мамы, и они приняли меня в свою семью. А он помогал деньгами, да и не только деньгами. Я ему многим обязан.

– Значит, он для тебя скорее член семьи, чем друг.

– Я считаю его своим другом.

– Но ты не знаешь его как профессионала.

– Нет, – говорит Кёртис. – В этом качестве не знаю.

С минуту она сидит молча, что-то обдумывая.

– Это ведь ты познакомил его с Деймоном Блэкберном? – спрашивает она.

Кёртис кивает. Вероника смотрит на него, и лицо ее каменеет, словно она надела еще одну маску. Затем она берет с подушки пистолет.

Кёртис переносит вес тела на носки, готовясь опрокинуть кресло и прыгнуть в сторону, однако ствол пистолета направляется в потолок. Вероника вынимает обойму и кладет ее на стол рядом с лампой, потом извлекает патрон из патронника и кладет его туда же.

– Ты, наверное, считаешь Стэнли профессиональным игроком, – говорит она. – Но это неверно. Азартные игры – это не профессия Стэнли. Это способ его существования в нашем мире. Ты меня понимаешь?

– Как-то не очень.

Она откидывается на диванную спинку и садится по-турецки. Ногти на ее ногах покрашены в розовый цвет – и, похоже, совсем недавно.

– Ты в курсе, что он не считает карты? – спрашивает она.

– Не понял, повтори.

– Стэнли

никогда не считает карты. Ты этого не знал? Ты вообще представляешь себе, что такое подсчет карт?

– В общих чертах – да.

– Не так давно мы со Стэнли работали в «Фоксвудзе», – продолжает она. – Я дала ему наводку на стол, который начал разогреваться. Когда я вернулась туда через двадцать минут, перед ним возвышалась целая гора фишек. Он полностью держал игру под контролем, не проиграв ни одной ставки. Менеджер уже собрался вмешаться, но Стэнли был начеку, быстро поменял мелкие фишки на крупные, и мы слиняли. Чуть погодя я спросила, какие карты оставались в колоде на момент его ухода, но он не смог мне ответить. Мое недоумение его развеселило. Представь себе, он вообще не напрягает мозги за игорным столом, он просто чувствует игру, и это для него естественно. Человек закончил всего пять классов средней школы и больше нигде не учился. Теория вероятностей для него темный лес. Он в нее даже и не верит.

– Не верит во что?

– В теорию вероятностей.

Она тянется к столику, берет бокал и замечает, что тот пуст. Смотрит на бокал озадаченно, как будто не понимая, как такое могло получиться.

– Выпьешь? – спрашивает она.

– Нет, спасибо.

– Тогда, может, плеснешь мне? Я бы сделала это сама, но все еще боюсь, что ты начнешь стрелять, стоит лишь отвернуться.

Взяв ее бокал, Кёртис направляется к мини-бару, на полке рядом с которым стоит початая бутылка бурбона, и наливает на два пальца. Потом снимает обертку с нового бокала и наливает себе.

– С точки зрения Стэнли, – говорит Вероника, – денежный выигрыш – это наименее интересное из того, что можно получить за карточным столом. Играть, не имея другой цели, кроме обогащения, – это все равно что...

Она принимает бокал от Кёртиса.

– ...все равно что использовать телефонный справочник только для сушки гербария. Или использовать англо-латинский словарь для перевода с латыни на английский.

– Секунду. Повтори-ка еще раз.

– Ладно, забудь. Неудачный пример. Здесь больше подходит сравнение с четырехкратным видением Уильяма Блейка. «Храни нас, Бог, от виденья единого и Ньютонова сна!» Улавливаешь?

– Я в этом ни черта не смыслю, – говорит Кёртис.

– О'кей. А ты что-нибудь смыслишь в таких вещах, как сфирот или гематрия?

Кёртис отвечает ей непонимающим взглядом.

– А как насчет каббалы?

– Только то, что слышал об этом от Мадонны. Меня мало трогают подобные вещи.

Вероника корчит гримасу и отхлебывает из бокала.

– Это какое-то еврейское учение, да? – спрашивает Кёртис. – Мистика всякая?

– Изначально еврейское. И главным образом еврейское. Хотя гои активно подключаются к этому делу по меньшей мере с пятнадцатого века. И прежде всего мистическое, верно, но в то же время это и система практической магии. Вот что особенно интересовало Стэнли.

– Говоря о практической магии, ты ведь не имеешь в виду Зигфрида и Роя?

– Нет, конечно же. Я говорю о практике использования талисманов, формул и заклинаний для вызова ангельских и демонических существ, чтобы они исполняли твои желания.

Кёртис растерянно моргает.

– Похоже, ты надо мной прикалываешься, – говорит он.

– И вовсе не прикалываюсь. По-твоему, Стэнли тоже приколист? Вопрос на хренову кучу баксов.

Кёртис не знает, что на это сказать. Он ставит на столик свой бокал. Потом берет в руки книгу – карманного формата, в мягкой обложке, с прошитым корешком. На ощупь сильно истертая обложка напоминает тонкую кожу или старую долларовую купюру. При первом же прикосновении к ней Кёртис каким-то образом понимает, что эта книга ранее принадлежала Стэнли. Она оказывается более плотной и увесистой, чем можно было ожидать по ее виду. Кёртис на секунду слегка ослабляет хватку и чувствует, как книга соскальзывает вниз между пальцами.

– Уолтер обеспокоен, – говорит Кёртис. – Он думает, что Стэнли тронулся умом. А ты утверждаешь, что он на старости лет ударился в религию?

– Многие люди в старости обращаются к религии и начинают посещать церковь, вместо того чтобы делать ставки в казино. Но со Стэнли все обстоит намного сложнее.

Вероника не отрывает взгляда от книги в руках Кёртиса. Возможно, ей это не нравится, но вместе с книгой он завладел и ее вниманием.

– Может быть, Уолтер и прав, – говорит она. – Может, Стэнли следует посадить под замок. Пусть себе играет в криббедж в каком-нибудь тихом уютном месте. Может, для него это будет самым лучшим исходом.

– И с каких пор он увлекся всем этим: магией, каббалистикой?

Вероника слабо улыбается:

– Вообще-то, слово «увлекся» применительно к Стэнли здесь не вполне уместно. Вот я этим действительно увлекаюсь. И я воспользовалась своими знаниями, чтобы лучше узнать Стэнли. Собственно, на этой почве мы с ним и сошлись. Он часто играл за моим столом, когда я работала крупье в «Рио». Однажды мы с ним разговорились. И тогда выяснилось, что его очень интересует развитие традиций герметической и каббалистической магии в философии Нового времени, уже после Пико. А я хотела знать, как с помощью игровой индустрии быстрее погасить мои студенческие кредиты. Так что мы оказались полезны друг другу и с той самой поры сделались друзьями – прямо не разлей вода. Однако Стэнли никогда не заикливался на теоретических деталях. Он не намерен создавать свою систему или применять кем-то созданную. Плевать он хотел на гематрию как таковую. Его интересует только результат, чего можно добиться с ее помощью.

– И чего можно добиться с такой помощью?

– Считается, что с помощью гематрии можно выявлять скрытые послания, восходящие аж к Сотворению мира, и в конечном счете узнать тайные имена Бога. А если учесть, что Бог создал вселенную, произнес ее имя, то знание этих имен теоретически дает прямой доступ к божественной сущности, а также возможность свободно перемещаться в пространстве и времени. Что может быть очень кстати, если, например, к тебе нагрянули гости из другого города и надо срочно раздобыть десятка два билетов на «Цирк дю Солей».

– А ты сама веришь в эту хренотень?

– Нет, конечно, – говорит Вероника. – Но мне интересно наблюдать за людьми, в это верящими. В пору студенчества я полагала, что все такие люди исчезли с лица планеты вскоре после тысяча шестьсот четырнадцатого года, когда Исаак Казобон уточнил время написания «Герметического корпуса». И потом вдруг оказалось, что я мотаюсь по американским казино в обществе одного из них.

Она делает еще глоток из бокала, следя за руками Кёртиса. Точнее, за книгой в его руках. Кофейного цвета обложка при слабом свете кажется лишенной всяких надписей, но на ощупь Кёртис чувствует рельеф букв на толстой бумаге. Он подносит книгу к лампе и пытается разобрать эти буквы.

Надпись гласит: «ЗЕРКАЛЬНЫЙ ВОР». В свое время тиснение было заполнено серебристой краской, остатки которой – блестящие точки по краям букв – можно заметить и сейчас, взглянув на книгу под углом. Кёртис тут же вспоминает (или воображает) эту серебристую пыльцу на руках Стэнли в полутьме прокуренного клуба где-то в Челси, или в Бенсонхерсте, или в Джексон-Хайтс. При этом Стэнли смеется, снимая колоду.

– Ты знаешь, что это за книга? – спрашивает Вероника.

– Я видел ее раньше.

– Это любимая книга Стэнли. Она у него с самого детства. В последние несколько месяцев он постоянно ее перечитывал.

– Странно, что он не прихватил ее с собой.

– Да, это в самом деле странно.

Кёртис открывает книгу и видит на первой странице надпись от руки выцветшими синими чернилами. Неровный старомодный почерк.

Стэнли!

Запомни это навсегда:

«Естество содержит в себе Естество, Естество овладевает Естеством, Естество ликует при встрече со своим Естеством и обращается в иные естества. И в других случаях все подобное радуется своему подобию, ибо уподобление есть причина дружества, и в этом сокрыта великая тайна многих философов».

Наилучшие пожелания собрату-безумцу! Да приведет тебя фортуна к твоему собственному opus magnum.

Удачи,

Эдриан Уэллс

6 марта 1958 г.

– Стэнли был знаком с автором?

– Да, но не знаю, насколько близко. Он отыскал Уэллса, когда жил в Калифорнии. Стэнли тебе не рассказывал эту историю?

Кёртис открывает следующую страницу.

«Прочь, когтеруких клеймителей злобная свора!» – так начинается текст.

...Прочь, беспощадные твари, торговцы забвеньем,

что отсекают причину от следствия, прочь!

Скройтесь в унылой глуши таксономий и онтологий,

самодовольно вращая мирские колеса Фортуны!

Некому будет вкусить желчь ваших жалких потуг;

мрачной тоски каталогов не возжелает никто.

Взоры критичные долу! Ибо отважный Гривано,

прозванный Вором Зеркальным, травит живым серебром

ваши дремучие камни, темное бремя неся

сквозь пелену облаков и липовый запах ночей.

Не расставляйте силки из связующих нитей рутины!

Не отвлекайте его грохотом счетных костей!

Дайте свободный проход, повелители куцых гномонов

(вы полируете золото, чтоб серебро посрамить),

ибо сокровище тайное в его заплечном мешке –

не что иное, как наипервейший рефлексор,
диск равнополой Луны!
Пусть он идет без помех,
разве что плач погребальный
вы издадите сквозь сон
в темной своей пустоте,
что лишена сновидений.

– Что за бредятина? – удивленно бормочет Кёртис.

– Эдриан Уэллс, – говорит Вероника скучным голосом, как будто произносила или слышала это уже невесть сколько раз, – был поэтом, публиковавшимся в пятидесятых – начале шестидесятых. Вращался в среде лос-анджелесских битников.

Кёртис бегло перелистывает страницы; где-то стихи выстроились четкими столбцами, а где-то они разбросаны так и сяк по желтоватой бумаге. Ближе к концу ему в глаза бросается одна фраза –

«И жатву сна снимает его флейта с клочков земли, принадлежащих мертвым», – которая звучит в его сознании, как бы произнесенная голосом Стэнли. Он уверен, что ранее слышал ее из уст Стэнли, но не может вспомнить, когда и при каких обстоятельствах это произошло; а еще миг спустя ниточка воспоминаний обрывается. Кёртис отлистывает страницы назад в попытке снова вытянуть из них голос Стэнли, пока не возвращается к самому началу, после чего захлопывает книгу и сжимает ее между ладоней. Гладкая обложка напоминает упругую живую кожу. Он бы, пожалуй, не слишком удивился, ощутив под ней биение пульса.

Вероника смотрит в окно. Широко раскрытые глаза блестят, как будто она уже готова заплакать или впасть в панику, однако дыхание ровное. Теперь ее ноги сложены в правильную позу лотоса; при этом она рассеянно покачивает большим пальцем левой ноги, тень которого то появляется, то исчезает на соседней подушке. Красные ногти поблескивают, как коралловые бусы.

– Если ты намерен и дальше разыскивать Стэнли – чего я тебе не советую, – эта книга вполне сгодится как отправная точка поиска.

– Выходит, этот... Уэллс – он был из битников?

– Скорее протобитник, поколением старше. Типа неудачливого попутчика, однако он дал хороший толчок их движению на ранней стадии. Можно сказать так: он присутствовал на сцене, но не в составе труппы.

Кёртис покачивает головой и прихлебывает бурбон, который начинает оказывать свое действие. Ему представляется, что только он сам, книга в его руках и глаза Вероники остаются неподвижными объектами в комнате, а все остальное плывет и кружится, как опавшие листья на поверхности пруда.

– Стэнли получил эту книгу от самого Уэллса?

Вероника закрывает глаза, и Кёртису кажется, что она задремала. А когда глаза вновь открываются, они смотрят на него в упор.

– Поверить не могу, что Стэнли не рассказывал тебе эту историю, – говорит она. SEPARATIO
Февраль 1958 г.

Все как всегда и вместе с тем все по-другому, потому что между зеркальцем и мной было то же расстояние, та же прерванная связь, которая, как мне казалось, всегда существовала между совершенными мною вчера поступками и моим сегодняшним их восприятием.

Александр Трокки. Молодой Адам (1957) [13]

14

Низкие тучи собираются над океаном, скрывая закатное зимнее солнце, и длинные волны все агрессивнее набегают на пляж. Изредка солнце еще появляется в разрывах туч, окрашивая в розовый цвет колоннады и крылатых львов на фризе отеля «Сан-Марко».

На углу набережной и Маркет-стрит стоит игорный павильон с заколоченными окнами и выцветшими буквами «МОСТ ФОРТУНЫ» на южной стене. Здесь и расположился юнец, предлагая прохожим сыграть в свою игру. Червовый король, семерка червей и семерка бубен, каждая карта слегка перегнута пополам вдоль длинной оси – троица миниатюрных двускатных крыш, плавно скользящих по картонной коробке из-под сухих завтраков.

Теперь представим облик этого юнца, сидящего на земле под круглой аркой: низкорослый и мускулистый, лет шестнадцати, притом что коротко стриженные выющиеся волосы уже начинают редеть. Он в голубых джинсах и новых – то есть недавно украденных – туфлях на каучуковой подошве; рукава бледно-розовой рубашки закатаны выше локтей. Потертая рабочая куртка лежит рядом, и, хотя прохладный вечерний воздух заставляет его руки покрыться гусиной кожей, юнец не спешит ее надеть. Тротуар перед ним замусорен песком, осколками оконных стекол и кусками штукатурки с павильонного фасада. Колени его упираются в криво сложенную бульварную газету «Зеркальные новости» за прошлую неделю. Видны заголовки: «Фейсал и Хуссейн провозглашают создание Арабской Федерации», «„Доджерсы“ готовы к переезду в Лос-Анджелес». Бумага покорибилась от морской воды и пожелтела на солнце.

С недавних пор юнец именуется Стэнли. В апреле прошлого года, покидая Нью-Йорк на балтиморском поезде, он взял имя Эдриан Гривано, под которым добрался до Литл-Рока, но там всего за пять часов дважды нарвался на копов и счел за благо придумать что-то новое, еще не засвеченное в полицейских протоколах. Имя Стэнли он позаимствовал из надписи на боку автобуса, стоявшего перед какой-то автомастерской. В Оклахоме и Миссури он был Эдрианом Стэнли, в Колорадо и Нью-Мексико – Стэнли Уэллсом, а в середине декабря, при въезде на территорию штата Калифорния, хотел было назваться Эдрианом Уэллсом – так некоторые пауки приманивают добычу, маскируясь под ей подобных, – но потом здраво рассудил, что это может обернуться лишними проблемами.

Большинство этих имен взяты из книги, которую он всегда носит во внутреннем кармане куртки, – книги стихов, много раз им перечитанных и уже выученных наизусть. Это очень странная книга; в ней крайне трудно найти пассажи, которые не ставили бы его в тупик. Но она открыла Стэнли одну истину, в которую он свято верит: называя любую вещь ее настоящим именем, ты обретаешь над ней власть. Так что надо быть осторожным. Свое настоящее имя он давно уже не использует и никогда не произносит вслух.

Променада заполняется людьми, покидающими пляж. В проблесках солнца мельтешение длинных теней создает калейдоскопический эффект, и кажется, что быстро перемещаемые карты сами собой танцуют в воздухе.

Но это впечатления стороннего зрителя, а не Стэнли. Он целиком сосредоточен на манипуляциях с картами, периодически шлепая ими по коробке. Память – это навык, а также привычка. Он еще слишком юн. Что он может помнить?

15

Солнце исчезает окончательно. Гряда облаков, теперь уже плотных и непроницаемых, стирает вершины гор и гасит огни Малибу на той стороне залива. Пирс с аттракционами безлюден, сейчас там идет реконструкция; зато Лоуренс Велк до отказа набивает «Арагон» своей публикой: крепыши-ротарианцы со своими женами подкатывают из Реседы или Ван-Найса и пробираются по замызганным улочкам на «империалах» и «роудмастерах», подгоняемые надеждой хоть мельком засветиться своими физиями в телеэфире. А в какой-то миле к югу отсюда толпа на набережной уже состоит из людей другого сорта – буровиков с нефтепромысла, сварщиков с авиазавода «Дугласа», рабочих с землечерпалок, углубляющих дно в новой гавани, отпускных пилотов и техников с базы «Эдвардс», – которым интересны другие развлечения.

В кармане рубашки у Стэнли несколько мятых купюр – однодолларовые плюс пара пятерок, – и он по мелочи заключает пари с кем-нибудь из прохожих. Иногда выигрывает, иногда проигрывает – с таким расчетом, чтобы в целом оставаться при своих, пока не появится годный для раскрутки объект. И он появляется: коренастый гонщик-хотроддер с прической «утиный хвост», чуток запущенной и длинноватой для этого стиля. Его тянет за руку бойкая девчонка-тинейджер в пиратских штанах и с ковбойским платком на шее. Парень достаточно трезв, чтобы сохранять концентрацию внимания, но и достаточно пьян, чтобы легко впасть в азарт, – как раз в настроении развлечься, потратив толику денег. Стэнли отклоняется назад и щелкает пальцами правой руки.

В тот же миг молодой человек, дымящий сигаретой под фонарным столбом шагах в двадцати от Стэнли, начинает движение в сторону аркады. Он шагает нетвердо, чуть враскачку – хоть и не употреблял спиртного. Приблизившись к гонщику, он отзывает его вместе с подружкой на край променада и что-то им говорит, жестом указывая на Стэнли, к которому затем и направляется, попыхивая чинариком в сгущающихся сумерках.

– Попробуешь снова, приятель? – обращается к нему Стэнли, не поднимая взгляд от карт.

– Сейчас мне должно повезти, – говорит молодой человек. – Я хочу отыграться.

Он достает из кармана новенькую долларовую купюру, разжимает пальцы, и та, кружась в воздухе, опускается на коробку перед Стэнли.

Молодого человека зовут Клаудио, он худощав и угловат, с большими темными глазами и ухоженной прической а-ля Пресли. На нем серый в коричневую крапинку спортивный пиджак, прикрывающий складки от сгибов на модной накрахмаленной сорочке, и галстук-селедка. Четыре пальца его правой руки по очереди – от мизинца до указательного и потом в обратном порядке – нервно постукивают по кончику большого пальца.

Стэнли перекладывает доллар Клаудио с коробки на асфальт, присовокупляет к нему одну из своих банкнот, и карты начинают кружение. Его руки двигаются плавно, без спешки, как бы

даже с ленцой. Но вот карты замирают. Клаудио делает выбор, попадает на одну из красных семерок, и его доллар перекачивает в карман Стэнли.

– Попробую еще раз, – говорит Клаудио.

Девчонка подходит к ним, когда Клаудио проигрывает второй доллар; ее приятель подтягивается следом. Они наблюдают за тем, как Клаудио, один раз угадав, потом дважды проигрывает. Гонщик уже заинтересовался.

– Левая, – говорит Клаудио.

– Да нет же, средняя! – вмешивается гонщик. – Король в середине, точняк.

Стэнли открывает левую семерку и забирает доллар Клаудио.

– Хватит мелочиться! – заявляет Клаудио. – Играть так играть.

И кладет на картонку пять долларов. Гонщик приподнимает брови. Стэнли отвечает своей пятеркой, а затем показывает карты – король в левой руке, обе семерки в правой – и начинает свои манипуляции.

Гонщик что-то шепчет подружке, указывая пальцем.

Клаудио напряженно следит за картами, моргает и встряхивает головой.

– Та, что справа, – говорит гонщик.

Стэнли бросает на него сердитый взгляд.

Клаудио кусает губу в раздумьях.

– Правая, – говорит он неуверенно.

Стэнли открывает короля, вручает Клаудио две пятерки и переводит взгляд на гонщика.

– Послушай, приятель, – говорит он, – ты или ставь на кон бабки, или держи свой длинный язык за зубами.

И гонщик достает свой бумажник.

Он без труда отслеживает червового короля, и Стэнли дважды позволяет ему выиграть.

– Могу я делать ставки с ним на пару? – спрашивает Клаудио. – Могу я поставить на этого парня?

Стэнли отклоняется назад и глядит мимо них, притворяясь, что обдумывает предложение. Неподалеку, рядом с тележкой мороженщика, расположилась парочка мелких местечковых бандитов. Сидят, курят и наблюдают за тем, как работает Стэнли. Лица хищные, глаза голодные.

– Ладно, – говорит Стэнли. – Но ты должен молчать. Это его игра.

Клаудио ставит на кон пятерку. Гонщик после секундного колебания добавляет столько же от себя.

Стэнли показывает карты – король и семерка червей в правой руке, король впереди. Но,

выкладывая карты на коробку, он меняет их местами. Так быстро, что даже готовый к подвоху наблюдатель не смог бы заметить. Карты кружатся, как чайки. Затем Стэнли располагает их рядом и смотрит на гонщика.

– Король справа, – говорит тот.

Стэнли открывает карту: это семерка.

– Вот дерьмо! – говорит гонщик.

– Что? – изумляется Клаудио. – Как такое могло получиться?

Гонщик переводит взгляд с него на Стэнли и обратно.

– Ставлю по новой! – говорит Клаудио.

В следующем розыгрыше Стэнли отбирает у них еще по пятерке. Клаудио громко проклиная эту игру и вместе с ней недотепу-гонщика, а затем удаляется вихляющей походкой. Гонщик в замешательстве смотрит ему вслед, беззвучно шевеля губами. Стэнли пользуется моментом, чтобы оглядеться. Бандитская парочка куда-то слиняла. Он собирает карты и меняет позу: теперь он сидит на корточках, как будто готовясь встать и уйти.

– Эй, погоди секунду, приятель! – говорит гонщик.

– Мне пора, – говорит Стэнли. – Где-то здесь крутится переодетый коп.

– Дай мне еще одну попытку. Удвоим ставки.

Стэнли вновь опускается на колени, повторяет предыдущий фокус, открывает указанную карту и забирает его десятку.

Гонщик смотрит на него со злобой. Сейчас самое время закругляться, но Стэнли пока не готов. Он вошел во вкус, а этот клоун так и напрашивается, чтобы его надули.

– Не подфартило, бывает, – говорит Стэнли. – Последняя попытка? Ва-банк?

Гонщик часто-часто дышит, притопывает носком ботинка, вдавливая кулак в раскрытую ладонь другой руки. Все это выглядит очень комично, однако лицо Стэнли остается невозмутимым. На запястье хотроддера он замечает небрежно выполненную татуировку: что-то вроде вороны. С каждым его выдохом до Стэнли доносится запах алкоголя.

– Пойдем, Майк, – зовет девчонка. – Пойдем отсюда.

– Ты в минусе на двадцать баксов, приятель, – говорит Стэнли. – Хочешь уйти, не попробовав отыгаться? Смотри сюда, это будет несложно.

Стэнли показывает карты – на сей раз король оказывается позади бубновой семерки – и начинает работать, незаметно исполнив подмену. Движения его настолько замедленны, что и ребенок мог бы их отследить.

– Ничего не упустил, Майк? – говорит он. – Твой последний шанс. Легкие деньги, чувак.

Гонщик поднимает глаза вверх, задумчиво щурится, потом снова смотрит на карты. Достает из бумажника две десятки.

– Средняя, – говорит он. – Король посередине.

– Ты в этом уверен?

– Да.

Стэнли берет у него две купюры, складывает их несколько раз, получая жесткий прямоугольник, а затем этим прямоугольником переворачивает за край среднюю карту. Семерка бубен.

– Что за херня! – восклицает гонщик. Ноздри его раздуваются, руки сжимаются в кулаки.

– А вот и чертов коп нарисовался, – говорит Стэнли, глядя вдоль набережной.

Карты и деньги миготом исчезают в его кармане; он хватается за куртку и забрасывает ее на плечо. Девчонка теперь напугана, таращит глаза и вертит головой; но гонщик продолжает орать, брызжа слюной в лицо Стэнли.

– Там коп! Надо рвать когти! – говорит ему Стэнли. – Смываемся в разные стороны.

Он круто разворачивается и уходит прочь. А навстречу ему быстро шагает Клаудио, который, проскочив мимо Стэнли, натывается на преследователя и как бы ненароком преграждает ему путь.

– Ты выиграл? – цепляется к нему Клаудио. – Ты отыграл мои деньги?

Слышатся вопли и ругань, когда гонщик отбрасывает Клаудио на кого-то из проходящих мимо людей, но Стэнли не оглядывается. Сделав два последовательных поворота направо, он выходит на Спидуэй и перебегает узкую улицу перед носом ползущего в пробке «десото».

Теперь он оказывается позади все того же павильона, но набережная отсюда не видна. Вдали над улицей висит крытый пешеходный мостик, соединяя вторые этажи двух старых отелей и обрамляя сияющий неон Виндворд-авеню, которая смотрится с этого ракурса, как сквозь замочную скважину. Силуэты людей передвигаются по мостику в обоих направлениях, пересекаясь и накладываясь друг на друга; никто не поворачивает головы в сторону Стэнли, и следом за ним никто не идет. Он замедляет шаг, дожидается, когда его обгонит все тот же «десото», а потом еще несколько машин, и сворачивает в ближайший переулок.

Хорайзон-корт упирается концами в два Т-образных перекрестка – Спидуэй здесь, Пасифик-авеню напротив – и, как все местные улицы, освещается цепочкой фонарей, подвешенных на толстых кабелях над проезжей частью. На полпути вдоль квартала есть темная зона – несколько дней назад Стэнли разбил там фонарь с помощью примитивной пращи и яйцеобразного голыша из розового кварца.

«Травит живым серебром ваши дремучие камни», – мельком всплывает в памяти, когда он спешит к тому месту и, предварительно оглядевшись, ныряет в дверной проем заброшенного магазина.

Там он первым делом нащупывает в темноте заранее приготовленную сосновую доску и подпирает ею дверь между ручкой из кованого железа и выбоиной в бетонном полу. Затем щелкает отцовской зажигалкой с клеймом «MIOJ» и подносит пламя к свечному огарку, закрепленному на перевернутой банке из-под венских сосисок. Слабый желтый огонек кое-как освещает комнату.

Стэнли до сих пор не может понять, чем здесь торговали прежде. Пыльные прилавки со стеклянным верхом и следы от крепления к стенам ныне отсутствующих шкафов-витрин напоминают ювелирный магазин его двоюродного деда в Уильямсберге – он побывал там однажды в раннем детстве и повторно в прошлом году, на сей раз как соучастник кражи, – но с этим магазином все равно что-то не так. В подсобном помещении стоят два верстака с просверленными в них отверстиями под болты большого диаметра, явно для крепления

какого-то массивного оборудования. Там же в сумрачных углах попадаются всякие странные вещи, от крошечных винтиков и проволочных полукольцев до россыпей искрящегося белого порошка. Клаудио говорил, что порошок остался после шлифовки стекла, – хотя откуда бы ему знать такие вещи?

В прибрежных кварталах, на протяжении миль между Роуз-авеню и Вашингтонским бульваром, полно заброшенных зданий – бывших бинго-залов, подпольных фабрик, притонов и прочих теневых заведений, – но Стэнли остановил свой выбор на этом магазине, потому что он мал, неприметен, расположен в центре квартала и выходит задним окном на парковочную площадку. После двух дней поисков подходящего укрытия и двух бессонных ночей, когда они бегали от патрульных копов или тряслись от холода на пляже, Стэнли разбил уличный фонарь перед этим зданием и взломал дверь, после чего они с Клаудио занялись обустройством нового логова: высадили оконное стекло в подсобке и передвинули к задней стене один из верстаков, тем самым подготовив путь отхода, а также соорудили тайник для своих скудных пожитков, пробив дыру в гипсовой панели.

И вот сейчас Стэнли берет свечу и наклоняется к этой дыре. Армейский вещмешок его отца на месте, засунутый подальше от посторонних глаз. Прежде чем его извлечь и открыть, Стэнли отвинчивает крышку фляги и делает несколько глотков воды. Все его имущество – одеяло, консервы, смена одежды – постоянно хранится в мешке на тот случай, если придется срочно рвать когти. Стэнли выкладывает на пол кое-что из верхних вещей, чтобы поглубже припрятать наличку. Пересчитывает деньги, хотя и без того знает сумму: пятьдесят девять долларов. Они с Клаудио утроили свой капитал всего за пару часов и при этом не нарвались на арест или мордобой. Пока что им везет.

Однако Клаудио уже пора быть здесь. У Стэнли нет часов, его вообще не заботит время, но он знает, что Клаудио хватило бы нескольких минут, чтобы отделаться от гонщика и вернуться на базу. А прошло уже явно больше. Может, Стэнли не расслышал условный тройной стук в дверь? Возможно, хотя вряд ли.

Он засовывает деньги и три игральные карты между банками сардин – на всякий случай оставив в кармане несколько баксов и одну пятерку, – укладывает обратно в мешок вынутые перед тем вещи, достает из куртки «Зеркального вора», помещает его на самый верх и затягивает горловину. На секунду задерживается, чтобы нащупать сквозь старый истончившийся брезент контуры книги, подбадривая себя мыслью о том, что уже очень скоро его жизнь радикально изменится. Потом убирает мешок поглубже в дыру и задувает свечку.

16

Он предпочитает не идти по тротуару спиной к водителям – возможно, гонщик сейчас где-то рядом за рулем своего хот-рода – и потому делает крюк: проходит три квартала до Винворда, пересекает улицу и поворачивает направо, к океану. Глаза его также в беспрестанном движении, в такт шагам вглядываясь то в лица за ветровыми стеклами встречных машин, то в пешеходов, курсирующих между берегом и городом. К этому времени уличные фонари уже обзавелись туманными ореолами, а толпы гуляющих обывателей в основном рассеялись. Вместо них из сумрака возникают образы, хорошо ему знакомые еще по нью-йоркской 42-й улице: буйно-пьяные морячки и солдатики, «принцессы панелей» на рабочей прогулке, расфуфыренные черные деляги, впалощие наркоманы, готовые ради дозы стибрить все, что плохо лежит. В свете тихо зудящей неоновой вывески миссионеров – «ИИСУС СПАСАЕТ» – каждая пара глаз отливает красным, а каждый нос отбрасывает длинную тень, как гномом солнечных часов.

Стэнли достигает променада, где уже совсем пустынно, и внимательно смотрит сначала в одну, потом в другую сторону. Гонщика и его подружки не видать, зато Клаудио обнаруживается почти сразу: он сидит сгорбившись на скамейке в двух сотнях шагов от Стэнли, примерно в квартале к северу от заколоченного павильона. А перед ним маячит троица отморозков в подвернутых джинсах и мотоциклетных куртках. Сначала Стэнли думает, что это ограбление, но потом отмечает их лениво-расслабленные позы, словно они кого-то дожидаются. Клаудио слегка раскачивается, держась руками за голову, – продолжает корчить из себя пьяного. Стэнли ухмыляется. Этот парень, конечно, не Марлон Брандо, но в умении лицедействовать ему не откажешь.

Двое из троицы – те самые, которые недавно наблюдали за охмурением гонщика. Третий, видимо, в ту пору ошивался в иных местах. Поодиночке такие обычно не ходят, а это значит, что должен быть как минимум еще четвертый, – возможно, он отправился за остальными членами банды. Когда все будут в сборе, они вытрясут из Клаудио наводку на Стэнли и потом возьмут в оборот их обоих за то, что промышляли на «чужой территории». Действуют примитивно, нахрапом, а их конечной целью является Стэнли, тут уже без вариантов.

Он застегивает молнию куртки, чтобы раньше времени не демаскировать себя светлой рубашкой, и начинает продвигаться в их сторону. Зная по опыту, что люди, сосредоточившись на каком-либо занятии, не замечают происходящего рядом – или не реагируют, даже заметив, – Стэнли не слишком осторожничает. Пройдя половину пути, он сворачивает влево, на пляж, а по выходе за пределы освещенной фонарями зоны, снова берет правее и движется параллельно набережной. Туман оседает на пляж, образуя влажную корочку, которую продавливают его новые туфли; а под корочкой песок сух и рассыпчат. Остановившись, Стэнли наклоняется, зачерпывает одну за другой две пригоршни сухого песка из собственных следов и наполняет правый боковой карман джинсов. В левый карман он помещает свернутую долларовую купюру.

Поскольку туман сгущается, а с набережной ему в лицо светят фонари и вывески, Стэнли трудно разглядеть, что там происходит. Но все же он засекает момент появления свежих сил неприятеля в трехстах ярдах отсюда: шесть или семь человек врзаются в толпу на углу Брукс-авеню – об этом можно догадаться по возмущенной реакции людей, которых они расталкивают. Дальше толпа становится еще плотнее, и их продвижение замедляется. По прикидке Стэнли, они будут здесь минуты через четыре.

– Привет, чуваки, – говорит он, неторопливо приближаясь к скамье, на которой сидит Клаудио. – Я пришел за своим другом.

Троица смотрит на него оторопело. Потом двое, стоящие ближе к правой стороне скамьи, поворачиваются к третьему, который, видимо, у них за жоака. Этот чуть постарше, жилистый и чернявый, с тонким розовым шрамом от брови до корней волос. Руки его также покрыты шрамами: следствие частых – или же немногих, но бестолковых – драк на ножах. Двое других – совсем еще молодняк: у одного красные глаза и течь из носа, характерные для нюхателей клея, а у второго белые волосы и россыпь прыщей на роже.

Стэнли протискивается между этими двумя и дергает Клаудио за руку.

– Э, дружище, да ты вообще в хлам! – говорит он. – Парни, не поможете мне его поднять?

– Не так быстро, говнюк, – говорит их старший.

Стэнли игнорирует эти слова и рывком поднимает Клаудио со скамьи.

– Я хочу домой, – стонет Клаудио. – Мне нехорошо.

– Слышь, ты, – говорит жоак, опуская руку на плечо Стэнли. – Мы в курсе, что вы тут

недавно разводили лохов. Скажи своему корешу, пусть не ломает дурку. У нас к вам конкретная предьява.

Стэнли не стряхивает его руку с плеча и вообще не двигается. По их речам и ухваткам нетрудно догадаться, что эта братва не менее десятка раз просмотрела «Школьные джунгли», но он воздерживается от саркастических реплик по этому поводу.

– Вот как? – говорит Стэнли. – Ну тогда выкладывай.

– Ты знаешь, кто мы такие?

Стэнли поворачивается к нему всем корпусом:

– А я должен это знать?

– Еще как должен! Мы «Береговые псы».

Стэнли медленно оглядывает его с ног до головы.

– «Береговые псы», – задумчиво повторяет он, словно что-то припоминая.

– Так и есть. И это

наш район. Никто не может здесь пастись без нашего разрешения. Сколько ты сегодня наварил?

Стэнли пожимает плечами, отводя взгляд.

– Двадцать баксов, – говорит он.

– Не гони пургу!

– А сколько вам надо отстегивать?

– Сейчас ты отдашь все без остатка, урод! Потому что не спросил разрешения. А если намылился и дальше работать на нашем берегу, будешь отстегивать половину навара. Ну-ка выверни карманы!

– Туале-е-ет, – ноет Клаудио, цепляясь за Стэнли. – Мне надо отли-ить...

Стэнли спокойно смотрит на жоака. Потом, поверх его плеча, смотрит на остальную банду, которая сейчас в паре кварталов отсюда и быстро приближается.

– А если я пошлю вас на хер вместе с предьявами? – интересуется Стэнли.

– Тогда мы тебя отметим. Здесь и сейчас. И будем это делать всякий раз, когда вас встретим. Тебя и твоего дружка-педика.

– Да, – говорит прыщавый блондин, придвигаясь ближе и дыша в шею Стэнли. – Мы здесь не жалуем пидорню.

Он произносит эту фразу с особым смаком, – должно быть, у него это излюбленная тема. А у Стэнли окончательно созревает план действий.

– Ваша взяла, чуваки, – говорит он. – Но пару баксов я все же оставлю. Мы с другом сегодня еще ничего не ели.

Он выворачивает левый карман и демонстрирует долларовую бумажку. Потом отпихивает

Клаудио, и тот повисает на нюхателе клея, не прекращая жалобно стенать. Стэнли лезет в правый карман, загребаёт песок и достаёт сжатую в кулак руку, одновременно левой рукой протягивая доллар жожаку. Несколько песчинок просачиваются между пальцев, но никто этого не замечает.

– Остальные у меня в носке, – говорит он и ставит ногу на край скамьи.

Вожак тянется к доллару, но не заканчивает это движение, видать почуяв что-то неладное.

– Держи пока сам, – говорит он.

Между тем белобрысый, разглядев свою братву на подходе, машет рукой и открывает рот для призывного крика. В тот же миг Стэнли мечет песок в лицо жожаку, отталкивается ногой от скамейки и в броске бьёт локтем по физиономии белобрысого. Попадает по носу, кровь хлещет струей, а у Стэнли от локтевого отростка до пальцев пробегает волна зудящей боли. Вожак выхватывает нож из кармана куртки и машет им вслепую; его рука скользит по волосам Стэнли. Пригнувшись и отскочив назад – как учил его отец, – Стэнли бьёт противника ногой в пах. Уже слышны вопли остальных «псов» и топот их ботинок.

Вмиг протрезвевший Клаудио наносит нюхателю клея удар под дых, а когда тот складывается пополам, зажимает под мышкой его голову. В таком положении они передвигаются по тротуару, вращаясь как двойная звезда. Стэнли подсакивает сбоку и апперкотом вырубает нюхателя, который мешком оседает на землю.

– Драпаем! – кричит Стэнли приятелю. – Беги! Беги!

Клаудио с недоумением смотрит вслед уже набирающему скорость Стэнли – он все еще не заметил новую опасность, – однако следует его примеру. Легкий и длинноногий, он скоро его настигает. Стэнли не покидает набережную, лавируя между пешеходами и временами делая резкий зигзаг влево как бы с намерением повернуть за угол. «Псы» далеко позади, но постепенно они сокращают дистанцию. Клаудио удрал бы от них без проблем (его прабабушка была чистокровной индианкой из какого-то племени, знаменитого своими бегунами, хотя сам он по виду не тянет даже на мексиканца, что уж там говорить об индейцах), а вот Стэнли далеко не так быстр. Пружинистые каучуковые подошвы новых туфель придают ему дополнительное ускорение, но он уже чувствует, как на пятках вздуваются волдыри. Мелькают лица прохожих, как отражения в кривых зеркалах: удивленные, сердитые, смеющиеся. Впервые в жизни Стэнли был бы почти рад появлению копов.

Но копов нигде не видать, а свора за их спинами уже поднимает лай. Сначала только двое из них, но потом подхватывают и остальные: ритмичный хор низких рыкающих «гаф!» и злобно-визгливых «тяв!», звучащих то в унисон, то в разнотоп и эхом проносящихся вдоль колоннады. Дешевый и тупой прием, характерный для подобного отребья, но тем не менее червячок рефлекторного страха ползет по спине Стэнли, заставляя его еще прибавить ходу.

Перед светофором на Пасифик-авеню Стэнли выбегает на проезжую часть и несется дальше посередине улицы. Машины катят мимо в обоих направлениях. Водители осыпают его бранью, кто-то нервно сигналист. Клаудио, сбивший с толку этим его маневром, застревает на тротуаре. Стэнли оглядывается, проверяя, бежит ли за ним Клаудио, а когда он снова переводит взгляд вперед, на него почти в упор таращится, оскалив зубы и тыча пальцем, подружка того самого гонщика. Она стоит, как в колеснице, на пассажирском сиденье старенького «форда» с форсированным движком. Проскочив мимо нее, он слышит скрип открываемой водительской двери, а потом голос гонщика:

– Эй ты! А ну стоять!

Стэнли притормаживает, разворачивается и пробегает несколько шажков задом наперед, ожидая, когда с ним поравняется Клаудио, вновь набирающий скорость на тротуаре. Гонщик размахивает пустой бутылкой, освещаемый снизу фарами «нэша», который застопорился позади его родстера. А еще дальше Стэнли видит на фоне освещенных витрин силуэты «береговых псов». Они также выбегают на середину улицы; первому из них перекрывает путь распахнутая дверь «форда», и он с проклятиями начинает ее огибать, а гонщик бьет его по плечу бутылкой. Водитель «нэша» пытается сдать назад.

Стэнли и Клаудио пересекают круговой перекресток с газоном в центре, а затем бегут через парковку, стараясь держаться в тени. Поворачивают направо, затем налево. Впереди широкая улица, застроенная частными домами; мелькают обветшалые бунгалло, просевшие веранды с перилами из металлических труб. Насыщенный влагой воздух приглушает городские огни, небо имеет цвет морских водорослей, а на его фоне темнеют разлапистые кроны пальм и буровые вышки нефтепромысла в четверти мили впереди. А позади не слышно ничего, кроме отдаленного шума транспорта. Стэнли сбавляет скорость и начинает понемногу приходить в себя.

– Что за дикие звуки там были? – спрашивает Клаудио, который даже не запыхался.

– Это «псы», которые за нами гнались. Кто еще это мог быть, по-твоему?

Клаудио смотрит на него с удивлением.

– Но мы же вырубili всех троих, – говорит он.

– Не те самые, дурья башка, а еще дюжина их корешей. Ты разве не видел?

Клаудио морщит лоб и бросает скептический взгляд через плечо.

– Каких еще корешей? – говорит он.

Они доходят до пересечения авеню с улицей поменьше. Стэнли вглядывается в таблички на угловом доме: Кордова-корт с одной стороны и Риальто-авеню с другой. Они всего лишь в квартале от Виндворда, но этот район кажется более мирным и патриархальным. Примерно половина домов освещена изнутри – некоторые лишь мерцающим голубоватым светом экранов. Где-то справа звучит спокойный мелодичный джаз. Из открытого окна доносится негромкий женский смех.

– Кстати, это был чертовски сильный ход, – говорит Стэнли, – зажать его голову под мышкой. Толково сработано.

– Тебе понравилось?

– Нет, я прикалываюсь, – говорит Стэнли. – Ты называешь такие похвалы сарказмом. Братишка, тебе надо научиться хотя бы простейшим приемам драки.

Клаудио готовится возразить, когда сзади раздается топот и затем лай с подвывом – жуткий, получеловеческий, напоминающий завывание гончих в киношных сценах охоты. Стэнли и Клаудио срываются с места и мчатся через неухоженные лужайки перед домами; при этом поле зрения Стэнли сужается, превращаясь в туннель, залитый белым светом, а топот собственных ног звучит гулко, как будто он слышит его через приставленную к уху жестянку из-под кофе. Кордова-корт загибается вправо, но Стэнли продолжает бег прямо, к темному кособокому коттеджу, успев дернуть Клаудио за рукав и оглянуться для проверки, не появились ли из-за угла «псы». Тех пока не видно.

Левее коттеджа виден заборчик из гнилых досок, скрепленных проволокой. Стэнли с разбега прыгает через него, но запинается и падает в бурьян; колени утопают в рыхлой земле, а

плечо с хрустом сминает тонкую трельяжную решетку. Следом за ним – с грацией антилопы – барьер берет Клаудио и ловко приземляется на обе ноги, но Стэнли сразу хватается за лодыжку и также валит на землю.

С улицы снова доносится вой: враги приближаются, численность их неизвестна. Стэнли наваливается на Клаудио и зажимает ему рот ладонью. Вскоре он слышит, как «псы», тихо переговариваясь, прочесывают ближайšie дворы. Грудь Клаудио поднимается и опускается равномерно, контрастируя с хриплым прерывистым дыханием и бешеным сердцебиением Стэнли.

На крыльце соседнего дома загорается лампочка, сгущая тени в саду и освещая двух «псов», крадущихся вдоль давно не стриженной самшитовой изгороди. Скрипит дверь, и мужской голос спрашивает:

– Эй, кто там бродит?

Трещат кусты: «псы» уходят обратно к дороге. Остается пролежать тихо еще несколько минут, и дело в шляпе. Стэнли делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. А когда он вновь наполняет легкие воздухом, тот приносит множество запахов, которые ему хорошо знакомы, но определить которые по отдельности он не в состоянии: розмарин, чеснок, хрен, мята, лимонная вербена, а также примятые их телами стебли томатов и сорняков. Вместо этих названий Стэнли приходят в голову кулинарные ассоциации: бабушка жарит картофельные блинчики, мама нарезает кубиками мясо ягненка, соседская женщина, чье имя он позабыл, готовит в кастрюльке томатный соус, а напоследок видятся руки деда с горькими травами на еврейскую Пасху. Такое чувство, будто этот клочок земли, отделенный всем пространством континента от места его рождения, опознает Стэнли и принимает его как родного. «Добро пожаловать, – говорит эта земля, – мы все тебя ждали».

Стэнли испытывает такой прилив радости и спокойной уверенности, что ему приходится вонзить зубы в лацкан пиджака Клаудио, чтобы не рассмеяться или не завопить. Черные глаза Клаудио удивленно расширяются, но он не произносит ни слова. Вместо этого проводит рукой по щеке Стэнли и по его спутанным волосам, а затем поудобнее укладывает его голову чуть повыше своего нагрудного кармашка. Стэнли чувствует его теплую шею своим лбом, липким от пота и росы. И так они лежат еще долгое время после того, как становится ясно, что опасность миновала.

17

Следующая неделя приносит дожди, которые смывают остатки февраля с прибрежных улиц. Стэнли и Клаудио почти все время проводят под одеялами в своем логове, разгоняя скуку чтением книг и журналов, для утепления сваленных у них в ногах. Клаудио просматривает кипу глянцевых изданий, которые Стэнли украл для него с уличного стенда на Маркет-стрит, – «Фотоигра», «Современный экран», «Зеркало кино», – то и дело совершая для себя маленькие открытия:

– Оказывается, Табу Хантеру подбирает роли тот же агент, который работает с Роком Хадсоном. И с Рори Кэлхуном. Готов поспорить, все их имена ненастоящие.

Стэнли читает «Зеркального вора». Книга состоит из отдельных стихотворений, но все они сводятся к единому сюжету: алхимик и шпион по имени Гривано крадет магическое зеркало и спасается от преследователей на улицах загадочного, наводненного призраками города. Стэнли давно уже перестал ломать голову над этой историей. В лучшем случае это просто

игра авторской фантазии, а в худшем – средство маскировки, скрывающее потаенный смысл книги, какой-то великий секрет, в ней зашифрованный. Он уверен, что такое нагромождение туманных намеков не может быть случайным.

В процессе чтения его глаза неотрывно скользят по строкам, как игла проигрывателя по пластинке, раскладывая слова на буквы и затем выстраивая их в сплошные линии. Он ищет ключ: какую-нибудь щелочку в этой непроницаемой маске, какой-нибудь кончик нити, за который можно потянуть. Он использует разные ухищрения – читает наискось и снизу вверх, читает по первым буквам после пробелов и т. п., – но слова всякий раз смыкают ряды, как плитки в мозаике, как выстроенные для опознания и глумливо вззирающие на него жуликоватые субъекты. Что ж, на то они и подозреваемые.

На обороте титульного листа, помимо выходных данных – «Стихотворное повествование Эдриана Уэллса, издательство „Сешат букс“, Лос-Анджелес, копирайт 1954 г.», – есть краткая надпись от руки, оставленная неведомо кем при передаче этой книги человеку по имени Алан. Стэнли так и не смог разобрать этот косой размашистый почерк: одно из слов смутно похоже на «салат», другое можно прочесть как «нагой». Впрочем, он давно уже отказался от попыток дешифровки. Имя Эдриана Уэллса в печатном тексте над этой надписью перечеркнуто жирной волнистой линией, черными чернилами. Прежде, открывая книгу, Стэнли всякий раз задерживался на этой странице и гадал, зачем кому-то понадобилось таким манером зачеркивать имя, но в последнее время он об этом уже не думает.

Иногда он, сомкнув веки, закрывает книгу, ставит ее корешком на ладонь и, придерживая с боков пальцами, представляет себе некую темную фигуру – Уэллса, Гривано, себя самого, – в мокром плаще и широкополой шляпе крадущуюся по улицам с какой-то неведомой целью: блуждающий пробел на фоне серого размытого пейзажа. Стэнли удерживает этот образ в сознании как можно дольше, пока его не вытесняют тревожные мысли (что, если Уэллс покинул этот город? что, если он умер?), и тогда он, раздвигая пальцы, позволяет книге раскрыться, а потом читает первую строку, на какую упадет взгляд, – в надежде, что она даст подсказку. Он понимает, что в этих попытках нет никакой логики – или, скорее, в них присутствует логика самой книги, а не логика реального мира, – но так и должно быть. Собственно, точка соприкосновения книги с реальностью как раз и есть то, что он ищет.

Порой он натывается на строку, четко задающую направление поиска:

Я ищу твою маску, Гривано, на карнавале извечном, у самой границы воды . Но гораздо чаще попадается невеста что типа:

Вынес Омфалы супруг свой приговор! Ты запятнан

поиском тайн нечестиво-окультиных, однако

шепчет камыш и по всему свету разносит

злую молву о златотворца позоре.

А порой случайно выбранный пассаж завладевает его вниманием по причинам, ему самому непонятным:

Acqua alta снова! Сапоги Гривано

попирают с плеском двойников своих.

Только не гляди ты на былых собратьев –
нынче на колоннах бестии висят!
Сам же, двухголовый, в двух мирах блуждаешь,
отвечая взглядом своему подобию –
в молчаливом море отраженный лик.

Отсюда Стэнли перескакивает сразу на последнюю страницу, к финальным строкам, под которыми стоит дата – 17 февраля 1953 года – и указаны два географических названия: этот город и этот штат. Вот она, зацепка, приведшая его сюда.

Когда Стэнли и Клаудио начинают тяготиться чтением, тяготиться друг другом и самими собой, они предпринимают походы в кино. Премьерные кинозалы в Санта-Монике предлагают наилучший выбор красивых душещипательных мелодрам, до которых охоч Клаудио, тогда как Стэнли предпочитает «Фокс» на бульваре Линкольна: до него ближе, билеты вдвое дешевле, и там крутят малобюджетные вестерны или ужастики, которые ему больше по вкусу.

Но в сезон дождей «Фокс» – место небезопасное. Стэнли и Клаудио отправляются туда через несколько дней после своего бегства от «псов». Пересекают Эббот-Кинни, Электрик-авеню и далее следуют по 4-й авеню и Вернону, прикрываясь кронами эвкалиптов и гевей, но все равно промокают до нитки к моменту появления впереди неоновой вывески кинотеатра. Дрожь продолжает бить Стэнли и потом, когда они занимают места в зале. Начинается первая часть фильма, и, как всегда, Стэнли требуется несколько минут, чтобы привыкнуть к раздражающему стрекоту проектора и мелкой дрожи кадров на экране.

Это ужастик про чудовищ: после извержения вулкана из недр земли выбираются гигантские скорпионы, атакующие Мехико. Стэнли выбрал этот фильм потому, что в нем много мексиканских актеров, возможно, известных Клаудио. Кроме того, ему интересно посмотреть, как эти киношники сделают скорпионов. Обычно Стэнли не хватает терпения высидеть сеанс от начала и до конца, но его завораживают монстры типа Имира в «20 миллионов миль от Земли» или динозавра в «Звере из горной пещеры». Это увлечение началось с «Могучего Джо Янга» – первой картины такого рода, увиденной им в «Лидо» на Фордхэм-роуд. Стэнли тогда было восемь лет; отец оставил его в кинотеатре, а сам отправился на свидание с какой-то девчонкой в том же квартале. Практически сразу он понял, как происходит «оживление» чудовищ: догадался о невидимых руках, меняющих позы фигур в промежутках между кадрами, и тогда же уверился, что нашел некий ключ, маленький секрет, за которым скрываются куда более важные тайны. Суть фокуса заключалась не в фальшивых монстрах-чучелах и даже не в покадровой анимации как таковой; фокус все время был в его собственной голове. В его глазах, которые обманывали сами себя.

Фильм стартует по заезженному шаблону – с псевдокинохроники, показывающей вулканическое извержение, – а затем на сцене появляются два главных героя: ироничный американский геолог и его смазливый мексиканский коллега. Постепенно приключения этих бесстрашных и неунывающих людей затягивают Стэнли, – в конце концов, разве он и Клаудио не одного с ними поля ягоды? Два исследователя в далеком краю, полном опасностей, и положиться им не на кого, кроме как друг на друга. Такого рода истории Стэнли готов смотреть чуть ли не до бесконечности: герои знай себе катят на джипе по бездорожью,

пробираются сквозь джунгли, преодолевают горные хребты среди потоков лавы под затмевающими солнце облаками пепла. При этом близкое присутствие скорпионов-убийц уже ощущается, и, хотя сами они пока что не возникали в кадре и даже не были упомянуты в разговорах героев, предчувствие чего-то страшного и загадочного уже нависает над всем этим киноландшафтом.

Затем, по тому же шаблону, вступает в игру главная героиня – а заодно и неизбежный в таких случаях маленький мальчик с собакой, этакий проказливый херувим, – и Стэнли начинает терять интерес к происходящему на экране. Дела не становятся лучше и с появлением долгожданных скорпионов. Сначала они смотрятся недурно, вполне ужасающими и реалистичными, но создателям фильма явно не хватило отснятого материала, из-за чего одни и те же кадры с монстрами повторяются по несколько раз, а корявый крупный план пучеглазой головы скорпиона, пускающей струйки ядовитой слюны, используется так часто, что Стэнли теряет счет повторам. Под конец съемок у продюсеров, видно, совсем захромали финансы; в последней части они все реже задействуют кукольных тварей и вместо них показывают только черную тень скорпиона, наложенную на кадры с панически бегущими мексиканцами.

Стэнли уже почти не смотрит на экран – он пытается вспомнить, не этот ли самый парень играл геолога в «Дне конца света», гадая, простое это совпадение или у актера на самом деле был какой-то опыт по геологической части, – когда ему сзади в шею внезапно впивается горящая сигарета. Машинально хлопнув ладонью по больному месту, он оборачивается, но непосредственно за ним никого нет. Он начинает оглядывать полупустой зал, прикрывая сбоку глаза от экранного света, и тут в спинку его кресла врезается еще один окуроч, рассыпаясь веером оранжевых искр. И теперь уже он видит шестерых «псов», которые сидят по ту сторону прохода, через несколько рядов от них. Лица Стэнли разглядеть не может, но башка белобрысого хорошо заметна в пульсирующем свете проектора. Некоторые закинули ноги в грязных кедах на спинки передних сидений, и все они курят либо готовятся закурить – для следующего залпа чинариков.

Стэнли хлопает Клаудио по колену и тычет большим пальцем в сторону «псов». Оба сразу поднимаются, идут по проходу вперед, затем, пригибаясь, сворачивают перед самым экраном и покидают зал через выход в дальнем углу. На улице перед кинотеатром они задерживаются, чтобы проверить, последуют ли за ними «псы». Те появляются в фойе, но им явно не хватает куража для погони под дождем. Стэнли смаргивает капли с ресниц и оглядывается через плечо, дожидаясь разрыва в потоке машин, чтобы перебежать через улицу. «Псы» сгрудились под козырьком и сквозь ливень выглядят бесформенной массой, выдыхающей клубами алкогольный пар.

– Предлагаю с этого дня смотреть фильмы только в Санта-Монике, – говорит Клаудио.

Освещаемый свечой снизу, он стоит нагишом в задней комнате магазинчика на Хорайзон-корт. Стэнли натянул бечевку между старыми настенными креплениями, завязав ее мичманским узлом, и Клаудио развешивает на ней свою промокшую одежду. Сам Стэнли, злой и раздраженный, пристроился в углу, закутавшись в отцовское армейское одеяло; грубая шерсть царапает голую кожу.

– Не позволяй этим гадам себя запугать, – говорит он. – Сегодня нам просто не подфартило. На своем районе в Бруклине мы с братвой переживали плохую погоду таким же манером: смотрели дрянные фильмы. Я должен был сообразить, что они подтянутся к «Фоксу».

– Они нам еще попортят крови.

– Не думаю. В прошлый раз мы их порядком взбесили, но при этом выставили клоунами

перед всей округой. Если не будем мозолить им глаза, они оставят нас в покое.

– А что с твоими карточными фокусами? Как нам теперь добывать деньги?

– Деньги? – Стэнли смеется и качает головой, как будто разговаривает с несмышлеником. – Деньги – это главный фокус из всех, какие есть. Они нужны только для того, чтобы сделать еще больше денег. Но все, за что ты платишь, можно просто взять даром.

Клаудио смотрит на него скептически и вытирает влажные ладони о свой впалый живот.

– Что, не веришь? – спрашивает Стэнли. – Тогда назови мне любую вещь, какую хочешь. И я принесу ее сюда меньше чем через час. Принесу сразу пару таких вещей. Давай устроим проверку на вшивость.

– Тебя поймают.

– Никто меня не поймает. Ну же, что бы ты сейчас хотел? Часы? Красивые часы? Я добуду пару отличных часов, тебе и мне. Одинаковых.

– Не стоит выходить на улицу среди дня. И тебе надо подстричься. Выглядишь как бродяга и вор.

– Ничего подобного! – возражает Стэнли. – Я выгляжу как приличный американский юноша.

И он проводит рукой по своим спутанным кудрям.

– Ты похож на обезьяну. Грязная американская мартышка.

Клаудио, хитро ухмыляясь, приближается и загибает в горсть волосы Стэнли. Одежда падает на пол; Стэнли бьет Клаудио по руке и отталкивает его, но затем вновь притягивает к себе.

Дождь прекращается только через двое суток; Стэнли к тому времени уже измаялся от безделья и рвется на прогулку. Прохладным ранним утром он вытаскивает Клаудио на круговой перекресток, где они завтракают краденными апельсинами и бисквитными батончиками. На кольцо выезжает рейсовый автобус до Санта-Моники. Разом восторженно, Клаудио сует в липкие руки Стэнли свой недоеденный апельсин и мчится к остановке. Уже на другой стороне Мейн-стрит он с улыбкой оборачивается, и Стэнли улыбается в ответ. Этот обмен улыбками через оживленную улицу подразумевает не только взаимное доверие, но и многое сверх того. Клаудио исчезает за автобусом, потом силуэтом появляется за его окнами и наконец устраивается на сиденье. Стэнли смотрит на его остроносый профиль – периодически закрываемый пассажирами в проходе или грузовиками на улице, – пока автобус не отъезжает от остановки.

Он направляется к набережной, пересекает променады и спускается к пляжу, на ходу доедая последнюю ярко-оранжевую дольку и облизывая пальцы. Крошит апельсиновую кожуру и бросает ее чайкам, копошащимся в полосе прибоя. Схватив добычу, птицы сразу взлетают, но затем разочарованно роняют кожуры в воду, где на них, в свою очередь, пикируют другие чайки. Синева океана под стать небу, только он непрозрачен и покрыт серебристыми штрихами солнечных бликов. Ряды пенистых волн вздымаются в полусотне ярдов от берега, на мгновения образуют пустоты под загибом гребня и со звуком, напоминающим щелчок тяжелого кнута, обрушиваются на берег. Раскатистый рык прибоя эхом разносится над набережной.

Стэнли вытирает губы, ощущая вкус цитрусового сока на пальцах, и вспоминает зимний сбор

урожая в Риверсайде. В первую неделю работы он съел, наверное, столько фруктов, сколько весит сам: сладких клементин, ярких крапчатых валенсий, навелов размером с шар для бочке. А в прошлом месяце, когда они с Клаудио улизнули с плантации, чтобы автостопом добраться до Лос-Анджелеса, оба сгоряча поклялись никогда больше не притрагиваться к цитрусовым. Однако теперь они снова поедали их в охотку.

Стэнли познакомился с Клаудио, когда они оказались в одной бригаде сборщиков. Поначалу Клаудио произвел неважное впечатление: этакий типчик себе на уме, не имеющий привычки к сельскому труду (как, впрочем, не имел ее и Стэнли). Скорее всего, этот Клаудио где-то напакостил и дал деру от правосудия или же просто захотел побродить по свету: блудный отпрыск из какого-нибудь особняка на высоком холме. И еще Стэнли считал его лодырем и симулянтом, безнаказанно уваливавшим от самых неприятных работ, поскольку босс не говорил по-испански и нуждался в нем как в переводчике. Первое время они игнорировали друг друга. Однако все белые работники в их бригаде были гораздо старше Стэнли, да и вообще неразговорчивы, а мексиканцы явно сторонились Клаудио. И в конце концов эти двое начали общаться.

Стэнли никогда не задавал вопросов, так что прошлое Клаудио выяснялось постепенно, урывками. Младший из тринадцати детей от двух матерей, он рос всем обеспеченным и никем не замечаемым барчонком в большой усадьбе неподалеку от Эрмосильо. Его отец был прославленным генералом – сражался против Панчо Вильи при Селае и против «кристерос» в Халиско, – а отцовские братья, пойдя по жизни своими путями, стали видными юристами, банкирами и государственными деятелями. Клаудио много времени проводил в городе, где не вылезал из кинотеатров и учился английскому у Кэри Гранта или Кэтрин Хепберн, прикрывая ладошкой субтитры внизу экрана. А когда стал постарше, начал потихоньку готовиться к побегу на север.

Эти истории Клаудио рассказывал Стэнли во время работы, или – шепотом – по ночам в спальном бараке, или когда они ночевали в роще и там под посеребренной лунным светом листвою строили планы на будущее. Там Стэнли обычно лежал и смотрел на шевелящиеся губы Клаудио, пока смысл речей не ускользал от него окончательно.

Теперь ему нравится Клаудио. Он никогда не устает от его общества. За время долгого путешествия через всю страну он много раз мечтал о верном спутнике, который разделит бы с ним все приключения, который был бы всегда готов его выслушать и рассказать взамен свои истории; и вот появился странноватый мексиканец, вроде бы подходящий на эту роль. Это же здорово – иметь напарника. С ним открываются возможности, в иных случаях недоступные.

Однако есть и такие вещи, которые Стэнли предпочитает делать в одиночку.

Когда вся кожура израсходована, а чайки разлетелись кто куда, Стэнли, глубоко вздохнув, идет обратно к набережной. Солнце уже высоко поднялось над городом: высокие здания, фонарные столбы и пальмы распластали свои тени на пляжном песке, а под портиками вдоль обращенных к морю фасадов сгустился полумрак. По мере своего продвижения Стэнли читает вывески над входами: «Чоп Суи», отель «Сан-Марко», «Центральная фармацевтическая компания». На углу Маркет-стрит полосатый флаг обмотался вокруг белого столба; минув его, Стэнли машинально пытается пригладить рукой свои непослушные кудри.

А на берегу наслаждается ясной погодой обычная для этого времени публика: пожилая дама в широкой и длинной накидке сутулится под зонтиком; бородатый художник в заляпанной краской робе пристает к двум смеющимся женщинам; упитанный бургер выгуливает уродливую собаку, напевая на чужестранном языке. Никто из этих людей не представляет интереса для Стэнли. Он переводит взгляд на здания, отмечая их формы, отделку и то, как

ложится свет на стены и на улицу перед ними. Глаза фиксируют отдельные детали: ряды стрельчатых окон, выступающую из-под старой лепнины кирпичную кладку, ухмылки маскаронов на капителях чугунных колонн. С некоторых пор он тренирует в себе видение не только предметов, но и их отсутствия, что удастся лишь при взгляде искоса, как бы ненароком, и позволяет уловить связь с прошлым величием данного места. Хотя, конечно, это всего лишь иллюзии, тени реальных вещей, едва заметные сквозь пелену минувших лет – как призрак привидения.

Это город Эдриана Уэллса, упомянутый в книге, – а значит, это и город Гривано, насколько таковым вообще может быть какой-нибудь земной город. Стэнли хочет освоить манеру передвижения Гривано: по-кошачьи бесшумно, начиная шаг не с пятки, а с подушечки стопы. Не прячась, но притом оставаясь невидимым. Всякий раз, когда на тротуаре впереди возникает свободное от пешеходов пространство, он закрывает глаза и начинает шагать вслепую, воображая неровности древней булыжной мостовой под мягкими подошвами, вес тонкого клинка на своем боку и длинный черный плащ на плечах, развеваемый ночным ветром. Сама по себе ночь – это дополнительный покров. Он не знает, откуда у него возник столь отчетливый образ Гривано; в книге Уэллса его внешний вид ни разу не описан. Стэнли приходит в голову, что источником мог послужить какой-нибудь киногерой: скажем, Стюарт Грейнджер в роли Скарамуша или даже Зорро из фильма, который он видел еще в детстве. После нескольких шагов он открывает глаза, щурится от солнца и корректирует траекторию своего движения.

Он приближается к группе старых бинго-павильонов, часть из которых закрыта, а другие переоборудованы в залы игровых автоматов. Изнутри доносятся молодые голоса и грохот пинбольных шариков. Он бы охотно вошел и сыграл несколько партий – у него это неплохо получается, – но там могут появиться и «псы», а он сейчас не готов к столкновению, еще не продумал стратегию борьбы с этой шпаной. Если придется, он будет воевать. Возможно, для того чтобы они отстали, будет достаточно выбить из игры пару-тройку «псов». И не просто выбить на короткое время, а отправить их в больницу или даже на кладбище, чтобы другие отнеслись к нему серьезно. Вот только он не уверен, стоит ли нарываться на все эти проблемы, а посему лучше до поры вести себя тихо и не высовываться.

Удаляясь от берега, он пересекает Спидуэй и идет мимо жилых зданий из красного кирпича с магазинчиками на первых этажах. Вымытые дождем улицы сияют чистотой, словно ждут инспекции большого начальства. Исчезли обычные запахи жареной пищи, разлитого алкоголя, блевотины и мочи, доносившиеся из переулков и подворотен, но зато их сменили ранее не ощутимые запахи нефтепромысла, напоминающие смесь из вони переспелых фруктов и тухлых яиц. За бульваром Эббот-Кинни многоэтажки исчезают, уступая место заросшим сорной травой лужайкам за щербатым штакетником и садам, огороженным старыми железнодорожными шпалами. Для этого времени года здесь очень много цветов и свежей зелени: мирт и самшит, хвощи и олеандры, жасмин и ломонос на обрешеченных верандах, космея и алтей вдоль изгородей. Корни слабо держатся за песчаную почву, и длинные стебли растений при всякой возможности норовят прислониться к заборчикам или стенам, укрепляясь и разрастаясь в ущерб своим не столь везучим соседям по грядке.

На другой стороне улицы патриарх с косматой белой гривой толкает по крошечному газону старомодную косилку, тяжело переставляя облепленные сырой травой сандалии. Он таращится на Стэнли, сузив глаза до щелочек за толстыми линзами очков. Стэнли отворачивается.

Ему не известны никакие приметы Уэллса. Он мог бы, сам того не зная, разминуться с ним на улице – и не исключено, что такое уже случилось. Это вполне естественно, однако ему трудно с этим смириться. В своих мечтах Стэнли всегда узнает Уэллса без проблем: их пути пересекаются, взгляды встречаются, и он по ироничному и озорному выражению на лице этого человека тотчас понимает, что перед ним Уэллс. В его фантазиях Уэллс также сразу

опознает Стэнли. Как родственную душу. Как молодого человека, встречи с которым он давно ждет.

Стэнли осознает ребяческую наивность этих мечтаний. Разумеется, на самом деле ему следует наводить справки, общаться с местными, но он не знает, как лучше это устроить. Он научился не привлекать к себе лишнего внимания – что далось ему не так уж легко – и теперь вовсе не рад перспективе сделаться более заметным. За исключением карточных трюков и случайных приработков, он годами не имел прямых контактов с миром добропорядочных и законопослушных граждан. Эти люди – выгуливающие собак, подстригающие газоны, занятые своими каждодневными делами – представляются ему существами другого вида.

Размышляя об этом, Стэнли слышит отцовский голос, произносящий те же самые слова, и улыбается. Вспоминает отца, в парадной форме сидящего на кухне бруклинской квартиры и прихлебывающего молочный напиток. Все прочие – его дед, его дядя, его мама и сам Стэнли – молча стоят перед ним. Стэнли не отрывает взгляда от боевых наград на отцовской груди: медали «За тихоокеанскую кампанию» и «Бронзовой звезды». Всякий раз, когда отец смеется, они начинают похлопывать его по мундиру оливкового цвета.

Чуть позже отец доверил Стэнли протащить его новенький вещмешок часть пути до метро на Бедфорд-авеню и одарил его пригоршней сверкающих десятицентовиков.

– Сваливай оттуда, как только сможешь, – напоследок сказал ему отец, – иначе эти пиявки по капле высосут всю твою кровь.

К тому времени, как красные китаезы уколошили отца (что он сам и предсказывал), Стэнли уже вел незаметную жизнь под стать таракану: тихо проникал в квартиру, когда нуждался в еде и укрытии, и так же тихо исчезал снова, чтобы далее рыскать по окрестностям. Он так и называл себя в ту пору: тараканом. И даже гордился этим сравнением. А спустя еще год, когда умер дед, а мама навсегда потеряла дар речи, Стэнли покинул дом окончательно.

Здание справа от него снизу доверху обросло ползучей бугенвиллеей: только покосившееся крыльцо и пара мансардных окон еще видны среди изумрудной зелени и матово-красных прицветников. Стэнли никак не ожидал обнаружить столь заросшее строение в центре большого города. Что-то движется во дворике среди вьющихся стеблей, – оказывается, это кошка. Затем он видит еще несколько, около дюжины. Один изможденный серый перс смотрит на него с крыльца; он так отощал, что кажется бестелесным, состоящим только из пары желтых глаз и комка шерсти.

Стэнли идет дальше. Шум прибоя стихает у него за спиной. Он размышляет о кошках и заброшенных домах. Об Уэллсе. О Гривано. О черных скорпионах и неведомо чьих глазах, следящих за тобой из глубины джунглей.

Он резко останавливается на тротуаре. «Парикмахерская – вот что мне сейчас нужно», – думает он.

Два часа спустя, когда прибывает автобус из Санта-Моники, Стэнли ждет его на остановке, придерживая за горловину отцовский вещмешок. Он перехватывает Клаудио в дверях, заталкивает его обратно в салон, влезает туда сам, платит за проезд и опускается на

сиденье. Краденые банки сардин брякают в мешке, когда он пристраивает его у себя на коленях.

– Мы едем в Голливуд, – говорит Стэнли.

Клаудио застывает в проходе с отвисшей челюстью. Потом кладет ладонь на короткую стрижку Стэнли.

– Твои волосы, – бормочет он.

Стэнли перехватывает его руку и рывком усаживает Клаудио рядом с собой.

– Оставь это, – говорит он. – Ты слышал, что я сказал? Едем в Голливуд.

– Ты стал похож на солдата, – говорит Клаудио.

Пока автобус едет на юг до конечной станции, а затем вновь направляется на север, Стэнли рассказывает Клаудио то, что узнал от парикмахера. Оказывается, Эдриан Уэллс теперь связан с кинобизнесом: пишет сценарии фильмов и даже иногда их режиссирует. Совсем недавно он закончил съемки неподалеку отсюда, на набережной, и сейчас в Голливуде занимается монтажом отснятых материалов.

– У него там играют несколько больших звезд, – говорит Стэнли. – Даже мне знакомы их имена. Для тебя это может стать звездным часом, приятель.

Клаудио пытается выглядеть спокойным, осмысливая только что услышанное, но Стэнли видит, как его руки от волнения покрываются пупырышками.

– С какой студией Уэллс заключил контракт? – спрашивает он.

– Вроде бы с «Юниверсал пикчерз». По крайней мере, так сказал парикмахер.

– Насколько мне известно, «Юниверсал» находится не в Голливуде, – говорит Клаудио. – Их площадка и офисы расположены за городом. Как нам найти это место?

– Найдем, – заверяет его Стэнли. – Разве это так уж трудно?

Они делают пересадку на бульваре Санта-Моника и направляются вглубь города, мимо прямоугольной белой башни мормонского храма, мимо студии «Фокс» и гольф-клуба, через Беверли-Хиллз. Стэнли не перестает удивляться тому, что кто-то называет эту местность городом. Скорее, это выглядит, как если бы нормальный город порезали на куски и разбросали с самолета куда попало: высокие здания группами или в одиночку без всякого порядка усеивают долину, а улицы с магазинами и частными домами протянулись между ними, подобно нитям грибницы. И всякий раз, когда Стэнли кажется, что они наконец-то добрались до настоящих городских кварталов, через минуту обнаруживается, что это совсем не так.

На перекрестке с Уилширским бульваром они меняются местами. Клаудио пересаживается к окну, чтобы высматривать лица знаменитостей в проезжающих «роллс-ройсах» и «корветах», а Стэнли вполуха слушает его комментарии, параллельно обдумывая план дальнейших действий. Ему бы впору радоваться такой подсказке, существенно облегчающей поиск Уэллса, однако в этом смутно ощущается какая-то неправильность. Не то чтобы он сомневался в словах парикмахера – у того не было никаких причин сбивать Стэнли со следа, – просто полученные сведения не согласуются с тем образом Уэллса, который сложился у него в голове. И это его немного пугает. Так и хочется воскликнуть: «Да при чем тут кино?!» Стэнли чувствует себя обманутым, хотя и не может толком обосновать это чувство. Просто его корбит от мысли, что Уэллс этой книгой создал столь искаженное представление о

самом себе – или, хуже того, не создал никакого представления вообще.

Выбравшись из автобуса, они полчаса бестолково блуждают по бульвару, пока Клаудио не получает наводку перед отелем «Сансет тауэр» от служителя-мексиканца, проболтав с ним гораздо дольше, чем это казалось Стэнли необходимым. Теперь им нужно дойти до остановки 22-го маршрута, который направляется к холмам за городом. Идут они неспешно, глядя по сторонам, и по пути Стэнли комментирует архитектурные выверты здешних кинотеатров: массивные колонны и фараоновы головы «Египта», мавританские стены с бойницами «Эль-Капитана». Клаудио слушает и кивает, то и дело нервно поглядывая на огромные белые буквы близ вершины холма к северу от них, словно боясь пропустить момент их исчезновения в наползающей дымке.

На подходе к «Китайскому театру Граумана» Клаудио внезапно ускоряется, что-то пробормотав по-испански, и выбегает на широкую площадку перед его фасадом. Стэнли со скептической усмешкой следует за ним, а между тем Клаудио уже замер в состоянии полутранса, глядя себе под ноги, словно в попытке найти утерянную монету. Стэнли смотрит вниз и видит отпечатки рук и ступней, а также имена и надписи, некогда оставленные в жидком цементном растворе. В первый момент это вызывает у него ассоциацию с граффити типа «ГГ + ВК» и отпечатками крылатых семян клена на бетонных дорожках нью-йоркского парка. Затем он присматривается к этим надписям и замедляет шаг.

Кармен Миранда. Джанет Гейнор. Эдди Кантор. «Приветствую тебя, Сид». Мэри Пикфорд. Джинджер Роджерс. Фред Астер. Параллельные полосы от коньков Сони Хени. «Мои поздравления, Сид, вовеки». Круглые очки Гарольда Ллойда. Лоретта Янг. Тайрон Пауэр. «Сиду – по стопам моего отца». Перемещаясь к очередной надписи, Стэнли представляет себе минуту, когда она была сделана: как звезды смеются под огнем фотовспышек и картинно машут испачканными в цементе руками. Подобно детям, играющим в грязи. «Таково, значит, быть знаменитыми», – думает он.

Он поворачивается, готовый отпустить язвительную шутку, но его останавливает выражение лица Клаудио: столь откровенно восторженное, столь перенасыщенное благоговением, что Стэнли сей же миг разражается хохотом. Он даже садится прямо на бетон – рядом с отпечатком копыта Чемпиона, любимого коня Джина Отри, – чтобы перевести дух.

Двадцать второй автобус после краткой остановки у белой раковины «Голливудской чаши» углубляется в засушливую холмистую местность и наконец высаживает их перед входом на территорию «Юниверсал-Сити». Стэнли ожидал увидеть здесь поток машин с покидающими студию после смены рядовыми бойцами шоу-бизнеса, но никакого движения через ворота не происходит. При первом же взгляде на будку охранника он догадывается, что им тут ничего не светит, но все же решает попробовать.

– Извините за беспокойство, – говорит Стэнли, приблизившись к охраннику, – я приехал, чтобы повидаться с Эдрианом Уэллсом.

Охранник – плосконосый, с резкими морщинами на лице – закрывает роман Германа Вука, используя в качестве закладки вынутый из-за уха карандаш, и смотрит на Стэнли и Клаудио. Взгляд голубых глаз внимателен, но лишен всякого выражения.

– Эдриан Уэллс... – повторяет он.

– Верно.

– Не припоминаю такого, – говорит охранник. – Где находится его офис?

– Он здесь монтирует фильм. Он сценарист. И режиссер.

Охранник качает головой.

– Этот не из наших, – говорит он. – Может, он просто арендует здесь одну из монтажных?

– Может, и так.

– Что ж, первым делом вам надо выяснить, в каком корпусе он находится, затем он должен позвонить сюда, чтобы я занес вас в список визитеров, и тогда я вас пропущу.

До этого момента Стэнли мучительно пытался придумать ответ на ожидаемое: «У вас назначена встреча?», но этот вопрос так и не прозвучал. «По виду человека всегда можно определить, был ли он на войне», – говаривал его отец, не вдаваясь в подробные пояснения. И вот сейчас, глядя на этого человека, Стэнли отчетливо понимает, что он побывал на войне.

– Я не хочу доставлять людям лишние хлопоты, – говорит Стэнли. – Если вы просто пропустите меня и моего друга внутрь, мы найдем его сами, я в этом уверен.

Страж кривит губы в улыбочке.

– А вот я в этом совсем не уверен, – говорит он. – У меня за спиной больше двух сотен акров студийной собственности. И я не хочу разыскивать вас там, когда вы потеряетесь.

Стэнли понимающе кивает и смотрит на асфальт у себя под ногами. Волоски, приставшие к воротнику после стрижки, неприятно колют шею. Он вновь поднимает голову.

– Послушайте, – говорит он, – я проделал долгий путь, чтобы встретиться с этим человеком. И я не собираюсь вас дурачить. Я знаю, что ваша работа заключается как раз в том, чтобы не пускать внутрь посторонних вроде меня. Но я даю вам слово: если вы нас впустите, мы не создадим вам никаких проблем. О'кей?

Эта речь не производит впечатления на охранника.

– В любом случае этот ваш человек должен скоро уже закруглиться с работой, – говорит он. – Может, вам стоит его дождаться и потом побеседовать где-нибудь на стороне, пропустить по стаканчику... – Он еще раз оглядывает Стэнли и Клаудио. – Или по молочному коктейлю.

– Спасибо за то, что уделили нам время, – говорит Стэнли, и они идут прочь от будки.

В нескольких сотнях ярдов на юг вдоль Голливудской трассы начинается подъем на западный склон Кауэнги. Преодолевая его, они проходят через эвкалиптовую рощу и попадают в сонно-безлюдный поселок с узкими улицами и далеко отстоящими друг от друга домами. Ближе к концу подъема, на заросшей лужайке перед одним из домов, валяются пачки газет за три последних дня. Стэнли сворачивает на выложенную плитняком дорожку и открывает деревянные ворота.

На заднем дворе полно изжеванных теннисных мячиков и кучек засохшего собачьего дерма, но никаких собак не видно. В ограде есть лаз – две раздвинутые доски с клочками черной шерсти на щербинах, – которым пользуется Стэнли, тогда как Клаудио берет препятствие прыжком. Немного погодя, продравшись через густую высокую траву, они оказываются на краю клиновидного утеса над пересохшим ручьем. С этой позиции открывается вид на заходящее за горы солнце, на реку Лос-Анджелес в бетонном русле и на обширный комплекс строений «Юниверсала» прямо под ними. Из зарослей сумаха шумно взмывают синицы и, перекликаясь, уносятся вниз по склону. Ласточки стремительно рассекают воздух и возвращаются в свои гнезда на откосах вдоль трассы. Вдали, среди полыни и вечнозеленых дубков, можно разглядеть проволочную ограду, которая бледной полосой тянется примерно

на четверть мили к северо-востоку, а потом загибается и исчезает из виду. Осматривая улочки между студийными павильонами и офисными зданиями, Стэнли не замечает там никакого движения.

Какое-то время они сидят на утесе и жуют вялые прошлогодние яблоки, а когда до них добирается тень от гор, бросают огрызки в сухое русло и начинают спуск.

Следующие полчаса они проводят в кустах перед оградой, сквозь сетку наблюдая за территорией студии. Небо становится темно-синим, на улочках загораются фонари, но не видно никаких признаков жизни; лишь однажды по дальнему зданию проскальзывает свет фар. Пора действовать. Стэнли и Клаудио снимают свои куртки, и Стэнли вставляет их одну в другую, просовывая рукава Клаудио внутрь своих. При этом из карманов сыпется песок, попавший туда во время их ночевки на пляже, побуждая его на секунду задуматься о множестве посещенных им мест и огромности расстояний, которые ему довелось преодолеть.

Затем он вручает куртки Клаудио и, примерившись, с разбега бросается на один из столбов ограждения. В последний момент Клаудио подхватывает ногу Стэнли и толкает его вверх. Удар выворачивает из рыхлого грунта бетонную чушку в основании столба, и тот клонится назад вместе с повисшим на нем Стэнли. А тот уже зацепился за верхнюю перекладину, над которой натянуты четыре ряда колючей проволоки. Клаудио подает ему куртки, Стэнли накрывает ими колючку и переваливается на ту сторону. Поднявшись с земли после неловкого падения и отряхивая с себя пыль, он обнаруживает Клаудио уже здесь, на внутренней стороне ограды, – тот подпрыгивает, дюйм за дюймом стягивая их одежду с проволоки.

Они минуют импозантный фасад здания суда (само здание за фасадом отсутствует) и обходят ложе искусственного озера, вода из которого спущена, а береговые скаты облеплены черной ряской. Ветерок, дующий с перевала Кауэнга, шевелит кроны деревьев, просеивая сквозь листву свет немногочисленных фонарей. Двигаясь в западном направлении, они обнаруживают все новые бутафорские постройки, включая соломенные хижины среди пальм, замызганный горняцкий поселок и типичную мексиканскую деревушку. Тут и там разбросанные окурки и корявые граффити дают понять, что они далеко не первые незваные гости, перебравшиеся через ограду. В отдалении возникают и плывут в их сторону лучи фар; они замирают у стены, пережидая их неторопливое двойное касание.

Постоянно слышится глухой шум – то ли падающей воды, то ли каких-то невидимых механизмов, то ли просто ветра, понять невозможно. Они ускоряют шаг, продираются через живую изгородь и видят новые декорации, на сей раз более изощренные: корпус огромного паровоза, зубчатые стены средневекового замка, отрезок старомодно-экстравагантной улицы.

– Это, случайно, не Париж? – спрашивает Стэнли, шагая по булыжной мостовой. – Как по-твоему?

– Да, – говорит Клаудио, озираясь. – Это Европа. Должно быть, Париж.

– А ты бывал в Париже?

– Никогда.

– Тогда с чего ты взял, что это Париж? Здесь нет Эйфелевой башни и всего прочего, что там есть у них.

Клаудио глядит мимо него.

– Ты первый упомянул Париж, – говорит он. – Я только повторил за тобой.

– Может, мы считаем это Парижем только потому, что он похож на тот Париж, каким его показывают в фильмах? А что, если настоящий Париж не имеет ничего общего с киношным? Может, настоящий Париж больше похож на Китай. Откуда нам знать?

Впереди появляется круглый фонтан, украшенный четырьмя крылатыми львами; его высохшая чаша заполнена шарами перекасти-поля, занесенными из ближайшего псевдогородка Дикого Запада. Ветер слабеет и меняет направление, принося запах гари, от которого у Стэнли щиплет в носу.

– Да тут вообще запустение, – говорит он.

– А здесь никто и не жил. Это все ненастоящее.

– Сам понимаю, не такой уж я тупой. Я хотел сказать, что все эти штуковины давно никто не использует. Похоже, лавочка закрылась.

Клаудио заметно нервничает.

– Теперь съемки чаще проходят на натуре, – говорит он. – Так оно правдоподобнее... Ты чувствуешь, пахнет горелым?

Повернув за угол, они натываются на гору обугленного гипсокартона и покореженных ферм: декорации городского квартала, недавно уничтоженные пожаром. Мостовая и сточные канавы покрыты толстым слоем сажи и пепла, которые с шорохом струятся по их лодыжкам при порывах ветра. Смрад такой, что становится трудно дышать. Стэнли осматривает уцелевшие сооружения по соседству, дабы понять, что здесь находилось – то есть подразумевалось – прежде. Видит фасады универмагов и театров, нижние этажи небоскребов в гранитной облицовке. Это Нью-Йорк.

Они спешат удалиться от пожарища. Следующий квартал состоит из солидных особняков с черными балюстрадами и решетчатыми окнами, а вдоль тротуаров выстроились изогнутые крючком фонари. Бруклин как под копирку. И хотя в действительности здесь нет ничего общего с городом, в котором он вырос, Стэнли знает, что на киноэкране он принял бы это за реальный Нью-Йорк, ничуть не усомнившись. Он вспоминает ранее виденные фильмы с изображением хорошо знакомых улиц. Некоторые из них вполне могли быть сняты в этих самых декорациях. Сейчас, уже задним числом, он вспоминает, что подобные сцены всякий раз казались ему какими-то неестественными, но до сей минуты и в голову не приходило, что даже дома и улицы там могли быть подделкой. И он чувствует себя одураченным.

– Стэнли! – слышится громкий шепот Клаудио, который призывно машет из закутка между стеной и крыльцом, куда сам он успел забиться.

Однако уже поздно: на Стэнли падает свет фар. Машина по инерции продолжает разворот, и лучи уходят в сторону, оставляя его в темноте, но тут же раздается визг тормозов.

Стэнли и Клаудио пускаются наутек, сворачивают за угол, перебегают улицу и прячутся в кустах рядом с муляжом новоанглийской церквушки. С того места, где они только что стояли, доносится хлопок автомобильной двери, потом еще один.

– Тебя засекли? – спрашивает Клаудио.

– Ясное дело.

– И что теперь?

Стэнли не отвечает. Отсюда недалеко до проволочной ограды, но на ее преодоление может не хватить времени. Кроме того, ограда в этом месте вплотную подходит к реке, и спрыгивать с нее придется на забетонированный береговой откос, что в темноте чревато травмами. Но и бежать вглубь незнакомой студийной территории рискованно: они могут очутиться в тупике, где их возьмут тепленькими. А путь, которым они сюда пришли, теперь перекрыт.

Два белых луча обшаривают фасады особняков на только что покинутой ими улице. Очень яркие лучи – должно быть, от прожекторных фонарей с мощными аккумуляторами. Эти студийные охранники передвигаются в манере копов – сохраняя между собой дистанцию и не направляя свет друг на друга, – и Стэнли понимает, что сбить их со следа будет непросто. У стража ворот он пистолета не заметил, но насчет этих двоих можно не сомневаться: они идут сквозь темноту решительно, как люди со стволами.

– Надо делать ноги, – шепчет Клаудио. – Они нас найдут.

– Сиди тихо, и все обойдется.

– Нет смысла сидеть здесь. И нам не найти надежного укрытия. Они тут знают каждый закоулок.

– Если сейчас побежим, станем для них мишенями. Они только этого и ждут: спугнуть нас, чтобы потом подстрелить. Я проделал такой путь не затем, чтобы схлопотать пулю от этих клоунов.

– Послушай, Стэнли, твоего Уэллса здесь нет. Здесь вообще никого нет, кроме охраны. Нам незачем тут оставаться.

Охранники уже подошли достаточно близко, чтобы можно было разглядеть их лица: красивые, спокойные, уверенные. У каждого в правой руке револьвер, судя по виду – стандартный полицейский «кольт» 38-го калибра. Скорее всего, это копы, которые по ночам, в свободное от службы время, подрабатывают в охране. Такие без колебаний спустят курок. Стэнли прикидывает варианты: что, если Клаудио отвлечет одного из них, и тогда можно будет увести за собой второго, а потом внезапно напасть на него и завладеть оружием. Скажем, добраться до кучи обломков, которую они проходили ранее, а уж там наверняка найдется что-нибудь увесистое, типа куска арматуры, которым можно проломить череп.

– Я к ним выйду, – говорит Клаудио.

– Что?

– Я сейчас к ним выйду. А когда они меня задержат и уведут, ты выберешься тем же путем через ограду. Встретимся на трассе, у автобусной остановки.

Стэнли перестает следить за перемещениями фонарей и поворачивается к приятелю.

– Ты вконец уже сбрендил? – шипит он. – Что значит «ты к ним выйдешь»? И что ты будешь делать?

Клаудио продолжает смотреть на охранников, переводя взгляд с одного на другого; Стэнли ощущает на своем плече его твердую и теплую ладонь.

– Я с ними поговорю.

Стэнли тяжело вздыхает.

– Если они сдадут тебя в участок, тебе крышка, – говорит он. – В лучшем случае тебя вышлют обратно в Мексику. Ты

этого хочешь?

– Они не сдадут меня в участок.

– Да? А с чего ты так решил, умник?

– Я буду плакать и всячески извиняться. Это не проблема. – Он ухмыляется, глядя на Стэнли.
– И потом, я выгляжу как приличный американский юноша.

Стэнли открывает рот, чтобы возразить, но Клаудио уже поднимается и выходит из кустов.

– Если через час меня не будет на остановке, – говорит он вполголоса, – возвращайся на берег. Встретимся в нашем логове.

И вот уже он медленно идет посередине улицы с высоко поднятыми руками. Стэнли наблюдает из укрытия. Лучи фонарей, скользя по мостовой, скрещиваются на Клаудио, и его темный силуэт четко обрисовывается в ореоле их света.

– Добрый вечер, друзья, – говорит он громко. – Кажется, я заблудился.

Стук сердца отдается в горле и висках Стэнли. Он лежит на земле, боясь пошевелиться. Охранники приближаются к Клаудио, невидимые за слепящим светом своих фонарей. Их дальнейшего разговора Стэнли не слышит. Один из лучей перемещается от Клаудио в сторону кустов, из которых тот появился. Стэнли зарывается лицом в перегной.

Луч проходит над ним – один, два, три раза. Выждав после этого примерно полминуты, он поднимает голову. Охранники уже спрятали оружие в кобуры; один из них светит в спину Клаудио, тогда как второй стоит спереди, положив руку ему на шею. Похоже, он выкручивает Клаудио ухо, как учитель школьнику; с другой стороны, этот жест можно счесть и вполне дружелюбным. Его фонарь направлен снизу в подбородок Клаудио, чье выражение лица прочесть невозможно: глаза и рот скрыты черными тенями. В следующий момент все трое разворачиваются и вскоре исчезают за углом.

Стэнли не двигается, прислушиваясь к звуку запускаемого двигателя и шороху колес; свет фар в каньоне меж бутафорских фасадов понемногу слабеет. Все это, как ему кажется, длится невероятно долго. Наконец вокруг снова тьма и тишина. Стэнли встает и быстрым шагом направляется к погорелому кварталу и далее, повторяя их с Клаудио путь в обратном направлении.

До места, где они проникли на территорию студии, он добирается за считанные минуты, но после двух неудачных попыток перелезть через ограждение понимает, что в одиночку ему это не по силам. Теперь необходимо наклонить столб наружу, но сделать это без помощи Клаудио он не может. Надо искать другие варианты. Поскольку к югу отсюда слишком много огней и жилых домов, он идет в противоположную сторону, к реке, высматривая, не удастся ли где-нибудь пролезть под нижним краем сетки. Но это безнадежно: повсюду между столбами в дюйме от земли туго натянут проволочный трос. В конце концов он доходит до крутого поворота ограды, где угловой столб снабжен дополнительной опорной стойкой, и это дает ему шанс. Он перебрасывает через ограду свою куртку, за ней вещевой мешок и вздрагивает от шума, с которым тот падает на твердую почву. Потом начинает взбираться сам, цепляясь пальцами и носками ботинок за сетку. Уже на самом верху страх и нетерпение приводят к излишней спешке, он неудачно переносит ногу через колючую проволоку, джинсы рвутся и расползаются в районе голени, на несколько секунд Стэнли беспомощно замирает, клонясь вперед, – еще немного, и под действием собственного веса он полетит с этой высоты вниз головой. Но ему все же удастся сохранить равновесие, сделать паузу и отдышаться – глядя на черный гребень горы Ли, затмевающий огни большого города, – а затем потихоньку высвободить ногу и спрыгнуть на землю.

Теперь он идет вдоль ограждения на юг, пока не появляются уличные фонари, асфальт под ногами и свет в окнах домов, где пожилые пары играют в кункен, а семьи с детьми поудобнее устраиваются перед телевизорами. Кровь на ободранной лодыжке подсохла, и он переходит на бег, ибо не уверен в том, сколько сейчас времени. Клаудио назначил встречу через час, а, по ощущениям Стэнли, уже прошло никак не меньше с момента их расставания – ни тот ни другой, понятно, не имеют часов.

Когда он выходит к автобусной остановке, Клаудио там нет. Стэнли бросает вещмешок на скамью и садится. Потом встает и смотрит на закрытые ворота и студийные владения за ними. Там не заметно никакого движения, даже отсветов автомобильных фар. На востоке темный массив Кауэнги обретает все более отчетливые контуры на фоне фиолетового неба, и через несколько минут из-за горы появляется красноватая, слегка ущербная луна. Стэнли наблюдает за тем, как она плывет по небосводу, постепенно сменяя цвет на желтый, а затем на серебристо-белый.

Он вновь садится на скамью и достает из мешка «Зеркального вора». Фонарь над ним дает достаточно света, но Стэнли не читает, не может сконцентрироваться. На миг у него возникает желание со всей силы швырнуть эту книгу в сторону ворот. Он представляет себе, как в полете она превращается в огненный вал и дочиста выжигает всю долину – или оборачивается гигантской совой, летит сквозь тьму, находит Клаудио и переносит его в безопасное место. Стэнли верит, что книга на такое способна. Он верит в ее чудотворную силу.

Но бросок остается лишь воображаемым. Закрытая книга бездельно лежит у него на коленях, как заклинивший пистолет, а Стэнли цитирует ее содержимое по памяти.

Створки врат Онира к западу раскрылись,

как оскал разверстый черепа пустого.

И сквозь сон Гривано смехом поощряет

яростный огонь: «В нем вся суть процесса, –

говорит алхимик. – Пусть пылает ярче

и не угасает». Это верный способ:

лишние субстанции пламя удалит,

бот-бар-бот за дверцей раскаленной печи

под покровом ночи новый день творит.

Интересно, а как поступил бы на его месте Гривано? Вопрос нелепый по множеству причин. И прежде всего потому, что Гривано действовал бы в одиночку – или, по крайней мере, только с теми сообщниками, которых он смог бы покинуть без сожаления. Стэнли, конечно, не обладает набором знаний Эдриана Уэллса по разным предметам – истории, алхимии, древним языкам, магии, – но в темных делах у него есть кое-какой опыт. И Уэллс наверняка знает в них толк.

Последний ночной автобус притормаживает перед остановкой и следует дальше без Стэнли. Он тоскливо думает, как потом будет добираться до побережья. Откладывает книгу, встает и

начинает нервно ходить вокруг скамейки, время от времени нагибаясь, чтобы отскрести с ноги засохшую кровь. Проезжающая по трассе патрульная машина сбрасывает скорость. Копы смотрят на Стэнли, он смотрит на копов. Машина останавливается, но через пару секунд вновь набирает ход. Стэнли провожает копов громкой бранью. Потом он ругает Клаудио, ругает себя – и так, бормоча проклятия, возобновляет хождение по кругу. А еще через какое-то время начинает стонать, обхватив себя руками и сгибаясь пополам, испытывая непривычное чувство: не столько страх, сколько физиологический позыв, как перед чихом или опорожнением кишечника.

Вдали на территории студии появляются горящие фары. Стэнли опускается на скамью и ждет их приближения. Белый седан без номеров подкатывает к воротам. Открывается задняя дверь, из салона вылезает Клаудио. Он наклоняется к окошку водителя, что-то говорит, затем поднимает ладонь в прощальном жесте и проходит через калитку. Белая машина разворачивается и уезжает туда, откуда приехала. Клаудио идет к автобусной остановке, сунув руки в карманы. Стэнли обозначает себя взмахом руки. Клаудио не машет ему в ответ.

Когда Клаудио вступает в круг света от фонаря над остановкой, Стэнли бросается к нему, хватая за плечи и начинает трясти.

– Черт побери, чувак! – восклицает он.

Клаудио вырывается из его рук и отталкивает Стэнли, который пятится обратно до скамьи. Клаудио выставляет вперед подбородок и яростно кривит рот.

– Отвали, кретин! – говорит он.

– Да что с тобой? Я просто рад тебя видеть целехоньким, только и всего. Что случилось?

Клаудио отворачивается, качая головой. Потом снова смотрит на Стэнли.

– Тот фильм, который снимал твой Уэллс на берегу, – как он называется?

– Не помню, – говорит Стэнли. – Кажется, парикмахер этого не сказал.

– По твоим словам, в нем снимались большие звезды, чьи имена знакомы даже тебе, так? Ты можешь сейчас назвать эти имена, Стэнли?

– Вряд ли я вспомню, чувак. Эта голливудская фигня не держится у меня в голове...

– Может, среди них был мистер Чарлтон Хестон?

Стэнли на секунду задумывается.

– А ведь и впрямь! – говорит он. – Там был Чарлтон Хестон! Мастер с ним даже встречался. Вроде как Чарлтон Хестон заходил в его салон вместе с какой-то известной актрисой.

– Ее звали Марлен Дитрих? – уточняет Клаудио. – Или Джанет Ли?

– Кажется, вторая. Джанет. Насколько помню.

Клаудио подходит к нему почти вплотную. Его дыхание убыстряется. Он смотрит на Стэнли темными бездонными глазами.

– А ты уверен, – произносит он свистящим шепотом, – что парикмахер называл имя

Эдриан, говоря об Уэллсе?

В город они возвращаются пешком, ориентируясь сначала по луне, затем по общему уклону местности от перевала к морю и, наконец, по периодически проглядывающей сквозь придорожную листву гигантской надписи «ГОЛЛИВУД». К тому времени, как они добираются до бульвара Санта-Моника, оба уже вконец отупели от усталости, так что сил хватает лишь на то, чтобы перелезть через каменную ограду кладбища и вскрыть дверь какого-то помпезного склепа. Остаток ночи они проводят в полудреме на холодных мраморных плитах, за все это время обменявшись едва ли парой слов.

Утро начинается густым туманом, который, однако, быстро идет на убыль – соскальзывает с города, как стянутая кем-то драпировка. Пока Клаудио не проснулся, Стэнли разминает затекшие ноги, прогуливаясь среди могил: прямоугольников подстриженной травы с каменными ангелами, обелисками и склепами среди темных стволов пальм и кедров. Ничего подобного ему еще видеть не доводилось, даже в воображении. Скрестив руки и потирая стынувшие локти, он думает об умерших людях, которых когда-то знал, и о том, что с ними случилось впоследствии, куда они ушли после смерти.

Он достает из вещмешка флягу с водой и относительно чистую тряпочку, промывает и перевязывает рану на ноге. Надо будет украсть новые джинсы – старые порваны и запачканы кровью. Покончив с перевязкой, он достает пакет крекеров, банку сардин и «Зеркального вора», садится на камень, подкрепляется и листает страницы, одновременно прислушиваясь к шуму машин на бульваре, крикам чаек в облаках и прочим звукам пробуждающегося города.

Гривано затаился среди костей и змей.

Аргоубийцы крылья над гребнем Белых скал

уносят его в край теней и снов.

Вот Океана даль, где сгинул Ариан!

Но мученичество не под стать Гривано.

Он отступник!

И жатву сна снимает его флейта

с клочков земли, принадлежащих мертвым.

Когда Клаудио вылезает из склепа, он сам на себя не похож – хмурый, задумчиво-молчаливый, – но Стэнли его тормозит, выводя из этого состояния и привлекая к решению насущной проблемы: надо поскорее вернуться в убежище, притом что с деньгами у них совсем плохо. Пройдя несколько кварталов, они замечают на крыльце двухэтажного дома два больших пакета с пустыми бутылками из-под содовой, быстро и аккуратно их подхватывают, стараясь не выдать себя звоном, и спешат дальше по бульвару. Открытая аптека попадает только через милю, зато вырученной за стеклотару суммы хватает не только на автобус до пляжа, но еще и на полноценный завтрак.

Они заходят в оживленный кафетерий «Барниз» на повороте бульвара – здесь Санта-Моника

загибается к югу, в сторону океана, – и заказывают кофе, бекон и олады. Большинство посетителей одето по-деловому, в костюмах и шляпах – видимо, сотрудники «Парамаунта» или «Голдвина», заскочившие перекусить по пути на работу, а также врачи-евреи из Синайского медицинского центра. За дальним угловым столиком сидят вразвалку, пуская кольцами сигаретный дым, стилисты с осоловелыми глазами – эти еще не ложились после ночных гуляний. У стойки бара владелец заведения беседует с двумя субтильными женоподобными типами в коротких курточках одинакового фасона, при этом находясь всего в полушаге от надписи черным по розовому: «ПЕДЕРАСТАМ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО». Стэнли и Клаудио озадаченно переглядываются. Это что, приколы такой? Он хоть понимает, с кем сам сейчас болтает?

Когда они выходят на улицу, к остановке как раз подруливает автобус номер 75, направляющийся в сторону берега, но тут Клаудио оглядывается на только что покинутый ресторанчик и застывает как вкопанный.

– Рамон Новарро, – шепчет он.

– Кто?

– Рамон Новарро! Вон там, заходит в кафешку!

Клаудио уже готов броситься вслед за своим кумиром, но Стэнли его перехватывает и запикивает в автобус.

– Угомонись, – говорит он. – Мы едем обратно.

Едва опустившись на сиденье, Клаудио прилипает носом к мутному от копоти стеклу и глядит назад, выворачивая шею.

– Поверить не могу, – говорит он. – Рамон Новарро завтракает в том же самом месте! Надо было с ним поговорить.

– Да кто он такой?

– Рамон Новарро! Звездная роль в «Бен-Гуре»! Играл в «Арабе» и «Узнике замка Зенда»! Это же эпохальные фильмы!

И пока автобус катит мимо фонтанов и беседок Беверли-парка, Клаудио в захлеб расписывает ему карьеру Рамона Новарро, перемежая факты биографии сюжетами его фильмов, что в результате образует сумбурную мешанину, восторженно-романтическую по тону и совершенно невразумительную по смыслу. Стэнли слушает его лишь краем уха. Опустив голову и сомкнув веки, он позволяет урчанию мотора потихоньку себя убаюкивать. Ему видится Клаудио одиноким мальчишкой в Эрмосильо: как он перелистывает тонкими пальцами выцветшие страницы американских журналов и как широко распахиваются его черные глаза, когда гаснет свет в кинозале перед началом сеанса...

Время уже близится к полудню, когда перед ними открывается вид на океан. По пути через Санта-Монику они пополняют свои запасы в паре бакалейных лавок: пока Клаудио отводит глаза продавцам – «чертов мексикашка ни бельмеса по-английски!», – Стэнли разживается фруктами, крекерами и мясными консервами. В качестве бонуса он прихватывает кварту молока и пару шоколадных батончиков, но Клаудио не впечатляет и это. Вместе с усталостью растет и его раздражение. Туман рассеивается. Становится теплее.

Клаудио запивает шоколад молоком и передает бутылку Стэнли.

– Что будем делать теперь? – спрашивает он.

– Не знаю. Можем поваляться на пляже. Вздремнем. Или ты не об этом?

– Я о том, как мы раздобудем деньги?

Голос его звучит отрешенно, механически, словно он затевает старый спор только по привычке, чтобы отвлечься от каких-то других мыслей. Стэнли бросает на него быстрый взгляд.

– Деньги? – переспрашивает он и бряцает консервами, встряхивая свой мешок. – У нас тут еды на три дня. Нагрузился так, что еле тащу. На что нам еще нужны деньги?

Лицо Клаудио искажается гримасой, но взгляд остается неподвижным.

– Деньги нужны на жилье, – говорит он. – Чтобы найти подходящее место и там обосноваться.

– Обосноваться? Что значит «обосноваться»? Ты хотя бы понимаешь значение этого слова?

– Я понимаю его значение. И я понимаю, что мы не можем дальше продолжать в том же духе.

Стэнли встает и закидывает вещмешок на плечо.

– Вот, значит, как? Говори за себя, приятель. Я живу таким манером с двенадцати лет. Если тебе это не подходит, очень жаль. Слабак ты гомосеичий.

Клаудио бледнеет, но не поддается на провокацию, и Стэнли уже начинает сожалеть о сказанном.

– Я тебе помогал, – говорит Клаудио. – Я помогал искать нужного тебе человека. Теперь твоя очередь помочь мне.

– Ну да, конечно, ты помогал. Ты ведь совсем не хотел повидать Голливуд, верно? Эта поездка была великой жертвой с твоей стороны. Чем я могу тебе отплатить?

Чайки беззвучно парят над ними в прозрачном воздухе; их четкие тени с расправленными неподвижными крыльями скользят по асфальту, как подвески-мобили над колыбелью младенца. Стэнли сходит с променада на песок. Клаудио следует за ним. Ближе к воде ветер становится холоднее; на пляже почти нет людей. Мимо проходят две старухи с вязанками отполированного волнами плавника. Неподалеку голый по пояс худой мужчина в черном берете стоит перед мольбертом, грунтуя холст. Кулики убегают от идущих вдоль полосы прибоя Стэнли и Клаудио, останавливаются, но с их приближением вновь ударяются в бегство.

К югу пляж раздается вширь, и когда они оказываются на достаточном расстоянии от набережной – то есть достаточно далеко, чтобы патрульные копы поленились делать крюк ради каких-то бродяг, – Стэнли садится на песок. Прилив в самом разгаре: высокие волны накатывают на берег, смывая храмы и башни тщательного воздвигнутого кем-то песочного города. Плоская черная деревяшка застряла там, где раньше была главная городская площадь; Клаудио нагибается, чтобы ее поднять. Похоже на обгорелую доску от старого корабля, густо облепленную ракушками и, вероятно, не один год проплававшую в океане. Клаудио бросает находку в следующую волну, которая уносит ее с откатом. Вдали, за пенистыми валами прибоя, море предстает однотонной, мерцающей серебристой полосой.

В конце концов Клаудио присаживается рядом со Стэнли. Тот отряхивает песок с ладони и проводит ею снизу вверх по худой спине приятеля. Клаудио вздрагивает, но потом расслабляется.

– Ты сможешь мне добыть деньги, – говорит он.

Стэнли глядит на горизонт, усеянный солнечными бликами, пока не начинают слезиться глаза.

– Предлагаешь вернуться к трюку с картами? – спрашивает он. – Это давало недурной доход.

– Те гопники снова к нам прицепятся.

– Можем делать это в городе. Переберемся поближе к Голливуду.

– Нет смысла. В каждом районе свои банды.

Клаудио закатывает рваную штанину Стэнли, снимает повязку с голени, молча осматривает рану и вновь ее перевязывает. Кладет руку на колено Стэнли. Потом сдвигает ее на бедро.

Стэнли склоняется к нему и в этот момент замечает что-то на волнах справа от них.

– Ты это видишь? – спрашивает он.

– Что?

– Да вон же! – Стэнли показывает пальцем.

На полпути до линии волнорезов гладкие волны качают, то поднимая, то скрывая, три черных сферических предмета. Они похожи на головы водолазов, всплывших, чтобы понаблюдать за берегом.

– Не вижу.

– Приглядиись! Там их три штуки.

Стэнли становится на колени позади Клаудио и кладет ему на плечо руку, вытянутую в направлении непонятных предметов.

– Смотри внимательно, – говорит он. – Вон там.

Так они сидят с минуту. Рука Стэнли приподнимается и опускается в такт дыханию Клаудио. Одна сфера скрывается под водой, за ней вторая, а потом и третья.

– Теперь исчезли. Ты видел?

Клаудио отвечает не сразу.

– Там ничего не было, – говорит он.

Стэнли откидывается спиной на песок. Закрывает глаза.

– Черт побери, – бормочет он, – мне надо поспать.

Солнце греет его лицо, его веки. Рука Клаудио дотрагивается до его живота.

– А как ты добывал деньги в Нью-Йорке? – спрашивает Клаудио.

Стэнли через песок чувствует спиной удары волн, и это убаюкивает его так же, как ранее рокот автобусного мотора.

– Разными способами, – говорит он.

– Какими, например?

– Чтобы такое проворачивать, нужно сколотить команду. Нам эти способы не подходят.

– Неужто нет ничего подходящего для работы на пару? Ты уверен?

Стэнли делает глубокий вдох. Шум моря, как в поднесенной к уху раковине, нагоняет сон.

– Пожалуй, мы могли бы облегчать ужратиков, – сонно бормочет он.

– Кого?

– Ужратиков. Пьянчуг, ужратых в стельку. Избавлять их от бумажников. Это несложно.

– И при этом их бить?

– Не обязательно, разве что они полезут на рожон. Да и тогда они часто падают сами раньше, чем их ударишь. А в большинстве случаев они даже не понимают, что происходит.

– Мне не очень-то нравится эта идея.

– Хорошо. Когда придумаешь что-нибудь получше, дай мне знать.

– У меня есть идеи, – говорит Клаудио.

Стэнли кажется, что он спал всего пару секунд, но когда он пробуждается, чувствуя себя летящим в пропасть, в горле у него пересохло, на губы налипли песчинки, и все вокруг залито оранжевым светом. Солнце раздулось до чудовищных размеров, но его диск не раскален и уже частично погрузился за линию горизонта. Клаудио ушел.

Он с трудом поднимается на ноги, сердце гулко колотится в груди. Прилив отступает, но волны покрупнее еще оставляют пенный след всего в нескольких ярдах от него. В очередной набегающей волне, под самым гребнем, Стэнли видит темный продолговатый предмет, похожий на бревно или ствол пальмы, смытой с какого-то берега. Затем вдруг возникает пара блестящих глаз, и предмет, изогнувшись дугой, стремительно исчезает в толще воды. Чуть подальше среди волн мелькают два его собрата. Тюлени. Морские львы. Вот тебе и давешние водолазы. Стэнли смеется над собой.

На набережной загораются фонари, перед аркадами кипит людской водоворот, слышатся крики и смех. Поодаль в тени сжимают горлышки бутылок угрюмые личности, обшаривая глазами толпу. У входа в павильон Стэнли замечает парочку «береговых псов», но их лица ему незнакомы: должно быть, из нового пополнения банды, совсем еще зеленые. Он опускает вещмешок на скамью, роется в его недрах и на самом дне, среди банок с консервами, находит самодельный кистень с «билом» в виде клинообразного кожаного мешочка, наполненного крупной дробью. Стэнли изготовил его из подручных материалов несколько месяцев назад на одном из ранчо в Колорадо – или в Нью-Мексико. Он засовывает его сзади за ремень джинсов, прикрывает курткой и завязывает мешок.

Двигаясь вдоль набережной, Стэнли всматривается в толпу, особое внимание уделяя сплоченным группам, – у него такое подозрение, что Клаудио сейчас уже не в одиночестве. Но пока что его не видно ни под арками, ни на скамейках. Напротив пирса Стэнли разворачивается и вновь идет на юг, попутно заглядывая в боковые переулки. Трескучий рев множества мотоциклетных двигателей на одной из соседних улиц сигнализирует о движении целой орды байкеров. Это значит, что «псы» этим вечером будут рыскать поближе к берегу, избегая стычек с заведомо проигрышным исходом. Стэнли прибавляет шаг.

Навстречу ему по тротуару движется компания нарочито неряшливых хипстеров: два бородача в плетеных сандалиях, грязно-блондинистая девица в черном трико, белый парень с саксофонным футляром под мышкой и негр с трубой. Немного не доходя до Стэнли, они сворачивают вправо, на Дадли-авеню. При этом блондинка через плечо бросает на него какой-то странный, как бы узнающий и понимающий взгляд. Стэнли идет своей дорогой, а громкие голоса хипстеров, отражаясь от стен, еще какое-то время слышатся позади. В общих чертах они похожи на много раз виденных им обитателей Гринвич-Виллидж, только более загорелые и отвязные. Впечатления от их вида, звуков и запахов еще долго, на протяжении нескольких кварталов, не отпускают Стэнли, вызывая необъяснимое беспокойство.

В таких рассеянных чувствах он перед Уэйв-Крест-авеню едва не проходит мимо Клаудио, сидящего на скамейке рядом с красивым худощавым мужчиной в мятой цветастой рубашке и некогда элегантных брюках. Мужчина говорит по-испански с заметным американским акцентом, сопровождая свою речь смехом и взмахами левой руки, то и дело касающейся податливого плеча Клаудио. Стэнли маячит на углу, пока не убеждается, что Клаудио его заметил. Тогда он переходит на другую сторону улицы. Клаудио избегает встречаться с ним взглядом. Вместо этого он раз за разом с улыбкой поворачивается к собеседнику.

Сверкающий никелем и черным лаком «монклер», скрипнув тормозами, останавливается на перекрестке; из его открытых окон звучит саксофон Чака Рио. Не вставая со скамьи, красавчик имитирует танцевальные па, подпевая и выкрикивая «Текила!» в наползающие сумерки. Клаудио смеется и легонько хлопает его по колену. Мужчина наклоняется к бутылке в бумажном пакете у своих ног, и его длинные пальцы промахиваются мимо горлышка на целый дюйм. Стэнли прислоняется к стене, скрестив руки и стараясь дышать ровнее. Он чувствует, как пульсирует кровь в пораненной голени, тычками надавливая на тугую повязку. Кистень за ремнем напоминает о себе, упираясь в его копчик.

Клаудио поворачивается к Стэнли и манит его пальцем. Стэнли переходит улицу и приближается к ним гуляющей походкой, полуприкрыв глаза и изобразив на лице улыбку.

– Чарли, – обращается Клаудио к мужчине, – познакомься с моим другом Стэнли. Стэнли, это Чарли.

–

Encantado de conocerte, Se?or [14], – говорит мужчина и протягивает нетвердую руку. Пожатие влажное и слишком затянутое; Клаудио смеется.

– Взаимно, – говорит Стэнли.

– Чарли сочиняет рекламные тексты, – говорит Клаудио. – Он рекламщик.

–

Вы заметили, как много ваших соседей обзавелось мебелью от фирмы «Герман Миллер»? – произносит Чарли, пародируя голос радиодиктора. –

В Детройте это ни для кого не секрет: пример «Эдсела» оказался заразительным!

Стэнли приседает на корточки перед скамьей и смотрит в лицо Чарли, зрачки которого мечутся в глазницах, как июньские светлячки.

– Эй, Чарли, что ты там пьешь? – спрашивает Стэнли.

– Бу-ба бу-бу ба-бу бу-бу! – напевает Чарли, слегка брызгая слюной на Стэнли при каждом «б». – Лимон и соль в мартини? Карамба!

Однако Стэнли улавливает в его дыхании запах джина: в пакете бутылка «Сиграмса». Он мрачно смотрит на Клаудио, который не отводит глаза, но те кажутся остекленевшими, а что скрывается за этим стеклом, понять невозможно.

– Может, переместимся к воде? – предлагает Стэнли. – Что скажешь, Чарли?

– Чарли пригласил меня в свою берлогу, – говорит Клаудио.

– Куда?

– И тебя я тоже приглашаю, – говорит Чарли. – Двое – это хорошо, а трое – еще лучше. Чем больше компания, тем веселее. Согласен?

– Нет, – говорит Стэнли. – Давай лучше спустимся к воде. Вода сейчас такая приятная, Чарли. Она освежает. Тебя это взбодрит.

– Это хорошо, очень хорошо, – говорит Чарли. – Отличная мысль. Я люблю воду. Я люблю нырнуть в нее и...

Он поворачивается к Клаудио:

– Как тебе эта идея, друг мой? Ты не против? Хосе? Нет, извини! Э-э... твоё имя? Кассиус? Мой тощенький голодный друг. Нет? Клавдиус? К-к-клавдиус? Нет, погоди... сейчас вспомню, сейчас...

Насаживай приманку на крючок, и эта рыбка клюнет. Самое время идти к воде.

Чтоб мою книгу утопить на дне морской пучины, куда еще не опускался лот.

Стэнли берет его за правую руку и тянет на себя. Это похоже на вытягивание растаявшей ириски: вроде бы дело продвигается, но Чарли при этом остается на скамье и еще успевает сцапать свою бутылку. Клаудио подхватывает его под левую руку, и наконец он поднимается на ноги.

Они ведут Чарли через променады, навстречу рокочущим звукам прибоя. Их руки смыкаются на его талии. Они не смотрят друг на друга. Теперь, будучи так близко, Стэнли может определить, что Чарли – пьянчуга со стажем, далеко скатившийся по наклонной: его тело под одеждой иссохло, как костяк огородного пугала, пряди светлых волос сухие и ломкие. Много с такого не возьмешь, разве что карманную мелочь. Зря он в это ввязался, овчинка явно не стоит выделки.

После нескольких шагов по песку, уже на краю освещенного фонарями пространства, Чарли начинает упираться.

– Ты в порядке, старина? – спрашивает Стэнли.

– Не хочу в воду, – ноет Чарли. – Я еще не готов.

– Ты о чем?

– Я сказал...

Ноги Чарли зарываются в песок, он распрямляет спину и принимает подобие строевой стойки «вольно». Речь его становится внятной, а произношение – чистым и правильным, как у бостонского «брамина».

– Я сказал, что еще

не готов войти в воду . Если вы не возражаете.

Свободная рука Стэнли перемещается за спину, пальцы смыкаются на плетеной рукоятке. Но когда он снимает другую руку с талии Чарли, тот падает ничком, увлекая за собой Клаудио. Оба оказываются на песке еще до того, как Стэнли вытаскивает кистень из-за ремня. В нос ему ударяет запах алкоголя и можжевельника, снизу доносится мягкое бульканье вытекающей из бутылки жидкости. Смех Чарли звучит глухо, большей частью уходя в песок.

Оглянувшись по сторонам, Стэнли перекладывает кистень в боковой карман.

– Давай не будем шуметь, Чарли, – говорит он. – Хорошо?

Клаудио переворачивает Чарли на спину.

– Тихо! – говорит Чарли, выплевывая песок и похлопывая Клаудио по щеке. – Ш-ш-ш-ш!

Молчание – это лучший глашатай радости , не правда ли, Тадзио?

Говори тише, если речь идет о любви .

Стэнли опускается на колени рядом с Чарли и ощупывает карманы его брюк в поисках бумажника. Небо уже почернело, за исключением синеватой полосы на горизонте. На этом фоне к северу от них причудливыми силуэтами вырисовываются недостроенные аттракционы на пирсе. В процессе обыска Стэнли отвлекает Чарли разговорами.

– Ну и каково это – быть рекламщиком? – интересуется он.

– Нет, нет, нет,

нет , – говорит Чарли. – Я не рекламщик, я атман. Я душа, дух, абсолют. Так же как и ты. И как он. Как все мы. Понимаешь?

– Так ты не сочиняешь рекламу?

– Больше нет. Давно забросил это дело.

– Тогда чем ты занимаешься, Чарли? Кроме пьянства, разумеется?

– Я поэт, – говорит Чарли.

Стэнли вынимает руку из его кармана и рассеянным движением разглаживает смятую материю. Где-то южнее два долгих гудка оповещают о надвигающемся тумане. Полная желтая луна повисла над городом; Стэнли смотрит на ее отражение, рассеянное бликами по океанским волнам. «Ну конечно же, – думает он. – Конечно же, именно так все и должно было произойти».

– Чарли, – говорит он, – скажи мне, ты, случайно, не знаешь такого Эдриана Уэллса?

20

Кавалькада байкеров заворачивает с набережной на Брукс-авеню, когда к этому перекрестку с другой стороны приближаются Стэнли и Клаудио. Девчонки в бриджах и юбках клеш затыкают пальцами уши и широко открывают рты, пока лучи фар описывают дугу на стенах зданий, а выхлопы форсированных двигателей вносят ощутимые коррективы в состав

окружающей атмосферы. Перед винным магазином на Бриз-авеню припаркованы два «харлея»; их трубки и диски, хромированные и отполированные до зеркальности, практически невидимы в полутьме и демаскируются лишь искривленными отражениями проходящих мимо людей. Впрочем, Стэнли уделяет крутым байкам лишь один мимолетный взгляд.

– Ну что, убедился? – говорит Клаудио. – Я великий сыщик.

– Не великий, а просто удачливый, – говорит Стэнли. – Ты случайно подцепил пьянчугу, который пригодился

мне, но он оказался не тем, кого искал

ты. У этого при себе не было ни цента.

– Выходит, это ты у нас счастливчик? А все потому, что тебе посчастливилось иметь напарником такого великого и удачливого сыщика.

– Только не говори мне об удаче, – ворчит Стэнли.

Они перемещаются на север вдоль берега, и через несколько кварталов Стэнли видит пару знакомых лиц, возникающих в дверях игорного павильона: это вожак «псов», с которым они сталкивались пару недель назад, и его подручный, прыщавый блондин. Оба кавалера при дамах – грудастой остроносой девице у босса и мексиканке-полукровке у белобрысого – и в данную минуту мало интересуются происходящим вокруг. Стэнли и Клаудио, на секунду замешкавшись, продолжают идти прежним курсом. Вожак замечает их уже на подходе. Стэнли встречается с ним взглядом и, не отводя глаз, делает невозмутимое лицо. Сощурившись, вожак изображает кривую ухмылку и слегка кивает Стэнли – отнюдь не дружелюбно, но и не без уважения, – а затем вновь поворачивается к своей спутнице. Стэнли и Клаудио беспрепятственно проходят мимо них.

Луна поднимается выше и сияет ярче, и в ее голубовато-серебристом свете Стэнли различает отдельные аттракционы на пирсе: американские горки, карусель, «ковер-самолет» с нарисованными минаретами и луковичными куполами. Они уже недалеко от цели. Пьяный Чарли дал очень путанные указания, но Стэнли сразу понял, куда идти. Он ранее бывал на Дадли-авеню и сейчас напрямик направляется к этому кафе, которое и возникает за поворотом – ярко освещенное и весьма людное. Они переходят улицу, и Стэнли открывает дверь.

Помещение вытянуто в длину, с проходом между двумя рядами восьмиугольных столиков. Выбеленные стены покрыты размашистыми черными надписями вперемежку с абстрактными полотнами: какой-то сумбур из пересекающихся линий, загогулин, брызг и клякс. Дальний угол зала отгорожен неширокой стойкой бара с медной кофеваркой эспрессо, а по ту сторону стойки расположились старая плита, негромко урчащий холодильник и очкарик-бармен в покрытой кофейными пятнами тенниске. Уже знакомая Стэнли компания хипстеров рассредоточена по залу: музыканты сидят ближе к бару, а блондинка пристроилась у стены слева. Она встречает Стэнли пристальным взглядом из-под полуопущенных век. Больше никто не обращает на него внимания. Сигаретный дым спиралями плывет вверх от всех столиков, и молочно-белая мгла под потолком как бы кристаллизуется в матовых шарах ламп.

Пятачок рядом с прилавком занимает ударная установка, перед которой лицом к публике стоит молодой человек в джинсах и свитере и, раскрыв блокнот, читает из него вслух. В правой руке он держит карандаш, словно только что закончил писать то, что сейчас озвучивает.

–

Я вижу священный град твоими глазами, Герман Мелвилл! – вещает он. –

Свет новой луны – это твой свет, Герман Мелвилл, и мои шаги попадают в такт твоим слогам.

«Должно быть, стихи», – думает Стэнли и тут же сам удивляется: с чего он это взял? Эти фразы мало похожи на язык «Зеркального вора», до сих пор бывшего единственной известной ему поэзией, если не считать нескольких рифмованных строк, которые выкрикивали кидалы на 42-й улице, завлекая падких на звучные цитаты студентов. Тогда почему он так сразу посчитал эту речь именно стихами, а не каким-нибудь хипстерским жаргоном?

Парень в свитере продолжает чтение нараспев, с подвывом – поминая Будду и Заратустру, русский спутник и «Дженерал моторс», – но Стэнли уже не прислушивается, вместо этого осматривая зал, который заполнен на три четверти. Новые посетители, не задерживаясь у входа, пробираются на свободные места. Табачный дым застилает глаза Стэнли, и все происходящее в зале видится как сквозь вощеную бумагу. За столом возле ударной установки он замечает пожилого человека в очках с роговой оправой и твидовой кепке; на вид ему лет шестьдесят – вдвое больше, чем любому из присутствующих. Он слушает поэта, время от времени слегка кивая. Справа от него сидит чернобородый лысоватый тип весьма устрашающего обличья. Стул напротив него не занят.

Стэнли толкает локтем Клаудио.

– Подожди меня здесь, – говорит он. – Я не задержусь.

Путь к тому столу заблокирован чтецом, и Стэнли приходится пролезать между ним и большим барабаном. Поэт отрывается от блокнота, замолкает и недоуменно глядит на Стэнли, а потом начинает искать место в тексте, на котором прервался. Стэнли проскальзывает на свободный стул. Бородач встречает его хмурым взглядом, но в остальном никак не реагирует.

Стэнли наклоняется через стол к пожилому мужчине.

– Извините, мистер... – начинает он шепотом.

– Ш-ш-ш... – прерывает его мужчина, поднося палец к губам. – Не сейчас.

Между тем поэт снова поймал кураж – теперь он кричит что-то о башнях и пирамидах, о новом Ренессансе, об Атлантиде, встающей из волн Тихого океана. Публика подбадривает его возгласами, но Стэнли это одобрение кажется ненатуральным, как будто отрепетированным. Он нетерпеливо постукивает каблуком по гладкому полу, пока декламация не завершается на высокой ноте, после чего все хипстеры начинают щелкать пальцами, – должно быть, так у них принято вместо аплодисментов. Стэнли снова наклоняется через стол.

– Извините, – говорит он.

Мужчина исполняет еще несколько смачных щелчков, прежде чем взглянуть на Стэнли, надменно выгибая бровь.

– Чем могу вам помочь, молодой человек?

– Вы Эдриан Уэллс?

Бровь опускается, а лицо его искажает негодующая гримаса. Бородач подавляет смешок, поднимая глаза к потолку.

– Мой юный друг, – говорит мужчина, – я Лоуренс Липтон.

Он произносит это так, словно Стэнли наверняка слышал это имя и должен отреагировать соответственно. Кто-то нависает над плечом Стэнли: это чтец, желающий вернуть свое место за столиком. Стэнли вежливо улыбается пожилому мужчине.

– О'кей, – говорит он. – Но, может быть, вы

знаете Эдриана Уэллса?

Липтон молча смотрит на него секунду-другую, выказывая нарастающее раздражение, а потом дважды стучит костяшками пальцев по белой пластмассе столешницы и рывком поднимается на ноги.

– Я знаю

всех, – ворчит он и уже мимо Стэнли обращается к поэту: – Можешь сесть на мое место, Джон. Мне надо пообщаться с музыкантами.

Стэнли встает вслед за ним с намерением все же добиться ответа, но бородач задерживает его, беря за локоть – не грубо, но цепко.

– погоди, – говорит он. – Эдриан Уэллс иногда здесь бывает. Приходит послушать джазовый речитатив.

– А сегодня он здесь?

– Пока нет.

– Что такое джазовый речитатив?

Липтон, обходящий стол, останавливается перед ударной установкой, медленно поворачивается и раздвигает руки на манер эстрадного фокусника или ведущего телевикторины. Этот жест, похоже, призван объять не только эту сцену и этот зал, но и все побережье в придачу.

– Вот это! – говорит он. – Это все и есть наш джазовый речитатив!

– Стюарт, – представляется бородач и протягивает Стэнли толстую квадратную ладонь.

– Стэнли, – отвечает Стэнли.

– Так что тебе нужно от Эдриана Уэллса? Ты его пропавший сын или типа того? Хочешь востребовать наследство?

– Я прочел его книгу, – говорит Стэнли, – и хочу с ним встретиться.

– Он что, издал книгу?

– Кто издал книгу?

Последний вопрос задает молодой поэт, садясь на освобожденный Липтоном стул.

– Эдриан Уэллс.

– Не слышал о таком.

– Он живет недалеко отсюда, – говорит Стюарт. – Ларри с ним знаком. Он читал нам одну

свою вещь вскоре после открытия кафе. Ты наверняка его здесь видел. Сначала кажется нелюдимым, но, если его немного подмаслить, может завернуть неслабую речугу. Ах да, Стэнли, познакомься – это Джон.

Поэт с заминкой протягивает руку. Стэнли также без спешки отвечает на рукопожатие.

– Запал на Уэллса, да? – спрашивает Стюарт. – А кто еще тебе в кайф?

– Не понял вопроса, – говорит Стэнли.

– Я о поэтах. Кого еще ты любишь?

Стэнли задумчиво упирается взглядом в столешницу, заляпанную свечным воском, обколотую по краям и в нескольких местах обожженную сигаретами. Затем снова смотрит на собеседника и пожимает плечами.

Стюарт оглаживает бороду, созерцая струйки дыма на фоне светящихся шаров над головой.

– Уэллс мне нравится, – говорит он. – В уме и таланте ему не откажешь. Но вот что я тебе скажу: его стихи сейчас совсем не в тему. Взять, например, Элиота – я от него реально тащусь, «Бесплодная земля» вообще срывает крышу. Но в наши дни гоняться за хвостом старого опоссума – это полный отстой. Стихи всех этих старперов – Пэтчена, Рексрота, Эдриана Уэллса, Кёртиса Цана, да и зачастую самого Ларри, – это как секс в презервативе. С мозгами у них порядок, а вот под ребрами, похоже, все усохло, причем сами они об этом даже не подозревают.

Ближе к центру стола из пластикового покрытия вырезан ромбовидный кусок, обнажая древесное волокно. В этом месте, частично прикрытом подсвечником с толстой красной свечой, кто-то наклеил трехцентовую марку с надписью «РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В АМЕРИКЕ» и нарисовал вокруг множество символов: звезды, полумесяцы, кресты (включая древнеегипетский), пентаграммы и разные магические знаки. Почти все они так или иначе уже попадались на глаза Стэнли, но значение большинства ему неизвестно.

– Их поэзия напоминает кул-джаз, усекаешь? – продолжает Стюарт. – Тот же случай, что с кошками Элиота, которые отлично умеют сформулировать проблему, но даже не пытаются найти ее решение. И в результате все катится в никуда. Мы, нынешние поэты, должны продолжить дело Элиота с того места, где он остановился, когда гром говорит:

«Шанти, шанти, шанти» .

Джон тычет большим пальцем в сторону входной двери.

– Кстати, о движении в никуда, – говорит он. – Взгляни, кто там нарисовался.

Стюарт поворачивает голову к двери. Стэнли следует его примеру и видит стоящую там невысокую черноволосую девушку с каким-то сонно-потерянным выражением лица. Позади, держа руку на ее шее, маячит мужчина с клювовидным носом и обезьяньими надбровными дугами. У него серая, цвета вареного мяса, кожа; крошечные глазки блестят на безжизненном во всех прочих отношениях лице. Девушка – при тонкой талии у нее широкие бедра и плечи – недурна собой, хотя уже понятно, что красота ее недолговечна. Даже плотная дымовая завеса не мешает Стэнли тотчас же распознать в этих двоих законченных наркоманов. В данный момент они выглядят как чревоутолет и его кукла.

– Это ведь не он? – спрашивает Стэнли.

– Уэллс? – Стюарт смеется. – Нет, чувак. Это скорее

прямая противоположность Уэллса.

– Что он здесь делает? – удивляется Джон. – Я думал, он давно уже уехал. Разве они с Лин не собирались вернуться в Нью-Йорк?

– Они собирались, но я уговорил его остаться до хода рыбы, – говорит Стюарт. – Не в обычаях Алекса пропускать пиршество.

– Рыба? Но до нереста еще недели две.

– Нет, это случится уже завтра. Сегодня полнолуние, усек?

– Что за бред ты несешь, Стюарт? Никакого хода рыбы завтра не будет. Слишком рано, вода еще холодная.

Стюарт ухмыляется:

– А вот тут ты не прав, старик. Прошлой ночью мы с Бобом и Чарли ходили к океану пообщаться с Нептуном и его нимфами. Слово морского царя – это закон. Все уже решено: ход рыбы начнется завтра.

За спиной Стэнли негр играет гаммы на трубе с сурдинкой; затем и саксофонист начинает настраивать свой инструмент. Блондинка и еще несколько хипстеров перемещаются поближе к стойке бара, рассаживаясь прямо на полу или упираясь спинами в стену. Липтон взмахом подает знак Стюарту, сжимая в другой руке пачку мятой писчей бумаги.

– Ну вот, мой выход, – говорит Стюарт.

Он встает, вытягивает из заднего кармана блокнот и занимает место перед ударной установкой. Стоя, он оказывается ниже, чем можно было ожидать, лишь ненамного превосходя ростом Стэнли. Липтон, хлопнув Стюарта по спине, усаживается на освобожденный им стул.

Стэнли вылезает из-за стола, протискивается мимо Липтона и трогает Стюарта за плечо.

– Стюарт, мне нужна твоя помощь, – говорит он. – Как мне найти Уэллса?

Стюарт листает свой блокнот и отвечает, не отрываясь от этого занятия:

– Если он появится здесь этим вечером, я тебя с ним сведу.

– Можешь сказать, где он живет? Или где он работает? У тебя есть номер его телефона?

– Ничего этого я не знаю, – говорит Стюарт, со вздохом закрывая блокнот. – Послушай, мне сейчас выступать. Я помогу тебе найти Уэллса попозже. Успокойся и подожди немного, о'кей?

Стэнли опускает взгляд и слева от себя видит сидящую на полу блондинку, которая пялится на него самым откровенным образом. Ее глаза – серо-карие, фарфорово-кукольные – широко открыты. От этого Стэнли становится не по себе; он разворачивается и, сунув руки в карманы, идет к выходу.

Клаудио расположился за столиком у самой двери в молодежной компании: три девчонки сидят, а два парня стоят позади них, опираясь на спинки стульев. Клаудио привычно корчит из себя несчастного страдальца и находится примерно на середине душераздирающей истории о злключениях иммигранта-мексиканца где-то в аризонской пустыне. Парни наклоняются к нему, чтобы лучше слышать, а каждая из трех девиц уже готова приютить

бедного юношу в своем доме, чтобы вволю пичкать его пирожными и наряжать в модные тряпки.

Справа от Стэнли происходит какое-то еле уловимое движение: это человек с носом-клювом. Он придвигается все ближе, и у Стэнли возникает тревожное, но не сказать чтобы уж очень неприятное чувство, подзабытое со времени отъезда из Нью-Йорка: просто этот тип подбирается к нему точь-в-точь как тамошние карманники. Знакомое чувство его даже радует, хоть за этим могут последовать проблемы. Стэнли стоит спокойно, смотрит прямо перед собой.

– Вижу, ты здесь впервые, – говорит человек справа. – Я Алекс.

– Стэнли.

Алекс кивком указывает на Клаудио:

– Смазливый педик ловко взял их в оборот. Времени зря не теряет, да?

Стэнли не отвечает, ограничиваясь нейтральной улыбкой.

– Он ведь твой напарник, – говорит Алекс. – Хорошо с ним работается?

Тут Стэнли припоминает, что Алекс появился в кафе лишь пару минут назад и потому не мог видеть их с Клаудио вместе – во всяком случае, здесь. Он поворачивается лицом к собеседнику.

Алекс демонстрирует свой профиль Старик-горы, глядя куда-то в пространство.

– Сейчас вы с ним на мели, – говорит он. – Я угадал? И жить вам негде.

У него иностранный акцент: похож на британский, но не совсем. Возможно, ирландский или шотландский – Стэнли слабо разбирается в таких деталях.

– Ничего стыдного в этом нет, – продолжает Алекс. – Хотя порой приходится очень тяжело. Мне самому случалось бывать на мели. Но всякий раз это был мой

осознанный выбор. Уверен, ты меня понимаешь. Скажи, а этот твой приятель – он и натурой приторговывает?

Стэнли волевым усилием гасит вспышку гнева, не давая ей проявиться в его лице и голосе.

– Нет, – говорит он, – этим он не торгует. А что, вы сами крутитесь в этом бизнесе?

– Он мог бы недурно зарабатывать, – говорит Алекс. – Не здесь, конечно же. Но я знаю много подходящих мест.

– Его это не интересует.

Алекс ненадолго задерживает взгляд на Стэнли. Глаза его сужаются до щелочек.

– Ты из Нью-Йорка, – констатирует он. – Это ясно по твоему выговору. Из какого района?

– Из Бруклина.

– А конкретнее? Флэтбуш? Боро-Парк?

– Уильямсберг.

- Ты еврей?
- Да, – говорит Стэнли. – Он самый.
- Далековато забрел от родного дома, тебе не кажется?
- Думаю, не дальше, чем вы от своего.
- Тут ты прав. Что привело тебя в Калифорнию?
- Я здесь по работе.
- И что за работа?

Стэнли напускает на себя серьезность:

- Подношу биты «доджерсам».

В первый миг Алекс выглядит озадаченным, а затем разражается хохотом. Множество глаз направляется в их сторону. Такое внимание к его персоне вовсе не входит в планы Стэнли. Он замирает, тупо глядя себе под ноги, и так стоит столбом, пока окружающие не возвращаются к своим прежним занятиям.

Алекс захлебывается смехом. В конце концов он умолкает и еще какое-то время приходит в себя.

- Со мной тут жена, – говорит он. – Ее зовут Лин. Гражданский брак, никаких церемоний. Но это не мешает нам быть супружеской парой.

При этом он не указывает Стэнли на свою жену и даже не глядит ее сторону. А та прислонилась к стене рядом со столиком, за которым обмениваются репликами три женщины, игнорируя Лин, словно она невидимка.

- На днях мы покидаем этот город, – говорит Алекс. – Едем в Лас-Вегас. Ты бывал там?
- Не доводилось.

– Лин там устроится танцовщицей. Точнее сказать, стриптизершей. Если что, и по полной обслужит клиента, за отдельную плату. В этом нет ничего постыдного. Каждый из нас может делать не более того, на что способен. Так было всегда.

- А что будете делать вы?
- Я писатель, – говорит Алекс. – Я намерен писать.

В другом конце зала Липтон, размахивая листками, громогласно выдает что-то вроде вступления. Стюарт стоит рядом с ним, уперев руки в боки, закрыв глаза и задрав нос к потолку. За ударными инструментами сидит лохматый белый парень, выбивая легкую дробь на малом барабане и цоколе тарелки. Блондинка поднимается с пола, скользя спиной по стене. Надпись черным над ее головой гласит: «ИСКУССТВО ЭТО ЛЮБОВЬ ЭТО БОГ».

Алекс продолжает говорить вполголоса; Стэнли внимательно прислушивается к его словам, хотя и делает вид, что ему это неинтересно.

- Нам было трудно добыть средства для этой поездки, – говорит Алекс. – А ты вроде парень ловкий и сообразительный. Думаю, мы можем помочь друг другу. У меня есть связи, которые будут тебе полезны.

– А у меня в этих краях нет связей, – говорит Стэнли. – Вам от меня не будет пользы, только зря потратите время.

– Ты желанный гость в этом месте, – говорит Алекс. – Здесь приветствуются все, кто способен нестандартно мыслить и действовать. Однако это не твой мир. И никогда им не станет. Точно так же, как твой мир никогда не станет моим. Таких, как ты, называют «проблемной молодежью» – глупое и оскорбительное клеймо, отвергающее бесценный жизненный опыт, когда он не подкреплён документами. И от этого клейма нелегко избавиться. Я не предлагаю тебе мое понимание, да ты в нем и не нуждаешься. Что я предлагаю, так это уважительные партнерские отношения. Уверен, это принесет пользу нам обоим.

Последние слова Алекса тонут в звуках туша; он крепко хлопает Стэнли по спине, прощально касается двумя пальцами края невидимой шляпы и начинает перемещаться ближе к оркестру. Барабанщик пробегает палочками по всем своим инструментам, после чего Стюарт – все так же с закрытыми глазами, помахивая блокнотом – начинает декламацию.

–

Серебро! – кричит он, заполняя голосом весь зал. –

Темнота! Эхо! Собери все, что принадлежит тебе, о Святая Дева! И я добавлю к этому мой голос!

Кажется, что пространство внутри кафе сжимается, а воздух загустевает; короткие волосы на стриженном затылке Стэнли поднимаются дыбом, словно при встрече с привидением.

Стюарт использует простой, почти разговорный язык, но теперь голос его совершенно изменился – стал мелодичным и завораживающим, как у заклинателя или гипнотизера; при этом Стэнли все труднее следить за смыслом сказанного. Ритм его фраз порой совпадает с ритмом ударных, а порой вступает с ним в диссонанс. Духовые звучат сумбурно, выдавая невнятные, блеющие трели в паузах, когда чтец переводит дыхание. Одна промелькнувшая фраза привлекает внимание Стэнли:

«Я дотягиваюсь до горячих углей и плюю на свои обожженные пальцы». Это напоминает ему историю Моисея в Египте, которую часто рассказывал дед. Стэнли представляет себе Стюарта волокущим каменные скрижали вниз по склону священной горы под жаркими лучами солнца и ухмыляется этой мысли.

От дыма у Стэнли саднит горло и слегка кружится голова. Поврежденная нога ноет и подрагивает, и он прислоняется к стене рядом с косяком входной двери. По другую сторону от двери в похожей позе стоит пузатый рыжебородый мужчина средних лет в очках с черной оправой и твидовой кепке. Стэнли на миг встречается с ним глазами, а потом оба вновь обращают взгляды на представление в глубине зала – застывшие, как пара атлантов; лишь бас-барабан отзывается легкой пульсацией в их желудках и на их лицах.

–

Прошлой ночью на бульваре Эббот-Кинни я повстречал архангела Саризеля, – вещает Стюарт. –

С виду вылитый Роберт Райан. Порядком помятый, давненько не бритый.

Липтон кивает в такт музыке и бьет кулаком по открытой ладони другой руки. Алекс добирается до Лин у левой стены и становится так, что Стэнли уже не видит ее лица. А прямо перед ним Клаудио вальяжно развалился на стуле меж двумя девицами-хипстерами. Он дурашливой улыбкой отвечает на взгляд Стэнли. Парень явно забыл о цели их появления

здесь. Если он вообще понимает эту цель.

Тем временем блондинка продвигается через зал в направлении выхода, огибая столы и сидящих на полу людей, как бумажный стаканчик, несомый извилистым горным ручьем. Все это время она продолжает смотреть на Стэнли, пока не оказывается в нескольких футах от него. Но подходит она не к нему, а к его рыжебородому соседу и что-то шепчет ему на ухо, встав на цыпочки и упираясь рукой в его живот. Ее поза – корпус наклонен вперед, ноги выпрямлены в коленях, зад слегка выпячен под облегающим черным платьем – кажется скопированной с красоток в модных журналах. «Уж не для меня ли этот выпендрей?» – озадачивается Стэнли. Бородач только моргает, не выказывая никакой реакции на ее слова.

Закончив говорить, она чмокает мужчину в щеку и повторяет свой путь в обратном направлении, не оглядываясь на Стэнли или бородача. На это опять же уходит немало времени, а когда она занимает прежнее место в дальнем конце зала, мужчина отделяется от стены, разворачивается и толкает входную дверь.

Стэнли наблюдает за ним через просветы между намалеванными на стекле буквами. Мужчина останавливается на тротуаре, набивает и раскуривает трубку. Затем переходит улицу. На той стороне его ждет маленькая кривоногая собачонка, чей поводок привязан к мусорной урне. Бородач отвязывает собаку и идет с ней в направлении пляжа. От моря навстречу им тянутся щупальца тумана, и человек с собакой исчезают в нем, еще не достигнув набережной.

Между тем внутри кафе трубач-негр уже не подстраивается под паузы в декламации Стюарта, вместо этого безостановочно повторяя причудливо-мрачную мелодическую фразу, которую жалобным остиною подхватывает саксофонист. Барабанная бочка гремит все сильнее и чаще; постепенно звуки всех инструментов сливаются в утробный рокот, как будто исходящий из глубин земли. А в речитативе Стюарта уже не разобрать ни единого слова – это какой-то поток тарабарщины, который только имитирует осмысленную речь, ни в коей мере не являясь таковой. Стэнли обводит взглядом помещение кафе – Джон стоит на своем стуле, Алекс запускает руку под юбку Лин, блондинка сползает вниз по стене и исчезает из виду – и закрывает глаза. Музыка летит через зал и пронзает Стэнли, припиливает его к кирпичной стене. Он уже не может отличить сакс от трубы, трубу от ударных, а ударные от голоса Стюарта. А потом отдельные звуки исчезают, растворяются в самих себе, переходят в монотонный шум, который проникает повсюду...

Мгновение спустя Стэнли обнаруживает, что сидит на тротуаре перед кафе. Он жадно вдыхает свежий воздух, не понимая, как тут очутился. Музыка у него за спиной звучит приглушенно, временами усиливаясь и проясняясь, когда кто-нибудь открывает дверь. Он проверяет перевязанную ногу: рана снова открылась. Коричневое пятно на повязке становится темнее и расширяется книзу.

На Дадли-авеню не видно ни души вплоть до набережной, где под фонарями еще мелькают отдельные прохожие, но никто из них не держит на поводке собаку. Туман все шире расплзается над океаном, и полная луна в мутном ореоле светит сквозь него, как сквозь нейлоновый чулок. Когда Стэнли вновь переводит взгляд на набережную, там больше не наблюдается никакого движения. Воздух тяжелый, застойный – как в непроветренном помещении. Все вокруг кажется нереальным, словно это не улица, а съемочный павильон, созданный специально для эпизода с участием Стэнли и рыжебородого мужчины.

При вставании с земли сильно кружится голова. Он опускает веки и ждет, когда под ними замедлится и потускнеет разноцветный калейдоскоп. Затем, снова открыв глаза, со всей возможной скоростью хромот в сторону пляжа.

Гребни волнорезов, подсвеченные огнями города, медно-красными полосками обозначаются во тьме; шум волн напоминает сонное дыхание невидимых существ. Стэнли взмок, добираясь до променада, но ноги пока еще держат, и он не сбавляет шаг. Цепочки затуманенных уличных фонарей, как ожерелья со стразами, тянутся вплоть до Санта-Моники и нефтепромысла, но нигде под ними не видно человека с собакой.

Группы людей наблюдаются к югу, на Виндворд-авеню, и к северу, перед танцзалом «Авалон», но на данном отрезке набережная почти безлюдна. Два байкера в кожаных куртках и джинсах – без мотоциклов, но зато с мороженым в вафельных рожках – появляются справа. Один из них, проходя мимо, задерживает взгляд на Стэнли.

– Отвали, – говорит Стэнли.

Байкер пожимает плечами, оба продолжают свой путь, и Стэнли остается в одиночестве. Он прикидывает время – уже явно за полночь – и думает о возвращении в кафе. «Береговые псы», должно быть, рыщут по округе, а в его нынешнем состоянии нарываться на них крайне нежелательно. Что до рыжебородого, то он, вполне вероятно, уже спит у себя дома.

Стэнли смотрит на юг вдоль набережной, поочередно фокусируясь на каждой фигуре в пределах видимости. Над крышами можно разглядеть мутные зеленые огоньки далеких нефтяных вышек. Он слышит звук двухмоторного самолета и видит лучи его посадочных фар, нацеленные на полосу, – как две кометы, задом наперед рассекающие туман. Проследив за самолетом вплоть до его исчезновения за домами, он спускается на пляж и прикрывает ладонью глаза, чтобы расширились зрачки. Луна голубым размытым пятном висит высоко над водой, освещая весь западный небосклон.

Когда песок под ногами становится влажным и плотным, он опускается на колени и смотрит вдоль полосы прибоя сначала в одну, потом в другую сторону, для начала оценивая распределение света: белый песок, темное море, переменчивые блики на волнах. Это прием его собственного изобретения. Во время долгого путешествия через всю страну он развлекался нехитрой игрой: смотрел на узкую щель в приоткрытой двери товарного вагона и считал те или иные предметы, мелькавшие в этом просвете: мосты, дороги, сараи, птичьи гнезда. Поначалу он, как водится в таких случаях, устраивал состязания с другими бродягами – кто больше предметов насчитает, – но эта игра вскоре начала раздражать. Ни у кого не получалось на равных бороться со Стэнли; зачастую бродяги отказывались верить, что некоторые вещи (без труда им замечаемые) вообще возможно разглядеть в таких условиях. Стэнли продолжал игру, но теперь уже только сам с собой, постепенно усложняя задачи: пробуя считать телеграфные столбы, взлетающих голубей, угольные вагоны-гондолы во встречных составах; а однажды – правда, при малой скорости поезда – даже подсчитал все шпалы соседнего пути на отрезке между Уинслоу и Флагстаффом. Тут весь фокус заключается в том, чтобы синхронизировать свое зрение с ритмом световых проблесков между объектами. Эта пульсация света стала для Стэнли чем-то вроде кода или ключа, открывающего доступ к самым разным вещам.

В начале сентября прошлого года, за воскресной игрой в покер на ранчо в Нью-Мексико (или в Колорадо), ему вдруг пришло в голову, что эта его способность вполне может быть применима к игральным картам. Но с тех пор он не особо продвинулся в развитии этой теории, занятый другими, более насущными делами.

Отражение лунного диска колыхается на воде, рассеиваясь множеством бликующих овалов и черточек; глаза Стэнли понемногу трансформируют все эти блики в однородный нейтральный фон. И вот уже в двухстах ярдах к югу, примерно на полпути до Брукс-авеню, вырисовывается

пока что бесформенное темное пятно: рыжебородый человек с собакой. Они перемещаются не по прямой, а произвольными зигзагами. Стэнли начинает движение им навстречу, держась ближе к набережной, чтобы не упускать их из виду на фоне более светлого неба. Лица мужчины он разглядеть не может, но силуэт его вполне отчетлив. Кистень в боковом кармане натер ногу, и Стэнли перемещает его назад под куртку.

Сменивший направление ветер доносит до него облачко табачного дыма. Человек что-то напевает – то ли сам себе, то ли своей собаке – на непонятном Стэнли языке. Это не испанский, на котором говорит Клаудио, и не итальянский, который он слышал от соседки в Нью-Йорке, но в чем-то сродни им обоим. Теперь человек идет прямо на Стэнли; дистанция между ними быстро сокращается. Стэнли останавливается и молча ждет. Он видит оранжевый огонек затяжки, дрожание горячего воздуха над ним и уплывающую струйку дыма. Сама ночь кажется хрупкой, словно ее скрепляет незримая стеклянная арматура, – и вся эта конструкция может быть разбита вдребезги одним-единственным словом.

Человек замечает Стэнли, только оказавшись в пяти шагах от него. Он вздрагивает и останавливается. Собака натягивает поводок, принюхивается, затем подпрыгивает на месте как ужаленная и поднимает истошный лай.

– Привет, – говорит Стэнли. – Извините.

Мужчина перекладывает поводок в левую руку, а его правая рука смещается за спину (поверх свитера на нем твидовый пиджак). Стэнли судорожно сглатывает комок в горле.

– Я тебя отсюда не увидел, – говорит мужчина. – Нельзя так пугать.

Голос у него напряженный, хотя звучит ровно, без срывов. Похоже, он и впрямь напуган.

– Все в порядке, мистер, – говорит Стэнли. – Я ничего дурного не замышляю.

Рыжебородый, однако, не убирает руку из-за спины.

– Не советую бродить по пляжу среди ночи, – говорит он. – Тут небезопасно.

Стэнли выставляет перед собой раскрытые ладони, но мужчину этот жест не успокаивает. Его силуэт слегка сокращается в габаритах, – стало быть, сгруппировался, готовится. Того и жди, засветит ствол. Прежде Стэнли много размышлял над словами, которые скажет при этой встрече, но теперь, как назло, ничего не приходит в голову. Слова ускользают, не успевая оформиться во что-то связное, и он лишь беспомощно открывает и закрывает рот.

– Эдриан Уэллс? – произносит он наконец.

Человек замирает, не издавая ни звука, – темная клякса на серебристом занавесе неба и ночного океана. Так оба и стоят, онемев, неведь сколько времени. Тишину прерывает ворчание собаки, роющей лапами песок.

– Кто ты такой? – спрашивает мужчина.

Когда Стэнли отвечает, собственный голос кажется ему абсолютно незнакомым. Раньше бывало, что в моменты испуга он начинал говорить своим детским, тоненьким голоском, а в других случаях, когда он был очень расстроен или утомлен, его голос странным образом старел, превращался в голос того человека, каким ему еще только предстояло стать через много лет. Однако теперешний голос не похож ни на один из этих двух. Он принадлежит кому-то другому из совсем другой жизни. Вслушайся в него сейчас, ибо ты никогда не услышишь этот голос вновь.

– Вы Эдриан Уэллс? – спрашивает Стэнли.

Хотя он и так уже знает ответ. И он уже не боится.

22

Уэллс делает шаг назад, наматывая на руку собачий поводок. Его заметно потряхивает. Староват уже для ночных приключений.

– Не подходи ближе, – предупреждает он. – У меня пистолет, и, если что, я им воспользуюсь.

– Я вас искал, мистер Уэллс, – говорит Стэнли. – Ничего против вас не имею. И против вашей собаки тоже. Вообще-то, я хотел поговорить о вашей книге.

Слышно, как Уэллс переводит дух.

– Моя книга... – бормочет он.

– Да, сэр, ваша книга. «Зеркальный вор».

До сих пор Стэнли ни разу не произносил название книги вслух. И сожалеет, что сделал это сейчас, ибо, повиснув в воздухе, оно кажется каким-то вялым, безжизненным, не соответствующим тому, что оно обозначает.

– Кто ты? Кто тебя сюда прислал? – спрашивает Уэллс.

Второй из этих вопросов удивляет Стэнли.

– Никто меня не присылал, – говорит он. – Я сам по себе.

Уэллс распрямляется, принимая более естественную позу, и произносит что-то на иностранном языке. По звуку похоже на иврит.

– Что, простите? – говорит Стэнли.

Уэллс повторяет фразу. Нет, это звучит не как иврит.

– Сожалею, мистер Уэллс, но я ни черта не понял из того, что вы сказали.

– Как тебя зовут, сынок?

– Стэнли.

– А полное имя?

Стэнли при таком слабом свете не может разглядеть выражение лица Уэллса. Его короткие пальцы все так же рассеянно перебирают собачий поводок. В очках отражаются желтые огни набережной, и каждая линза, рассеченная посередине вертикальной полосой, напоминает кошачий зрачок. Далеко не сразу Стэнли опознает в этих вертикальных полосах свое собственное отражение.

– Гласс, – говорит Стэнли. – Меня зовут Стэнли Гласс. Сэр.

Правая рука Уэллса появляется из-за спины. Он вытирает ладонь о полу пиджака и опускает ее на бедро.

– Я видел тебя сегодня, – говорит он. – В кафе. Почему ты не обратился ко мне там?

– Я не был уверен. То есть у меня возникла мысль, что это вы, но уже с опозданием. Э-э... может, вам стоит слегка отпустить поводок, мистер Уэллс?

К этому моменту уже почти весь поводок намотан на пальцы Уэллса, и собака, частично оторванная от земли, извивается у его ног, мешая воздух передними лапами. Ее ворчание сменяется слабым хрипом.

– Ох, да, – спохватывается Уэллс.

Стэнли смотрит на океан, потом на песок и переминается с ноги на ногу. Он снова начинает нервничать. У него накопилась масса вопросов, но все они смешались в голове, образовали подобие лабиринта, ни один из путей которого не ведет к нормальной человеческой речи. Он и не предполагал, что это окажется так сложно.

– Я прочел вашу книгу, – говорит он.

– Понятно.

– И я хочу кое-что уточнить.

– Да, я слушаю.

– Но я не знаю, как правильно задать вопросы.

За спиной Уэллса негромко плещут волны. Далее по берегу, в районе гавани, завывает туманный гудок. Возможно, этот вой и не прекращался всю ночь, просто Стэнли раньше не обращал на него внимания.

– Ты не против, если мы вернемся на набережную? – говорит Уэллс. – Ночью по этому пляжу бродят наркоманы и всякая шпана, так что лучше не оставаться надолго в темноте.

– Хорошо, согласен.

Уэллс выходит на тропу, по диагонали удаляющуюся от воды; собака трусит за ним. Стэнли идет следом, а затем продвигается вперед, чтобы поравняться с Уэллсом.

– Сожалею, что наше знакомство началось не лучшим образом, – говорит Уэллс. – Недавние события вынудили меня позаботиться о своей безопасности, и, возможно, я слегка перестраховался. Впрочем, на то есть основания. Как бы то ни было, надеюсь, ты меня извинишь. Обычно во время прогулок я не забираюсь к северу от Виндворд-авеню, но сегодня, с дозволения Помпея, мы можем предпринять небольшую экскурсию по городу. Ты не против, старина?

Стэнли открывает рот для ответа, но в следующий миг понимает, что вопрос был адресован не ему, а псу. Последний никак не реагирует, плетясь позади и тихонько пофыркивая при каждом шаге.

С приближением к уличным фонарям все четче вырисовываются черты лица Уэллса: широкого, загорелого, с маленьким носом, морщинистым лбом и резкими складками вокруг рта. Большие голубые глаза. Седые пряди в волосах и бороде. В целом вполне заурядная внешность. По прикидке Стэнли, ему около пятидесяти.

Они выходят на набережную у северной оконечности длинной колоннады. Уэллс останавливается, прочищает трубку над урной и достает из кармана жестянку с табаком. Пес мочится на урну, задирая лапу почти вертикально и балансируя, как заправский эквилибрист. У него лоснящаяся бело-рыжая шерсть, глаза навыкате и короткая, на редкость уродливая морда. При взгляде вверх из-под мохнатых ушей он напоминает Уинстона Черчилля в парике

а-ля Морин О'Хара.

– По твоим словам, ты меня разыскивал, – говорит Уэллс. – Не припоминаю, чтобы видел тебя в кафе до этого вечера. Ты живешь где-то неподалеку?

– Мы с приятелем ночуем в заброшенном доме на Хорайзон-Корт. Приехали сюда три недели назад. А до того работали на плантациях в Риверсайде.

– Но сами вы родом не из Риверсайда, я полагаю.

– Нет, сэр. Мой приятель – мексиканец-нелегал, а я приехал из Бруклина.

– Из Бруклина? Далеко ты забрался от дома. А сколько тебе лет, могу я спросить?

– Шестнадцать.

– Родители знают, где ты находишься?

– Отца убили в Корее, а мама умом тронулась, так что меня дома никто не ждет.

– Очень жаль это слышать. В каких частях служил твой отец?

– В Седьмой пехотной дивизии. Воевал с япошками на Окинаве, потом с филиппинцами. Пошел на сверхсрочную и погиб осенью пятьдесят первого.

– Уверен, он был храбрым солдатом и любил свою страну.

– Да, он был храбрым. И ему нравилось служить в армии. А насчет любви к стране он особо не распространялся.

Уэллс улыбается, сжимает зубами черенок трубки, чиркает спичкой, дает ей разгореться и прикуривает, кругами водя огонь над вересковой чашечкой. Когда табак разгорается, он выбивает трубку и начинает наполнять ее снова.

– Я тоже служил в армии, – говорит он. – Был в Анцио летом сорок четвертого. Но я занимался канцелярской работой – я ведь бухгалтер по профессии – и обычно находился далеко от передовой. Был очень рад, когда война закончилась. Мне она совсем не по нутру.

Он поднимает взгляд от трубки и щурится.

– А ведь я встречал тебя однажды еще до кафе. Ты жонглировал картами на набережной.

– Было такое дело.

– Я выиграл у тебя доллар.

Стэнли стыдливо опускает глаза.

– Вы очень умно сделали, прекратив на этом игру, – говорит он. – Я никому не уступаю больше одного доллара.

– Э, да ты настоящий игрок! – говорит Уэллс. – Ты живешь за счет мастерства и удачи. Черт побери, как я тебе завидую! Это было одной из моих романтических фантазий с юных лет. Я мечтал быть игроком на больших речных пароходах. В белом льняном костюме и с дерринджером в кармане.

– Вы неверно обо мне судите, мистер Уэллс. Та игра на набережной была чистой воды надувательством. Мне, конечно, случалось перекинуться в картишки по-обычному, но я уж

никак не профессиональный игрок.

– Ты он самый и есть, – настаивает Уэллс. – Без сомнения. Ты можешь в любой момент контролировать карты, но ты никогда не знаешь наверняка, что думает и как поступит другой игрок – твой оппонент, которого ты хочешь надуть. То есть даже при заведомой форе ты все равно полагаешься на удачу. А это и есть главное свойство азартных игр, не так ли?

Стэнли задумчиво морщит лоб.

– Пожалуй, – соглашается он.

Уэллс снова раскуривает трубку, неторопливыми взмахами кисти гасит спичку, бросает ее в урну и задумчиво смотрит в пространство, делая несколько затяжек подряд. Потом вынимает трубку изо рта и указывает черенком в направлении зала игровых автоматов на ближайшем углу.

– Это может тебя заинтересовать, – говорит он. – Все эти здания вдоль набережной были построены в тысяча девятьсот пятом. Тогда только начали прокладывать бульвар Эббот-Кинни. С той поры их не перестраивали и не ремонтировали – запустили до безобразия, как говорят в таких случаях, – но и сейчас еще можно получить представление об их прежнем облике. Например, в архитектуре аркад заметна смесь византийских и готических мотивов. Если не ошибаюсь, выполнено в стиле Бартоломео Бона. Ты не против сейчас прогуляться до Виндворда?

Собака теперь бежит впереди, натягивая поводок, словно знает дорогу. Туман обволакивает уличные фонари, под которыми кое-где виднеются сгорбленные фигуры бродяг. Через два квартала Стэнли замечает пятерых «псов», от нечего делать играющих в ножички на песке. Некоторые лица кажутся ему знакомыми: то ли по встрече в кинотеатре, то ли по преследованию на улице. Они также его узнают и выкрикивают оскорбления, однако не нападают, и Стэнли с Уэллсом проходят мимо, причем Уэллс даже не поворачивает головы в их сторону.

Когда левее показывается павильон «Мост Фортуны», Уэллс оживляется и машет рукой в сторону его заколоченных окон.

– Ты выбрал удачное место для старта, – говорит он. – Можно сказать, историческое. Как раз отсюда начинал свою карьеру Билл Харра. В тридцатых это заведение пользовалось большой популярностью. Там играли в бинго. Ты знаком с этой игрой?

– Не особо. Название слышал, но сам никогда не играл.

– Так я и думал. Бинго тебе и не подходит, честно говоря. Это весьма странная игра. Непривычно «авторитарная», если сравнить ее с другими азартными играми. Ты платишь деньги, берешь карточки, а потом остается только сидеть, слушать голос ведущего и ждать результатов. В конечном счете ты просто принимаешь то, что выпадет на твою долю. Впрочем, это не так уж и странно, если учесть, что история бинго тесно связана с историей итальянского государства. Как бы то ни было, несмотря на принцип «довлеющего авторитета», положенный в основу этой игры (или как раз из-за этого принципа?), муниципальные власти Лос-Анджелеса ее решительно невзлюбили. Тогда Билл Харра перенес свою деятельность в Неваду и там уже развернулся по полной программе. Его примеру вскоре последовали и другие. Мафиози Тони Корнеро, чьи плавучие казино курсировали вдоль этого побережья, в тех же тридцатых открыл самый большой игорный дом в Лас-Вегасе. Ты бывал в Неваде, Стэнли?

– Не уверен. Возможно, я через нее проезжал.

– Я бывал там довольно часто. По делам, сразу после войны. Ты в курсе, что когда-то вся территория Невады была покрыта громадными озерами? Я бы даже сказал: внутренними морями. Это было в эпоху плейстоцена, то есть совсем недавно с геологической точки зрения. А теперь Невада – это сплошная пустыня. Куда же подевались все эти озера? Может, когда-нибудь они появятся вновь? Давай-ка свернем здесь.

Они срезают путь через портик отеля «Сан-Марко» и, удаляясь от берега, проходят мимо нескольких магазинчиков, ресторана, ларька хот-догов, журнального киоска. Все они уже давно закрыты и погружены в темноту. Подсвеченные часы над входом в хозяйственный магазин показывают без малого час ночи. Впереди, под неоновой вывеской «ИИСУС СПАСАЕТ», движется какая-то фигура: то ли очень крупная собака, то ли человек на четвереньках. Стэнли не успевает это выяснить до того, как фигура исчезает в тени.

– Так с какой целью ты приехал в Лос-Анджелес? – спрашивает Уэллс.

Стэнли уже решил, что будет неразумно сразу выкладывать всю правду – во всяком случае, до тех пор, пока он не подберет верные формулировки для вопросов, которые хочет задать Уэллсу.

– Просто ветром занесло, – говорит он. – Путешествовал по стране, оказался здесь, ну и подумал, что будет неплохо вас найти.

– Очень польщен таким вниманием. А где ты раздобыл мою книгу?

– У одного знакомого в Нижнем Ист-Сайде.

– В Манхэттене? – говорит Уэллс. – Это само по себе примечательно. Ты знаешь, мы ведь напечатали всего три сотни экземпляров. Около сотни до сих пор лежит у меня на чердаке. Интересно, какими путями эта книга попала в Нью-Йорк?

– Я нашел ее среди кучи барахла в доме одного парня, который перед тем уплыл на остров Райкерс. Там было много всякой поэзии. Но поскольку он сейчас мотает срок за перепродажу краденого, вряд ли удастся выяснить, как он раздобыл эту книгу.

– Возможно, ему приглянулось название.

– Может, и так.

По кольцу гоняют полдюжины «харлеев», и рев их двигателей вынуждает Стэнли и Уэллса замолчать. Уэллс направляется в обход против часовой стрелки; при этом собака, понутив голову и прижимая уши, забирает правее на всю длину поводка, дабы держаться как можно дальше от этой ревущей вакханалии.

Когда байкеры остаются в двух кварталах позади, Уэллс возобновляет беседу:

– С моей стороны не совсем корректно задавать этот вопрос, но я все же спрошу. По твоим словам, у того парня было много разных книг стихов. Ты взял еще какие-нибудь, кроме этой?

– Нет, сэр. Только вашу.

– А почему только мою, хотелось бы знать? Почему не другие?

Стэнли отвечает, только пройдя несколько шагов:

– Вообще-то, я и сам этим удивлен. В первую очередь, насколько помню, мне понравился ее вид. Другие мне показались дешевками. Не обязательно в том смысле, что грошовые издания. Некоторые, наоборот, выглядели так помпезно, будто ты должен весь трепетать

перед их величиим, но при этом была в них какая-то фальшь. А ваша книга выглядела так, словно кто-то ее в самом деле

сотворил . Мне это понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, перейдя по ссылке https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?lfrom=329574480&art=28262496 и купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Сноски

1

Перевод Н. Ставровской.

2

Одеяла, пожалуйста! Больше одеял!

(ит.)

3

Одеяло

(ит.).

4

«Давай потеряемся»

(англ.) .

5

Откуда ты родом?

(исп.)

6

Из какой области?

(исп.)

7

Это пригород Гаваны, верно?

(исп.)

8

«Я, Меркурий, благосклонно проливаю свет на этот торговый город, превосходящий все прочие»

(лат.).

9

«Дом свиданий»

(фр.).

10

«Ремонтник»

(фр.).

11

«Город света»

(фр.) – прозвище Парижа, восходящее к эпохе Просвещения.

12

Кот

(ит.).

13

Перевод Е. Абаджевой.

14

Очень приятно познакомиться, сеньор

(исп.).